

847
19422

~~21208~~

НА ПАМИРАХЪ

Ю. Головнина.

19422

Ю. Д. Головнина.

21208

НА ПАМИРАХЪ.

ЗАПИСКИ РУССКОЙ ПУТЕШЕСТВЕННИЦЫ

Съ портретомъ, посвѣщеніемъ, географической картой, метеорологическимъ графикомъ, 64 цинкографіями въ текстъ и двумя прибавленіями.

1902 г.

МОСКВА.

Типо-литографія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и Н^о, Пименов. ул., соб. домъ.

Собственность ИИФ СССР

12

НА ПЯТИ МАИ

ДЛЯ ПЕЧАТИ

Дозволено цензурою. Москва, 16 мая 1901 г.

43822

1901

Военный Губернаторъ Сыръ-Дарьинской Области,
Генераль-Лейтенантъ

Николай Ивановичъ Корольковъ.

Посвящается

Глубокоуважаемому Николаю Ивановичу

Королькову.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Предисловіе	VII
ГЛАВА I.	
Отъѣздъ.—Тифлисъ. Религіозный обрядъ.—Баку. „Вѣчные огни“.—Переѣздъ черезъ Каспійское море	I
ГЛАВА II.	
Красноводскъ.—Песчаные барханы.—Мѣстныя болѣзни.—Са- маркандъ.—Сартскія женщины.—Первые слухи объ Андижан- скихъ безпорядкахъ.—Голодная степь	7
ГЛАВА III.	
Ташкентъ.—Приготовленія къ путешествію.—Кокандъ и его дворецъ.—Андижанъ.—Безпорядки 16-го и 17-го мая.—Исто- рія этихъ безпорядковъ.—Управленіе краемъ до 1887 г. и послѣ него.—Датха, „Царица Алая“	24
ГЛАВА IV.	
Городъ Ошъ.—Сборы въ путь.—Осмотръ тюрьмы.—Наше вступленіе въ кочевую жизнь.—Крѣпость Гульча.—Охота на кабановъ	51
ГЛАВА V.	
Киргизы.—Киргизская женщина.—Наша прислуга.—Отъ Гульчи до Кизиль-Кургана.—Ольгинъ Лугъ.—Яки.—Охота на кѣйковъ	71
ГЛАВА VI.	
Переваль Талдыкъ.—Алайская Долина съ Хатынь-Артъ.— Сары-Ташъ.—Киргизскія развлеченія: улакъ и байга.—Баръ- Даба.—Переваль Кизиль-Артъ.—Памирскія картины.—Озеро	

Кара-Куль.—Свойства воздуха и признаки горной болѣзни.—	
Имянинное пиршество	91

ГЛАВА VII.

Музь-Коль и его снѣгъ.—Переваль 'Кизиль-Джіикъ.—Озеро	
Рангъ-Куль.—Киргизскій романъ.—Дикіе гуси.—Осмотръ пе-	
щеры.—Легенда о бѣломъ пѣтухѣ.—Чиракъ-Ташъ.—Въ гостяхъ	
у киргиза.—Долина Бюрулюкъ.—Памирскій Постъ	117

ГЛАВА VIII.

Переваль Пшартъ.—Охотничья команда покидаетъ насъ.—	
Вдоль рѣки Пшартъ.—Карнизъ.—Приключеніе съ Андреемъ.—	
Переправа черезъ р. Мургабъ.—Конечный пунктъ нашего пути .	144

ГЛАВА IX.

Обратный путь на оз. Кара-Куль.—Переваль Акъ-Байталъ.—	
Отѣздъ М. М. В—ва.—Вновь на Алайской долинь.—Въ по-	
искахъ за несуществующимъ кишлакомъ.—Крѣпость Дараутъ-	
Курганъ	165

ГЛАВА X.

Ущелье р. Исфайранъ.—Кишлакъ Караулъ.—Снова въ оби-	
таемыхъ мѣстахъ.—Учъ-Курганъ.—Ликвидация имущества экспе-	
диции.—Прощаніе съ кочевой жизнью.—Новый Маргеланъ.—	
Ташкентъ	180

ГЛАВА XI.

Мургабское Государево имѣніе.—Красноводскъ.—Домой, въ	
Европу	201

ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ПАМИРОВЪ.

Мѣстонахожденіе Памировъ и политическое значеніе ихъ.—	
Изслѣдованія русскія и иностранныя.—Орографія и рельефъ.—	
Геологическое строеніе.—Климатъ.—Флора, фауна и населеніе .	205

ПРИБАВЛЕНІЕ

Экипировка экспедиции и стоимость ея	233
Литература о Памирахъ	242

Въ 1898 г. намъ съ мужемъ удалось привести въ исполненіе задуманное нѣсколько ранѣе путешествіе на Памиры, и въ настоящей книгѣ я рѣшаюсь подѣлиться съ читателями тѣми свѣдѣніями и наблюденіями, которыя мнѣ удалось лично получить за эти нѣсколько мѣсяцевъ. Страна эта такъ далека отъ всего, что насъ окружаетъ обычно, отъ тѣхъ условій культуры, къ которымъ мы всѣ болѣе или менѣе привыкли, и свѣдѣнія о ней такъ мало распространены, что описаніе ея по личнымъ наблюденіямъ, смѣю думать, должно представить нѣкоторый интересъ.

Помимо описанія самаго путешествія и свѣдѣній, собранныхъ попутно, мною въ концѣ книги помѣщены два прибавленія: 1-е заключаетъ въ себѣ краткій географическій очеркъ Памировъ, составленный частью по собственнымъ наблюденіямъ, частью по литературнымъ источникамъ, а 2-е—свѣдѣнія о подробностяхъ экипировки и денежной стоимости нашего путешествія.

Если эта книга попадется на глаза человѣку, имѣющему въ виду предпринять подобное путешествіе, и выяснитъ ему какъ тѣ нужды, съ которыми ему придется считаться, такъ и тѣ

условія, при которыхъ придется удовлетворять имъ, и тѣмъ самымъ облегчить его сборы въ путь,—я сочту свою задачу выполненною.

Несмотря на интересъ, проявляемый къ Памирамъ за послѣдніе полвѣка, несмотря на большое количество экспедицій и путешественниковъ, перебивавшихъ тамъ,—много областей этого пространнаго нагорья остаются еще совершенно не изслѣдованными и представляютъ обширное поле для разнообразныхъ наблюденій. И человекъ науки, черпающій знанія въ открытой книгѣ природы, и туристъ, ищущій новыхъ и сильныхъ впечатлѣній, и охотникъ, интересующійся красавцемъ архаромъ, какъ единственною въ своемъ родѣ дичью, конечно не пожалѣютъ о томъ, что рѣшились на время отказаться отъ нѣкоторыхъ, весьма, впрочемъ, несущественныхъ и условныхъ удобствъ: за это ихъ съ лихвой вознаградитъ тотъ захватывающій интересъ, тѣ крупныя впечатлѣнія, которыми подарить ихъ эта суровая, но заманчивая страна.

Считаю пріятнымъ долгомъ выразить свою глубокую признательность участницѣ нашего путешествія Надеждѣ Петровнѣ Бартеневой, взявшей на себя всѣ фотографическія работы экспедиціи и тѣмъ самымъ давшей мнѣ возможность помѣстить прилагаемыя здѣсь иллюстраціи.

I.

Отъездъ.—Тифлисъ; религіозный обрядъ.—Баку; «Вѣчные они».—Переводъ черезъ Каспійское море.

Выѣхали мы изъ Москвы 12 мая 1898 года въ ясный солнечный день, покончивъ, наконецъ, со всѣми дѣлами, задержавшими насъ гораздо долѣе, чѣмъ мы рассчитывали; особенно огорчали насъ выписанные изъ-за границы инструменты, послѣдній изъ которыхъ пришелъ наканунѣ нашего отъѣзда. Но вотъ все, что слѣдовало получить, получено, что надо было купить, куплено, нашъ личный багажъ сокращенъ до возможнаго минимума: отнынѣ мы путешествуемъ вооруженные фотографическими аппаратами, барометрами, треногами и различнымъ смертоноснымъ оружіемъ.

Пока насъ было всего трое: мой мужъ, онъ же «глава экспедиціи», наша хорошая знакомая Н. П. Б—ва и я; остальные спутники наши должны были нагнать насъ въ Ташкентѣ. Не буду описывать пути до Владикавказа, такъ же какъ и красоть Военно-Грузинской дороги, мало кому не знакомыхъ, скажу лишь, что на душѣ у насъ пѣли соловьи и что удивительную бодрость ощущали мы при одной мысли о томъ, что мчимся куда-то далеко, въ Азію, оставляя за собою все условное, сѣрое и будничное. Не мало однако хлопотъ и волненій доставилъ намъ нашъ багажъ: всѣ инструменты шли съ нами, такъ

же какъ и фотографическія пластинки, упакованныя въ шести ящикахъ, небольшихъ по объему, но вѣсящихъ по два съ половиною пуда каждый: довѣрить ихъ нѣжной заботливости багажныхъ кондукторовъ мужъ не рѣшался, такъ что понятнымъ будетъ наше стремленіе запрятать подъ диваны вагона возможно большее количество этихъ ящиковъ. Многіе жалостливые пассажиры, узнавъ, что мы ѣдемъ «куда-то на Памиры», дѣятельно помогали намъ скрывать ихъ отъ бдительнаго ока кондуктора, но при каждой пересадкѣ приходилось повторять фокусъ исчезновенія ящиковъ подъ диванами, и это было до крайности утомительно.

Пріѣхавъ въ Тифлисъ поздно вечеромъ, мы помѣстились въ прекрасной гостиницѣ «Оріантъ», изъ оконъ которой открывается красивый видъ на главную улицу, соборъ и горы съ монастыремъ св. Давида, въ которомъ похороненъ Грибоѣдовъ. Тифлисъ произвелъ на насъ очень пріятное впечатлѣніе своимъ внѣшнимъ видомъ. Европейская часть города вполне благоустроена, съ прямыми, широкими улицами, прекрасными тротуарами и мостовыми; по мѣрѣ удаленія отъ центра городъ утрачиваетъ свое благообразіе, улицы становятся узкими, кривыми, грязными и поднимаются въ гору такъ круто, что по нѣкоторымъ изъ нихъ ѣзда въ экипажахъ невозможна.

Большую часть слѣдующаго дня мы посвятили осмотру естественно-историческаго музея, основаннаго въ Тифлисѣ въ 1867 году. Нынѣшній директоръ его, д-ръ Г. И. Радде, неутомимой энергіей довелъ его до того блестящаго состоянія, въ которомъ онъ находится въ настоящее время: этотъ музей—его дѣтище, надъ которымъ онъ съ любовью и заботливостью трудится не одинъ годъ. При входѣ можно получить подробный,

прекрасно составленный каталогъ. Особенно богатъ отдѣлъ зоологическій съ громадною коллекціею чучель всей кавказской фауны; здѣсь же имѣется единственное въ Россіи чучело кавказскаго зубра. Многія животныя разставлены группами такъ, что представляютъ цѣлыя сцены, полныя жизни и движенія; даже стѣны и потолоки расписаны картинами, дополняющими обстановку и условія данной мѣстности. Д-ръ Радде показывалъ мужу фототипіи для готовящагося къ печати иллюстрированнаго описанія музея. Вечеромъ намъ удалось быть свидѣтелями поразившей меня сцены, и съ этого времени начинается мой дневникъ.

19 мая. Послѣ обѣда направились мы въ Ботаническій садъ, чтобы полюбоваться на его водопадъ, забраться на гору и оттуда взглянуть на широко раскинувшійся городъ, весь розоватый подъ лучами заходящаго солнца; но еще у входа въ садъ мы услышали какіе-то странные возгласы, остановившіе на себѣ наше вниманіе: противъ сада, черезъ неглубокій оврагъ находится магометанское кладбище, на которомъ персіане имѣютъ обыкновеніе собираться для совершенія нѣкоторыхъ религіозныхъ обрядовъ; на этотъ разъ тамъ происходилъ обрядъ самобичеванія въ честь какого-то святого. Толпы персіанъ собираются въ опредѣленные для чествованія памяти святого дни, но дѣйствующими лицами являются лишь десятка два-три мужчинъ средняго и молодого возраста, да группа мальчиковъ-подростковъ по обѣту, данному ими или ихъ родителями. Всѣ они одѣты въ специальные костюмы, состоящіе изъ обычныхъ шароваръ и черной куртки, наглухо закрытой спереди и оставляющей обнаженною спину до пояса; черная повязка на

головѣ и большой пучокъ тяжелыхъ короткихъ цѣпей, привязанныхъ къ веревкѣ, дополняютъ покаянное одѣяніе.

Подъ унылый мотивъ, напоминающій стонущій припѣвъ нашей «дубинушки», эти кающіеся равномерно взмахивали своими тяжелыми связками цѣпей и ударяли съ размаха ими себя по спинѣ, ловко и увѣренно перехватывая веревку то правою, то лѣвою рукою; такъ продолжалось минуты двѣ, послѣ чего ритмъ напѣва нѣсколько мѣнялся и они въ порядкѣ двигались далѣе. Спины кающихся вздулись, были синебагроваго цвѣта, но они, повидимому, не чувствовали ни боли, ни усталости и долго еще послѣ того, какъ мы ушли, доносился до насъ однообразный, отрывистый, словно стонъ, припѣвъ, которымъ сопровождался обрядъ. Намъ говорили, что еще недавно эти дни искупленія длились двѣ-три недѣли; теперь они сокращены до трехъ дней, да и отъ самаго обряда, вѣроятно, въ скоромъ времени останется только форма, такъ какъ уже теперь, и мальчики, и многіе взрослые, повидимому, не причиняютъ себѣ этими ударами значительной боли.

20 мая. Мѣстность отъ Тифлиса до Баку степная, унылая, съ желтой и совершенно выжженной травой, что особенно поражаетъ послѣ западнаго и средняго Кавказа, покрытыхъ густою и сочною зеленью; около Баку уже начинаются характерныя азіатскія постройки съ плоскими крышами на домахъ и куполообразными возвышеніями на крышахъ сакль.

Баку, какъ городъ, не представляетъ собою особаго интереса, а потому мы поспѣшили ознакомиться съ его окрестностями. На «Промыслы» мы попали удачно: въ этотъ день забилъ новый фонтанъ нефти громадной

вышины; онъ весь былъ бураго, почти чернаго цвѣта и наверху разбивался на темно-бронзовыя брызги; кругомъ цѣлыя озера нефти; почва, дерево, все пропитано ею.

На слѣдующій день отправились въ Сураханъ посмотреть на «вѣчные огни»; тамъ уцѣлѣлъ монастырь огнепоклонниковъ, съ жертвенникомъ среди двора, обнесеннаго стѣною; въ послѣдней и помѣщаются жилыя кельи. Въ самомъ жертвенникѣ, а также наверху башенъ, продѣланы отверстія, изъ которыхъ и вырывается наружу подземный газъ, вспыхивающій отъ зажженной спички. При монастырѣ живетъ сторожъ, замѣняющій проводника и поддерживающій огни, которые временами гаснутъ. Ночью эти пылающіе на стѣнахъ свѣтильники должны представлять красивую и своеобразную картину.

Индійцы-огнепоклонники при императорѣ Николаѣ I были лишены принадлежавшей имъ земли и остались на Кавказѣ лишь въ очень ограниченномъ числѣ, причемъ двое изъ нихъ были лѣтъ восемь тому назадъ убиты мѣстными жителями, предполагавшими, что у нихъ хранятся большія сокровища; единственный же изъ оставшихся послѣдователей этого культа, отправившись на родину для свиданія съ родными, умеръ на обратномъ пути. Намъ говорили, будто нынѣ царствующій Императоръ повелѣлъ возвратить огнепоклонникамъ принадлежавшія имъ нѣкогда земли, и человекъ 20 изъ нихъ собираются вновь поселиться близъ покинутой святыни.

22 мая. Съ несовсѣмъ покойнымъ сердцемъ ожидали мы переѣзда черезъ Каспійское море; хотя все время погода была хорошая и ничто волненія не предвѣщало, но вода такая коварная стихія вообще, а въ Каспійскомъ морѣ въ особенности, что вѣрить ей нельзя.

Явились нѣкоторыя затрудненія, такъ какъ на отходящемъ пароходѣ ѣхалъ со своей свитой министръ путей сообщенія кн. Хилковъ, 1-й классъ былъ, слѣдовательно, занятъ, а 2-й переполненъ. Однако намъ посчастливилось, и мы, къ нашему большому удовольствію, были водворены въ 1-мъ классѣ. День прошелъ незамѣтно, море кругомъ было гладко, какъ зеркало, и на слѣдующій день послѣ 16-часового пути мы подходили къ Красноводску. Въ обыкновенныхъ случаяхъ разстояніе отъ Баку до Красноводска проходитъ въ 19—20 часовъ, но на этотъ разъ насъ доставили быстрѣе.

II.

*Красноводскъ.—Песчаные барханы.—Мьстныя болъзни.—
Самаркандъ.—Сартскія женщины.—Первые слухи объ Ан-
дижанскихъ безпорядкахъ.—Голодная степь.*

23 мая. Красноводскъ раскинулся по горному склону у самого моря, желтый тонъ въ немъ преобладаетъ: земля, горы, постройки—все желтое, яркое, рѣжущее глазъ, зелени абсолютно никакой, у подножія города—тихо плещущееся море неестественно зеленого цвѣта. Городъ небольшой, пыльный, унылый, точно изнемогающій подъ лучами палящаго солнца; дома почти всѣ съ плоскими крышами; недалеко отъ берега выдѣляется небольшое, но очень изящное зданіе вокзала, построеннаго въ мавританскомъ стилѣ, крытое оцинкованнымъ желѣзомъ. Постройки блещутъ новизною, такъ какъ городъ выросъ лишь за послѣдніе 3—4 года: до тѣхъ поръ на этомъ мѣстѣ ютились 2—3 десятка лачугъ.

Еще на пароходѣ мы встрѣтились и свели первое знакомство съ нашими будущими спутниками: студентомъ гр. Б. и докторомъ Ш. Теперь мы почти всѣ въ сборѣ, не хватаетъ только нашего зоолога М. М. В—ва, который долженъ нагнать насъ въ Ташкентѣ.

Въ тотъ же день выѣхали мы съ почтовымъ поѣздомъ изъ Красноводска на Самаркандъ. Поѣздъ какой-то игрушечный, съ маленькими вагончиками 2 и 3 классовъ, выкрашенными бѣлою краскою; въ немъ имѣется вагонъ-ресторанъ, что является необходимымъ, такъ какъ на станціяхъ буфеты еще не устроены. Въ нашемъ распоряженіи оказался отдѣльный служебный вагонъ, благодаря случайной встрѣчѣ съ давнишнимъ пріятелемъ и товарищемъ мужа, инженеромъ Г., который, какъ оказалось, служить на Закаспійской желѣзной дорогѣ и выѣзжалъ встрѣчать министра, а при этомъ встрѣтилъ и насъ; свой вагонъ онъ любезно предложилъ намъ и мы расположились въ немъ, какъ дома.

Ѣхали въ виду моря до поздняго вечера, а когда я утромъ выглянула въ окно вагона, тянулась уже степь плоская и гладкая съ лѣвой стороны и съ цѣпью горъ Копетъ-Дагъ съ правой; горы эти мѣстами столбчатого строенія, выдвигаются сразу изъ ровной, какъ столъ, степи и тянутся передъ глазами въ два ряда, изъ которыхъ задній и болѣе высокій имѣетъ видъ стѣны безъ выдающихся вершинъ и всюду приблизительно одинаковой вышины въ 2.500—3.000 футъ; второй рядъ, ближайшій, значительно ниже, размытъ водою и покрытъ травой, теперь уже совершенно выжженною. Грунтъ степи состоитъ изъ лесса.

21 мая. Асхабадъ проѣзжали ночью. Въ 3 часа утра встали, чтобы полюбоваться на развалины стараго Мерва, который занималъ собою значительную площадь. За мервскимъ оазисомъ начинается песчаная пустыня, оставившая по себѣ ужасную память въ лѣтописяхъ нашей войны въ Средней Азіи. Передъ нами разстилалось цѣлое море песка

желтаго, слѣпящаго глаза, все видимое пространство покрыто песчаными барханами, мѣстами поросшими саксауломъ и колючкою, мѣстами же совершенно лишенными растительности; по нимъ шныряетъ невѣроятное количество ящерицъ. Порывы вѣтра гонятъ песокъ по землѣ, какъ снѣгъ въ метель, а въ бурю цѣлыя тучи его несутся по воздуху, заволакивая все видимое пространство и перемѣщая барханы съ мѣста на мѣсто. Видъ этотъ вселяетъ какое-то отчаяніе въ душу человѣка и тянется на сотни верстъ, изрѣдка прерываемый небольшими оазисами съ орошаемыми посѣвами и постройками; послѣднія сооружаются изъ глины (лесса) и очень своеобразны по архитектурѣ: красивыя зубчатыя стѣны образуютъ правильный четырехугольникъ, внутри котораго и помѣщается самое жилище.

Насъ предостерегаютъ отъ употребленія сырой воды не только для питья, но даже и для умыванія, въ виду обилія болѣзней, распространенныхъ въ Средней Азіи: одна изъ наиболѣе часто встрѣчающихся здѣсь—годовикъ, или «пендинка», не щадящая ни взрослыхъ, ни дѣтей; это большая язва, появляющаяся чаще всего на лицѣ и излѣчивающаяся обыкновенно черезъ годъ; она оставляетъ по себѣ безобразныя шрамы и рубцы. Рѣже встрѣчается «ришта»: это паразитъ, гнѣздящійся подъ кожей и имѣющій видъ длиннаго волоса; удаленъ онъ можетъ быть лишь оперативнымъ путемъ и, говорятъ, между туземцами есть люди съ непостижимою ловкостью выматывающіе ихъ изъ подъ кожи цѣликомъ.

Какъ мы слышали впоследствии, сарты приводятъ своимъ оперативнымъ искусствомъ въ величайшее изумленіе даже врачей: особенно удачно производятъ они сниманіе катарактовъ, выниманіе мочевыхъ камней и выдергиваніе зубовъ; при послѣдней операціи они сажаютъ больного

на полъ, запрокидываютъ его голову къ себѣ на колѣни и поталкиваютъ больной зубъ пальцемъ въ разныя стороны до тѣхъ поръ, пока зубъ не начнетъ шататься; затѣмъ врачъ любезно спрашиваетъ своего паціента, предпочитаетъ ли онъ освободиться отъ своего зуба посредствомъ пальцевъ, но за то съ болью, или безъ боли, но съ помощью щипцовъ, и въ послѣднемъ случаѣ зубъ вынимается моментально и безъ всякой боли. Всѣ остальные операціи сарты продѣлываютъ обыкновеннымъ ножомъ, потыкавъ его предварительно для чистоты въ землю.

Настоящимъ же бичомъ этихъ мѣстъ является лихорадка, проявленія которой разнообразны до крайности: одна женщина рассказывала намъ, что у нея, на примѣръ, она выражалась лишь сильнѣйшею болью въ мизинцѣ правой руки, сопровождавшеюся слабостью во всемъ тѣлѣ; часа черезъ два пароксизмъ кончался, боль проходила, не оставивъ по себѣ и слѣда. Иногда лихорадка носить молніеносный характеръ, убивая человѣка въ нѣсколько часовъ; отъ нея вымирали цѣлые кишлаки *). Особенно свирѣпствуютъ онѣ въ окрестностяхъ рисовыхъ полей, хотя въ Мервѣ, гдѣ риса почти совсѣмъ нѣтъ, лихорадки производятъ страшныя опустошенія; такъ въ 1897 г. въ немъ вымерла бóльшая половина населенія, и приходилось отряжать по наряду людей для того, чтобы хоронить умершихъ.

26 мая. Въ Самаркандѣ мы остановились въ довольно сносныхъ «Варшавскихъ номерахъ». Вслѣдствіе необыкновеннаго наплыва пріѣзжихъ свободныхъ номеровъ не было совсѣмъ, и хозяйка, перебравшись сама въ бесѣдку,

*) Кишлакъ—селеніе.

уступила намъ свои двѣ небольшія комнаты за 3 рубля въ сутки.

Какъ намъ пришлось убѣдиться въ послѣдствіи, всѣ наши азіатскіе города имѣютъ одну и ту же фізіономію, благодаря обилію зелени, ихъ украшающей:

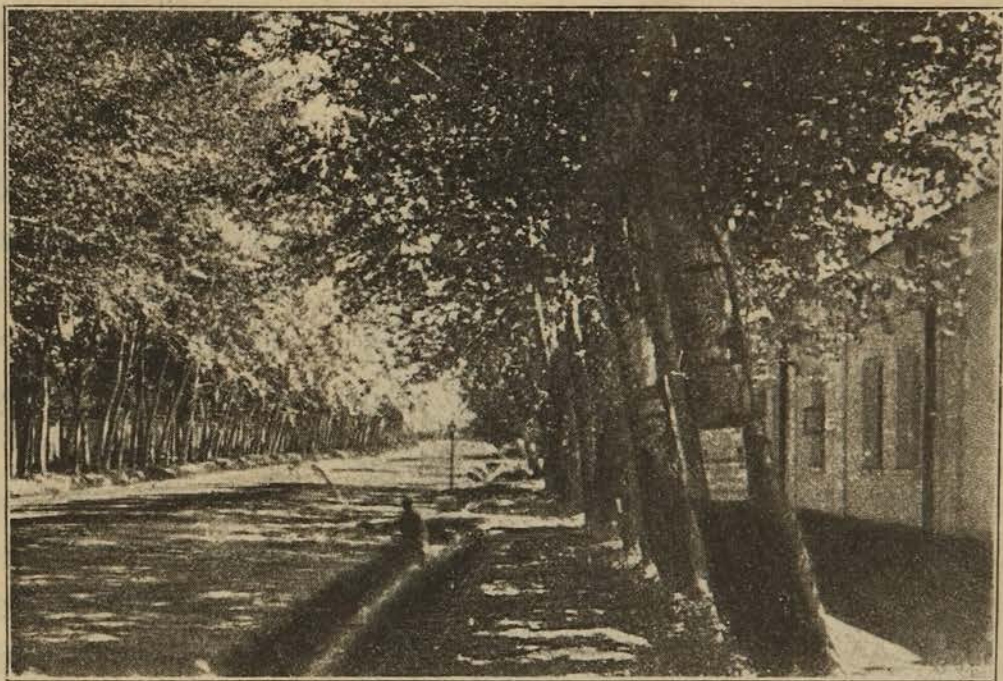

Рис. 1. Улица въ Самаркандѣ.

въѣзжая въ русскую часть города, вы собственно города почти не замѣчаете, такъ какъ ѣдете правильными аллеями, густо обсаженными бѣлою акаціей, карагачомъ, тутовымъ деревомъ. Дома всѣ невысоки (вѣроятно, въ виду бывающихъ здѣсь землетрясеній), да и тѣ въ большинствѣ случаевъ прячутся за заборами, также обсаженными деревьями. Улицы разбиты правильно, съ обѣихъ сторонъ близъ тротуаровъ по арыку *) бѣжитъ

*) Арыкомъ называется канава, или каналъ, для искусственнаго орошенія.

вода, которою и совершается особыми черпаками постоянная поливка улицъ; только при этихъ условіяхъ и возможна жизнь въ этихъ городахъ въ теченіе всего года. Другая особенность, свойственная этимъ городамъ, та, что они рѣзко дѣлятся на два различныхъ города: новый, или русскій городъ, построенный послѣ покоренія страны, и старый, или азіатскій, центръ и сердце котораго составляетъ базаръ. Въ азіатской же части города въ Самаркандѣ находятся всѣ развалины, замѣчательныя и нынѣ въ видѣ таковыхъ. Наболѣе интересно «медресе» *), построенное въ XV вѣкѣ, съ находящеюся передъ нимъ площадью «Ригистанъ», увѣковѣченную нашимъ художникомъ Верещагинымъ. Площадь эта не что иное, какъ громаднѣйшій внутренній дворъ, но тутъ бьется пульсъ жизни населенія: здѣсь цирюльникъ съ замѣчательнымъ искусствомъ брѣшетъ головы своихъ кліентовъ; подалѣе расположились торговцы съ какими-то яствами въ маленькихъ чашечкахъ; на самомъ припекѣ на каменныхъ плитахъ спятъ оборванные, почти раздѣтые сарты-рабочіе; здѣсь снуютъ нищіе, дервиши, живущіе подаяніемъ; здѣсь же говорятся проповѣди, рѣчи, пламенные воззванія, дѣйствующія на религіозный и политическій фанатизмъ толпы. Стѣны и входы, ведущіе въ мечеть и медресе, выложены маіоликовыми кирпичами, довольно хорошо сохранившимися и изумительными по рисункамъ и сочетанію красокъ; нѣкоторыя части зданія, особенно башни, пострадали отъ времени и сильно наклонились, грозя обрушиться на пріютившіяся у ихъ подножія лавченки. Взобравшись по головоломоной лѣстницѣ на одну изъ башенъ медресе, мы долго любовались широкимъ видомъ на городъ Самар-

*) Школа.

кандъ и синѣющій вдали Заревшанскій хребетъ съ его снѣжными вершинами и ледниками.

Кромѣ медресе обращаютъ на себя вниманіе нѣсколько старинныхъ мечетей, разбросанныхъ по старому городу. Таковы, напримѣръ, мечеть Шахъ-Зинда, Биби-Ханымъ, гробница Тамерлана и другія. Въ мечети Шахъ-Зинда

находятся гробницы, подъ которыми погребены нѣкоторые родственники Тамерлана (проводникъ перечислялъ намъ, кажется наугадъ, всякія родственныя наименованія, до двоюродной тетки включительно). Одинъ изъ этихъ родственниковъ считается святымъ и могилу его, въ отличіе отъ прочихъ, осѣняетъ высокій бунчукъ. Другая мечеть съ знаменитою гробницею Тамерлана нахо-

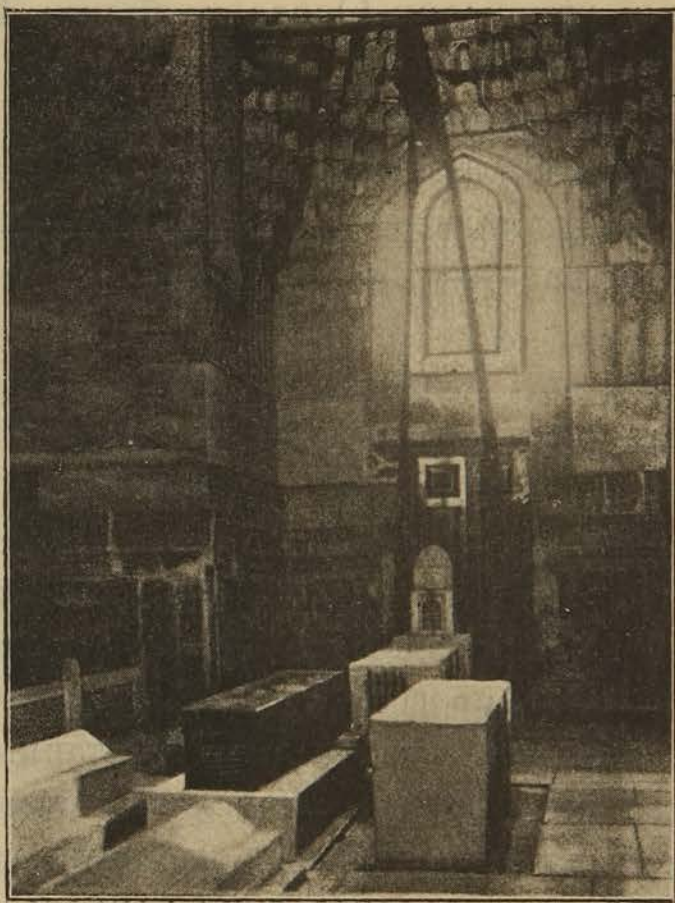

Рис. 2. Гробница Тамерлана.

дится въ южной части стараго города. Снаружи это зданіе такъ же какъ и прочія старинныя мечети сохранило остатки чудныхъ маіоликовыхъ работъ; обвалившіяся мѣста замазаны простою штукатуркой. Рисунки состоятъ изъ довольно мелкихъ узоровъ съ преобладаніемъ синихъ и голубыхъ цвѣтовъ; удивительны они своимъ

неистощимымъ разнообразіемъ, и художникъ употребилъ бы не одинъ день на то, чтобы разсмотрѣть ихъ въ подробностяхъ, такъ какъ каждый входъ, каждая колонка, стѣна отличаются своимъ особымъ, не повторяющимся рисункомъ и сочетаніемъ красокъ синихъ, бѣлыхъ, черныхъ. Самый надгробный саркофагъ сооруженъ изъ темно-зеленаго нефрита съ высѣченными на немъ надписями. Около гробницы Тамерлана погребены его сынъ, министръ и учитель; всѣ эти гробницы обнесены каменною сквозною рѣшеткою съ орнаментами не подражаемой красоты. На внутренней сторонѣ стѣнъ зданія сохранились куски мраморныхъ плитъ съ высѣченными на нихъ орнаментами.

27 мая. У входа въ нашу гостиницу въ густой и прохладной тѣни стоятъ двѣ лавочки; здѣсь, набѣгавшись до изнеможенія, мы просиживаемъ часть-другой, наблюдая уличную жизнь. Въ Самаркандѣ она довольно оживлена и даже тутъ, въ русской части города, замѣтно явное преобладаніе азіата надъ русскимъ въ численности. Вотъ прогремѣла арба, нагруженная какою-нибудь кладью или нѣсколькими закутанными особами прекраснаго пола; этотъ экипажъ состоитъ изъ деревянной площадки, движущейся на двухъ громадныхъ колесахъ, оглобли приходятся лишь немного ниже спины лошади, и правящій послѣднею сидитъ на ней верхомъ, вѣрнѣе на корточкахъ, упираясь ногами въ оглобли; азіаты очевидно привыкли къ такой позѣ и находятъ ее удобною, но европейскія внутренности вѣроятно пострадали бы на быстрыхъ аллеяхъ. Плавною ходомъ на великолѣпномъ конѣ величественно проплываетъ какой-нибудь мѣстный тузъ-сартъ; на немъ пестрый шелковый халатъ, бѣлая чалма, видъ его важенъ и строгъ. Болѣе же

всего способствуютъ уличному оживленію ослики, которыхъ здѣсь неисчислимое количество; они удивительно миниатюрны, но очень выносливы. Съ всегда озабоченнымъ и молчаливо - протестующимъ видомъ осликъ быстро перебираетъ крохотными ножками, иногда весь исчезая въ томъ вороху сѣна, которымъ его навьючили: только и виднѣются надутая рожица и длинныя уши; нерѣдко на этомъ ворохѣ возсѣдаетъ и самъ возница.

Все это двигается мѣрно, степенно, такъ какъ рѣзкія движенія несообразны съ восточнымъ достоинствомъ: истый правовѣрный долженъ говорить и двигаться медленно, важно, — то же въ усиленной степени рекомендуется и прекрасному полу. Женщины встрѣчаются часто, и пѣшкомъ, и верхомъ (на мужскихъ сѣдлахъ), нерѣдко однѣ или съ примостившимся за спиною матери ребенкомъ. Закутаны онѣ наглухо: всю фигуру закрываетъ надѣтый на голову халатъ обыкновенно темно-сѣраго или зеленаго цвѣта съ длиннѣйшими, закинутыми за спину и скрѣпленными внизу рукавами; лицо закрыто густою черною волосаною сѣткою, сквозь которую разглядѣть его невозможно. Откидываютъ онѣ эту сѣтку лишь дома или, изнемогая отъ духоты, гдѣ-нибудь за угломъ, если увѣрены притомъ, что вблизи нѣтъ ни одного мужчины. Только разъ удалось мнѣ видѣть группу женщинъ, открывшихъ лица за угломъ стѣны въ невыносимый жаръ: большинство изъ нихъ были еще молодыми, но уже ожирѣвшими, съ тупыми, сонными лицами и размалеванными глазами и бровями, — потъ струился съ нихъ крупными каплями. Дѣвочки ходятъ съ открытыми лицами до 11 — 12 лѣтъ. Лишь нищія обязаны открывать лица для того, чтобы всякій могъ видѣть, что онѣ не прокаженные: послѣдніе здѣсь

обыкновенно питаются подаяніемъ, при чемъ предосторожности противъ распространенія ужасной болѣзни соблюдаются, повидимому, не особенно строго.

Женщина у сартовъ, какъ и у большинства мусульманъ, играетъ роль скромную: ея почти исключительная обязанность состоитъ въ рожденіи дѣтей, — она даже не рабочая сила, такъ какъ вся тяжесть труда внѣ и внутри дома, а также и уходъ за скотомъ лежитъ на мужчинѣ;

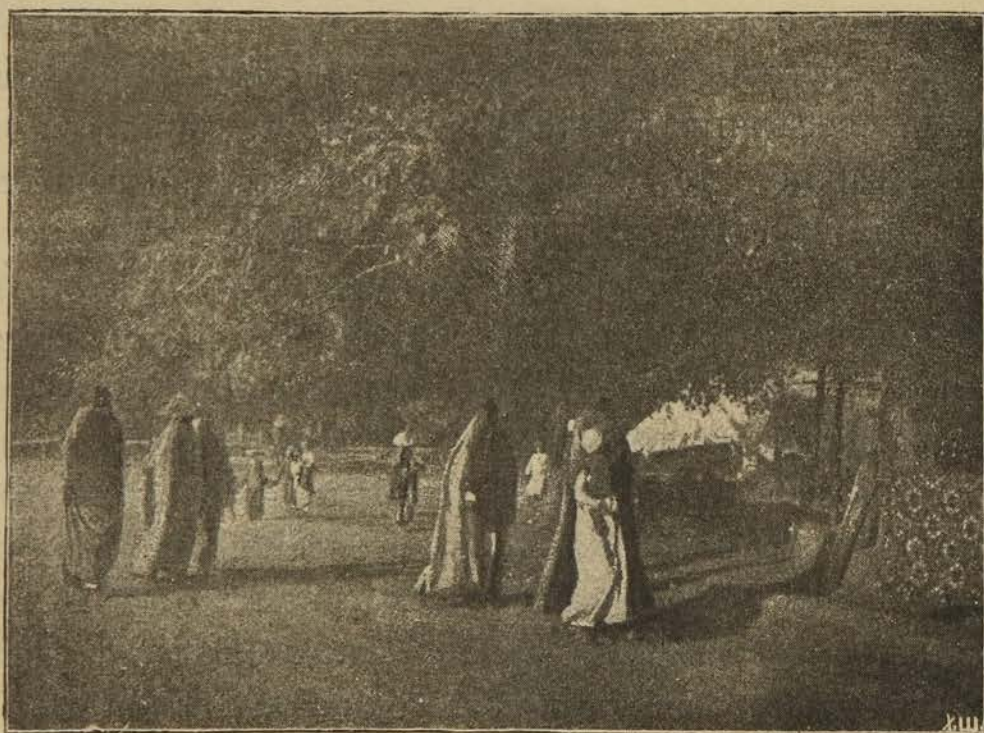

Рис. 3. Сартскія женщины.

женщина ограничивается шитьемъ, вышиваніями и заботами о кухнѣ, иногда даже этотъ послѣдній трудъ исполняется мужемъ.

Женятся сарты не рано, иногда за 30 лѣтъ, при чемъ выборъ невѣсты дѣлается матерью или сестрою жениха; онѣ же иногда доставляютъ ему возможность увидеть суженую, конечно украдкой. Часто и этого не бываетъ, и

женихъ доволствуется тѣми свѣдѣніями, которыя ему сообщаютъ женщины-родныя: «какъ не знаемъ невѣсты, воскликнулъ нашъ Мурза, рассказывая мнѣ о своемъ сватовствѣ: и мать, и сестра смотрѣли, потомъ мнѣ рассказывали, имъ вѣрю». Видитъ онъ ее впервые, когда дѣвушка уже стала его женой. За невѣсту платится родителямъ ея калымъ; онъ, впрочемъ, значительно ниже, чѣмъ у киргизовъ и можно имѣть невѣсту (конечно не перваго сорта) за 100—150 рублей. Подарки, свадебныя празднества и угощенія производятся на счетъ жениха. Разводъ у нихъ въ большомъ ходу, при чемъ достаточно для него повода самаго несложнаго: жена, напримѣръ, имѣетъ право требовать развода, если мужъ не кормитъ ее пилавомъ *) хотя разъ въ недѣлю. Сартъ въ большинствѣ случаевъ хорошій семьянинъ, миролюбивъ и съ дѣтьми обращается чрезвычайно нѣжно, — никто изъ нихъ, даже въ шутку, не толкнетъ и не обидитъ ребенка.

Наша администрація давно сознаетъ необходимость измѣнить положеніе сартской женщины и первымъ къ тому шагомъ были нѣкоторыя попытки открыть ихъ лица, но приходилось при этомъ наткаться на такой рѣшительный отпоръ, что власти не рѣшались настаивать въ виду неизбежности въ такомъ случаѣ поголовнаго возстанія. Такова попытка одного вліятельнаго лица, окончившаяся довольно оскорбительнымъ инцидентомъ. Рѣшено было дать балъ, на который были приглашены всѣ представители туземной власти и аристократіи съ требованіемъ, чтобы они привезли своихъ

*) Пилавъ (по-сартовски — палъу) любимое національное блюдо, приготовляемое изъ баранины и риса съ приправою моркови, изюма и перца.

женъ и дочерей съ открытыми, конечно, лицами. Балъ состоялся, женщинъ привезено было много, при чемъ всѣ онѣ получили подарки, и такимъ образомъ совершилось, повидимому, вступленіе сартской женщины въ общественную жизнь. Но оказалось... что пріѣхавшія на

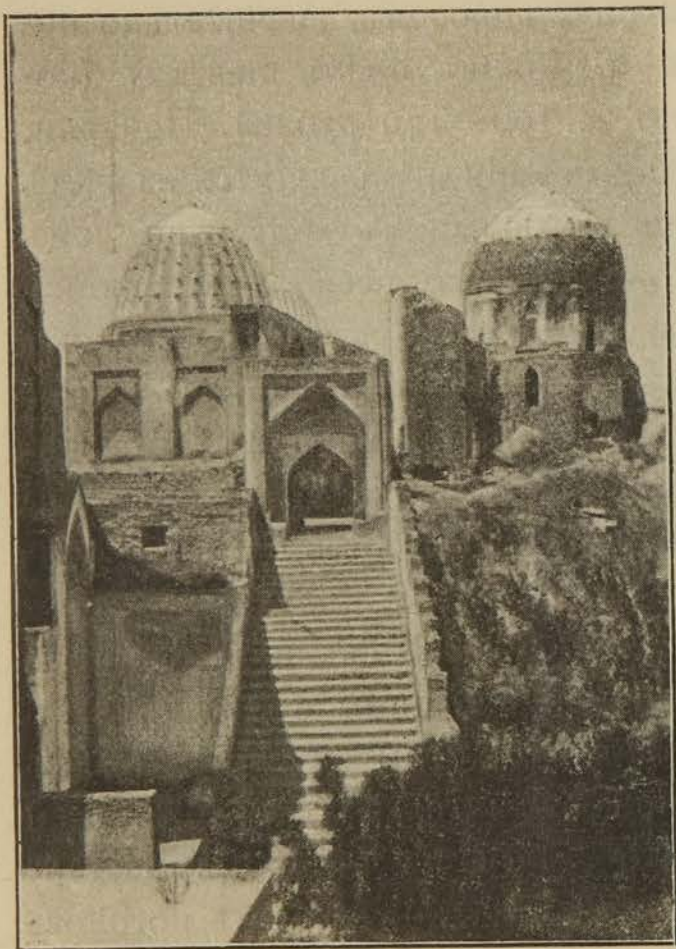

Рис. 4. Мечеть Шахъ-Зинда.

балъ quasi-жены и дочери были просто женщинами легкаго поведенія. Подарки были у нихъ отобраны, власти получили выговоръ, но фактъ остался фактомъ и дальнѣйшихъ послѣдствій не имѣлъ.

Особенно важно было бы открытіе женскихъ лицъ еще въ виду того, что, какъ намъ говорили, подъ женскимъ одѣяніемъ нерѣдко скрываются важные преступники, которые въ такомъ нарядѣ неуловимы:

русскія власти не могутъ выслѣдить подозрѣваемую личность, а туземецъ не смѣетъ ни при какихъ обстоятельствахъ поднять покрывала женщины, такъ какъ это оскорбленіе, по укоренившемся обычаю, можетъ быть смыто лишь кровью. Человѣкъ, разрѣшившій своей женѣ ходить съ открытымъ лицомъ, считался бы из-

мѣнникомъ, проклятымъ и никто не рѣшится нетолько вести съ нимъ какія-нибудь дѣла, но даже и говорить съ нимъ. Наболѣе развитые изъ сартовъ сознають ненормальность такого замкнутого положенія женщины, но ни одинъ не рѣшается пойти противъ вѣками освященнаго обычая, ставшаго закономъ.

Еще князь Хилковъ на пароходѣ сообщалъ въ видѣ слуха о безпорядкахъ, происшедшихъ въ Андижанѣ, но такъ какъ подробно ничего извѣстно не было, мы и не придавали этому большого значенія. Однако слухи эти подтверждаются все настойчивѣе, хотя и съ различными вариантами: приходится убѣдиться, что дѣйствительно что-то произошло. Настроеніе въ Самаркандѣ сильно приподнято, намъ говорятъ о разбѣжающихся по ночамъ патруляхъ, о будто бы убитой женѣ офицера, о совершенномъ безуміи продолжать наше путешествіе при такихъ условіяхъ; люди, даже довольно высоко стоящіе на административной лѣстницѣ, а потому, казалось бы, хорошо освѣдомленные, говорятъ, что страна на военномъ положеніи и что если бы даже, вопреки здравому смыслу, мы и поѣхали далѣе, то насъ изъ Ташкента не выпустятъ. Но именно, вопреки здравому смыслу, мы и рѣшили поступить: придется, быть можетъ, измѣнить нашъ маршрутъ и вмѣсто Памировъ свернуть на Иссыкъ-Куль, но мы не покроемъ себя позоромъ отступленія. Впрочемъ, въ Ташкентѣ мы получимъ свѣдѣнія, уже вполне достовѣрныя, и тамъ окончательно выяснится нашъ дальнѣйшій образъ дѣйствій.

29 мая. Изъ Самарканда выѣхали мы въ 6 часовъ вечера по не совсѣмъ еще законченной линіи желѣзной дороги; путь до Ташкента уложенъ, но не забалластированъ. Такъ какъ дорога еще не открыта *), то выдача билетовъ производится бесплатно и всецѣло зависитъ отъ любезности желѣзнодорожной администраціи; правильнаго и обязательнаго для дороги распisanія не существуетъ, классныхъ вагоновъ нѣтъ (за исключеніемъ нѣсколькихъ вагоновъ 3 класса). Благодаря любезности строителя дороги, г. Урсати, въ наше распоряженіе былъ отданъ отдѣльный товарный вагонъ, въ которомъ наши чемоданы и ящики замѣнили столы и стулья. Сегодняшняя ночь была для насъ первымъ испытаніемъ: спать пришлось на полу, подстеливъ подъ себя только пледъ, мужъ же, великодушно отдавшій мнѣ и свой архалукъ, постлалъ на полъ вискатиновую накидку и на этомъ спартанскомъ ложѣ вскорѣ заснулъ, какъ убитый. Къ моему, впрочемъ, величайшему изумленію я тоже спала прекрасно и проснулась въ 7 час. утра бодрая и совсѣмъ отдохнувшая.

Утромъ мы подошли къ станціи «Қарки» въ Голодной Степи. Станціонныя зданія еще не закончены, буфета нѣтъ, можно достать лишь горячую воду, питаться же приходится взятою съ собою провизіей. Кругомъ — ни деревца, ни кустика, ни травки: на безграничномъ пространствѣ виднѣется все та же бесплодная «Голодная Степь» съ уныло и рѣдко торчащей на ней асафетидой. Грунтъ степи состоитъ изъ богатѣйшаго лесса, весною покрытаго сплошнымъ ковромъ цвѣтовъ, но, за недостаткомъ влаги, вся растительность быстро погибаетъ

*) Въ настоящее время дорога уже принята правительствомъ и по ней открыто правильное движеніе.

подъ лучами палящаго солнца. При искусственномъ же орошеніи эта почва даетъ колоссальный урожай.

Узнавъ навѣрное, что на этой станціи мы будемъ стоять еще неопредѣленное, но во всякомъ случаѣ продолжительное время, мы вышли изъ вагона: осторожность наша въ этомъ отношеніи будетъ понятною, если я упомяну, что звонками насъ не баловали, и поѣздъ послѣ дол-

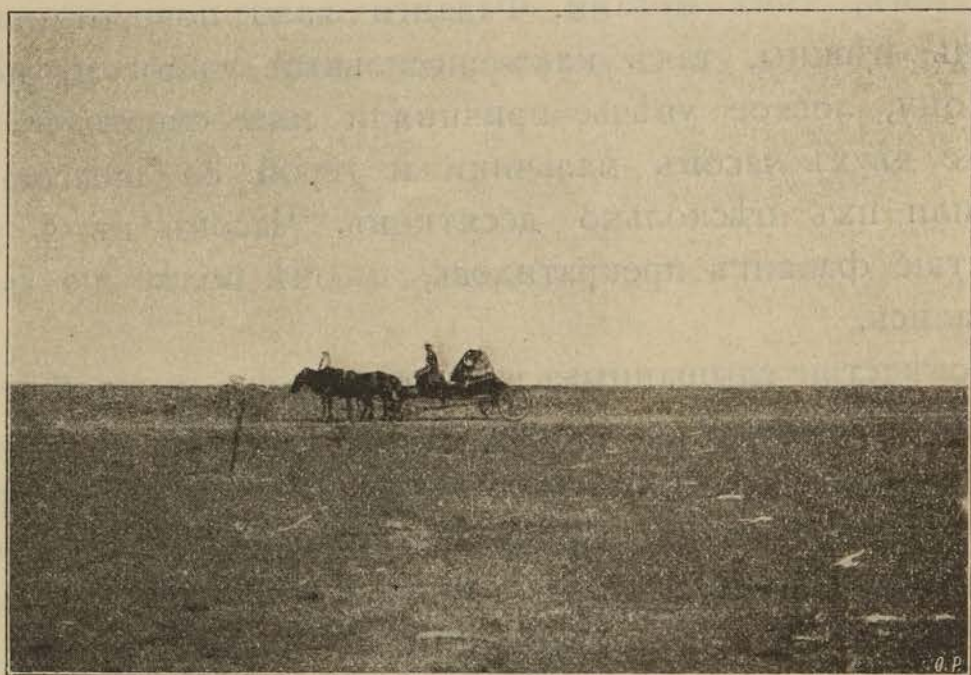

Рис. 5. Голодная Степь.

гой, иногда нѣсколько-часовой стоянки снимался съ мѣста сразу, издавая при своемъ отбытіи свистъ продолжительный, но уже бесполезный для пассажира, легкомысленно отдалившагося отъ своего вагона.

Нѣсколько мальчиковъ и молодой человѣкъ, вооруженный шпагою, суетились между путями, поражая какого-то маленькаго, но очевидно не безопаснаго врага: это была битва съ фалангами, которыя въ этотъ утренній часъ куда-то передвигались и въ громадномъ количествѣ пере-

бѣгали черезъ желѣзнодорожные пути. Фаланга—большое, вершка въ полтора-два, паукообразное животное желтаго цвѣта съ коричневыми пятнами и четырьмя необычайно жесткими зубчатыми челюстями, издающими о твердый предметъ металлическій звукъ; у нея довольно длинныя мохнатыя лапки, изъ которыхъ двѣ переднія (особенно длинныя) она несетъ, поднявъ кверху: онѣ служатъ ей скорѣе щупальцами или хватательнымъ орудіемъ, чѣмъ ногами. Фаланги мало поворотливы и очень нѣжны, такъ какъ несильный ударъ и, повидимому, легкое увѣчье причиняли имъ смерть; въ теченіе двухъ часовъ мальчики и герой со шпагою перебили ихъ нѣсколько десятковъ. Часовъ въ 9 утра шествіе фалангъ прекратилось, и онѣ болѣе не показывались.

Вслѣдствіе слышанныхъ нами разсказовъ, мы вообще побаивались всякой азіатской нечисти, собираясь спать не иначе, какъ окруживъ себя волосяною веревкой (черезъ которую эта нечисть будто бы не переползаетъ); особенно малодушествовала наша спутница Н. П.: очень храбрая во всякихъ затруднительныхъ случаяхъ жизни, она испытывала паническій ужасъ при видѣ паука или противной козявки. Но, вопреки этимъ страшнымъ разсказамъ, укусъ фаланги никогда не смертеленъ, хотя и вызываетъ мѣстную опухоль и лихорадочное состояніе. Укусъ скорпіона гораздо болѣзненнѣе, хотя въ большинствѣ случаевъ также не смертеленъ.

Единственное дѣйствительно серьезное животное — каракуртъ: это маленькій паучокъ, тѣльце котораго не болѣе ногтя на мизинцѣ руки; онъ весь черный, словно бархатный, съ четырьмя парами правильно расположенныхъ на спинѣ бѣлыхъ пятнышекъ; укусъ его безусловно смертеленъ для верблюда. Человѣкъ, укушенный имъ,

не всегда умираетъ, но страдаетъ ужасно; намъ рассказывали про укушеннаго каракуртомъ въ ногу солдата, который хотя и остался живъ, но кричалъ, не умолкая, въ продолженіи двухъ сутокъ. Ядовитъ онъ весь, и настой его лапки, впрыснутый подъ кожу кролика, убивалъ послѣдняго въ очень короткое время. Къ счастью нашему, намъ не пришлось имѣть дѣла съ этимъ животнымъ, но удалось добыть для коллекціи нѣсколько экземпляровъ, принесенныхъ намъ однимъ сартомъ.

На станціи «Карки» мы простояли до 10 съ половиною часовъ вечера.

III.

Ташкентъ. — Приготовленія къ путешествію. — Кокандъ и ея дворецъ. — Андижанъ. — Безпорядки 16 и 17 мая. — Исторія этихъ безпорядковъ. — Управленіе краемъ до 1887 г. и послѣ него. — Датха, «Царица Алая».

30 мая. Около часа дня поѣздъ нашъ подошелъ къ Ташкенту и съ вокзала мы направились на дачу Нико-

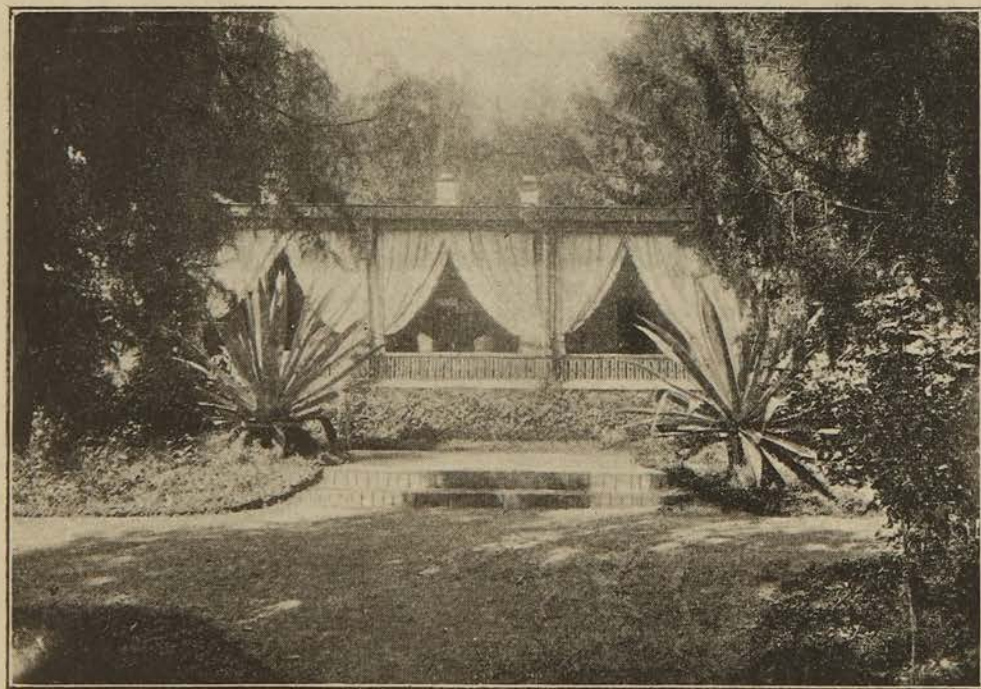

Рис. 6. Дача Н. И. Королькова.

лая Ивановича Королькова, военного губернатора Ферганской области. Еще въ пути получили мы отъ него

телеграмму, увѣдомлявшую насъ о томъ, что онъ временно находится въ Андижанѣ, но попрежнему предлагаетъ намъ воспользоваться его гостепріимствомъ въ Ташкентѣ. Дача Николая Ивановича находится въ самомъ городѣ, на окраинѣ его; въ наше полное распоряженіе отданъ большой флигель, прекрасно обставленный и весь въ зелени: въ немъ мы и расположились, не знаю насколько времени. Эта дача — любимое дѣтище Николая Ивановича, каждое дерево на ней посажено его руками 25 лѣтъ тому назадъ. Въ настоящее время дача представляетъ одно изъ красивѣйшихъ мѣстъ города; на ней находится замѣчательная коллекція разнообразныхъ сортовъ розъ и рѣдкихъ растений, представляющихъ не малый интересъ для ботаника и садовода.

Ташкентъ, оправдывая свое значеніе столицы, очень обширенъ, вполне благоустроенъ, имѣетъ прекрасные магазины и обильно снабженъ водою; зелени столько, что на иныхъ улицахъ дома едва замѣтны. Особенно поражаетъ обиліе птицъ, которыя живутъ въ этой зелени; всюду въ городахъ мы слышали соловьевъ (пѣніе которыхъ нѣсколько отличается отъ нашихъ), горлинокъ съ ихъ характернымъ смѣющимся курлыканьемъ, иволгъ, 'видѣли много удоновъ. Какъ часто, путешествуя въ Азіи, мнѣ приходилось мысленно сравнивать ея города съ нашей «Бѣлокаменной»: не въ пользу послѣдней были эти сравненія.

«Старый городъ» здѣсь менѣе характеренъ, чѣмъ въ Самаркандѣ и въ немъ, какъ сравнительно городъ новымъ, нѣтъ никакихъ памятниковъ мусульманской старины; но онъ грандіозенъ, какъ по своимъ размѣрамъ, такъ и по своему огромному крытому базару: послѣдній представляетъ цѣлый лабиринтъ широкихъ и узкихъ

переходовъ, окаймленныхъ высокими и узкими тротуарами; здѣсь масса лавокъ со всевозможными товарами, дѣлающія значительные торговые обороты, чай-хане *), въ которыхъ добрый азіатъ проводитъ большую часть

Рис. 7. Сартскіе музыканты въ чай-хане.

своего дня полулежа на коврѣ или сидя по турецки за чашкою зеленого чая (пьютъ они его безъ сахара изъ китайскихъ чашечекъ, носящихъ названіе «піолá»), съѣстныя лавки, въ которыхъ готовятся на глазахъ у публики необычайно аппетитныя кушанья, состоящія преимущественно изъ баранины; въ желѣзномъ ряду стоитъ грохотъ отъ стука молотковъ по металлу. Весь базаръ крытъ циновками, переходы поливаются водою и въ жару пребываніе на немъ — истинное наслажденіе. Азіатъ-горожанинъ весь свой день проводитъ здѣсь, всѣ его интересы какъ торговые, такъ и общественные

*) Чайная лавка.

сосредоточиваются на базарѣ и онъ старается обставить его наиболѣе комфортабельнымъ образомъ. Собственно жилая часть азіатскаго города представляетъ собою рядъ узкихъ, кривыхъ и до крайности безжизненныхъ улицъ, окаймленныхъ высокими глиняными стѣнами заборовъ и домовъ безъ оконъ; лишь изрѣдка, погромыхивая гигантскими колесами, проползетъ скрипучая арба или покажутся въ калиткѣ любопытныя мордочки черномазыхъ ребятишекъ: по улицамъ лишь проходятъ, а самая жизнь, преимущественно женская и дѣтская, ютится за этими стѣнами въ глубинѣ замкнутыхъ дворовъ и домовъ.

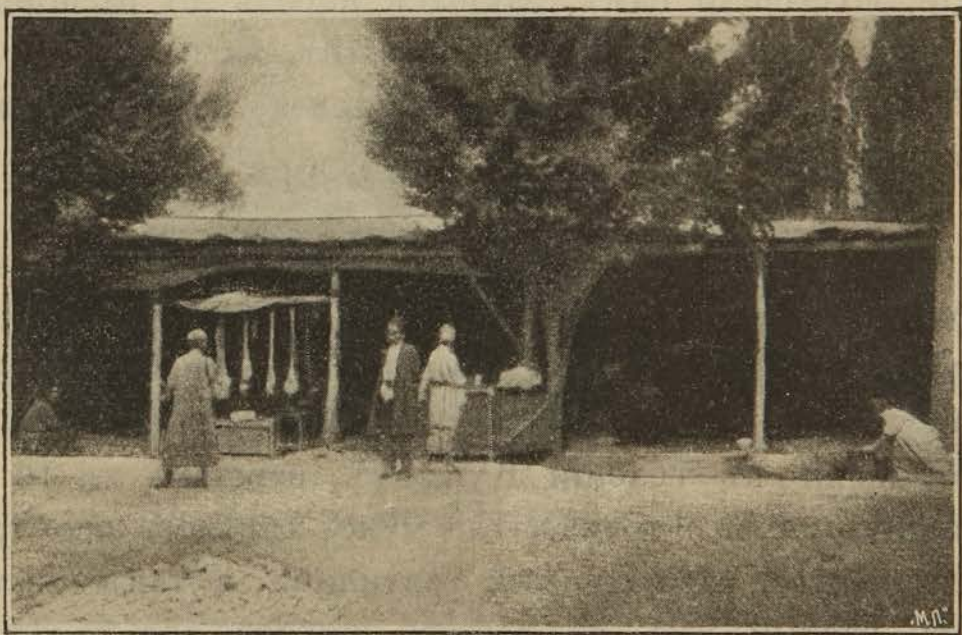

Рис. 8. Мясная лавка въ Ташкентѣ.

1 іюня. Воспользовавшись необходимостью провѣрить наши метеорологическіе инструменты, мы побывали на здѣшней метеорологической и астрономической обсерваторіи, гдѣ завѣдующій, г. Гультяевъ, любезно познакомилъ насъ со всѣми имѣющимися въ его распоряженіи инструментами и приборами. Мѣсто здѣсь для астро-

номическихъ наблюденій особенно удобно, благодаря чрезвычайно малой облачности.

Сегодня же пытались мы проникнуть въ здѣшній музей. Намъ говорили, что ничего интереснаго въ немъ нѣтъ, но мы упорствовали: и въ путеводителѣ онъ числится, и на вывѣскѣ значитъ, надо его, слѣдовательно, посмотреть. Въ зданіи музея намъ однако сообщили, что коллекціи и чучела съѣдены молью и уничтожены, сельско-хозяйственный отдѣлъ переданъ гренажной станціи и остался лишь минералогическій отдѣлъ. — «Ну, покажите намъ минералогическій, приставали мы, ужъ онъ-то, навѣрное, молью не съѣденъ». — «А минералогическій, возразили намъ, закрытъ впредь до распоряженія начальства». — Какого начальства, да и есть ли оно вообще у этого печальнаго заведенія, намъ объяснить не могли.

4 іюня. Николая Ивановича все еще нѣтъ: онъ производитъ разслѣдованія о происшедшихъ безпорядкахъ; не рѣшаемся уѣзжать отсюда безъ его совѣтовъ и указаній.

Побывали въ селеніи Куйлюкъ, верстахъ въ 10 отъ Ташкента, на р. Чирчикъ, гдѣ мужу хотѣлось осмотрѣть мостъ, частью разрушенный разливомъ, а также испробовать взятый имъ съ собою приборъ для измѣренія скорости теченія воды. Теченіе рѣки, дѣлящейся на нѣсколько рукавовъ, чрезвычайно быстро и во время полного разлива дѣйствуетъ съ сокрушающею силою; въ настоящемъ случаѣ водою вырвано и унесено нѣсколько устоевъ моста, значительная часть котораго разрушена совсѣмъ. Переправа впредь до починки его, хотя бы временной, совершается на арбахъ, въ которыя впрягается по нѣсколько лошадей: послѣднія, повидимому,

не бояться, ни быстрого теченія, ни мѣстами значительной глубины.

6 *іюня*. Прибылъ вновь назначенный генералъ-губернаторъ, генералъ-лейтенантъ Духовской; настроеніе торжественное и исполненное самыхъ разнообразныхъ ожиданій. Въ одномъ лишь пожеланіи сходились почти всѣ:

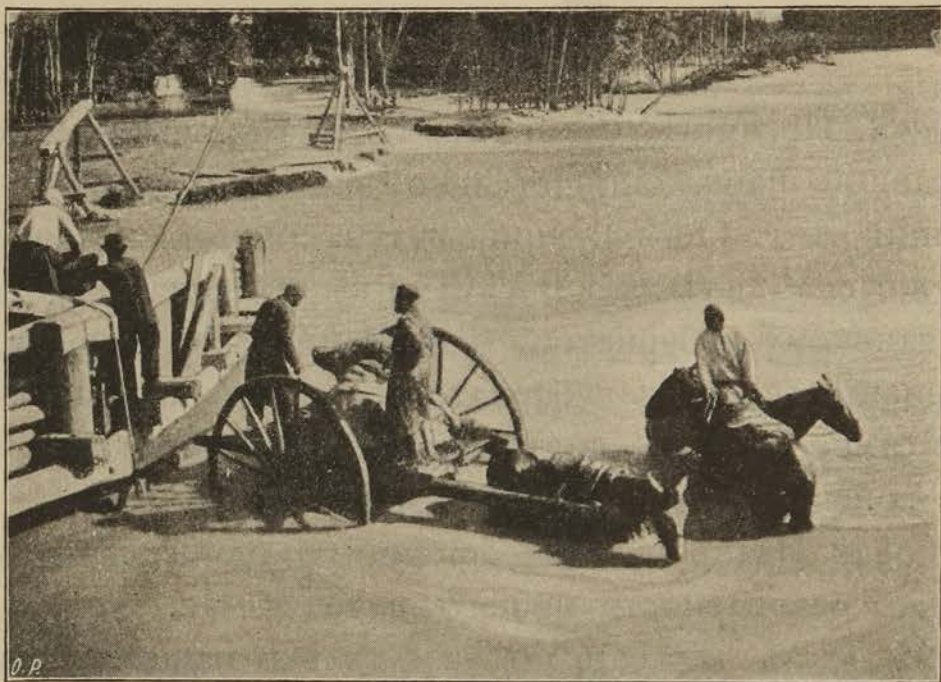

Рис. 9. Переправа во время размыва моста на р. Чирчикъ.

чтобы водворилась въ краѣ власть энергичная и сильная, которая пробудила бы къ дѣятельности эту богатую страну, заставила бы плодотворно работать всѣ отрасли нашего управленія, а вмѣстѣ съ тѣмъ подняла бы въ глазахъ туземцевъ русскій авторитетъ.

Гдѣ можемъ, собираемъ свѣдѣнія, могущія пригодиться намъ для дальнѣйшаго нашего путешествія; очень цѣнные указанія получили мы отъ В. Ф. Ошанина, нынѣ директора женской гимназіи въ Ташкентѣ, заслужив-

шаго широкую европейскую извѣстность, какъ естествоиспытатель и опытный путешественникъ.

Сегодня наняли первыхъ слугъ для нашей экспедиціи: повара - сарта Мурзу и волонтера русскаго Андрея, страстнаго охотника, любителя-путешественника (кажется, вѣрнѣе празднующагося) и изрядно выпивающаго; но въ горахъ предаваться послѣднему занятію будетъ негдѣ и не съ кѣмъ, такъ что онъ вѣроятно будетъ намъ полезенъ *).

8 іюня. Пріѣхалъ, наконецъ, Н. И. Корольковъ, посоветовавшій намъ окончательно экипироваться для экспедиціи въ г. Ошъ и лишь оттуда двинуться верхомъ. Онъ же снабдилъ насъ письмами къ вновь назначенному маргеланскому губернатору ген. Чайковскому, прося, съ разрѣшенія генералъ-губернатора, оказать нашей экспедиціи самое широкое содѣйствіе, а также къ командующему войсками въ Андижанѣ генералу Іонову.

Николай Ивановичъ совершенно успокоилъ насъ относительно безопасности нашего путешествія. Теперь мы можемъ ѣхать далѣе; не хватало только нашего зоолога, М. М. В—ва, который запоздалъ, задержавшись въ Москвѣ и въ пути дольше, чѣмъ рассчитывалъ; мы рѣшили было въ Андижанѣ ѣхать безъ него, оставивъ ему лишь инструкцію о томъ, какимъ образомъ онъ сможетъ нагнать насъ. Но за нѣсколько часовъ до нашего отъѣзда явился и онъ, и такимъ образомъ, наша экспедиція трогается изъ Ташкента въ полномъ своемъ составѣ.

11 іюня. Уѣзжая изъ Ташкента, считаю долгомъ выразить свою глубокую признательность Николаю Ивано-

*) Впослѣдствіи оказалось, что полезенъ онъ намъ не былъ.

вичу Королькову, лишь благодаря содѣйствию котораго и могла состояться наша экспедиція. Впервые мысль о ней зародилась у насъ послѣ посѣщенія Николая Ивановича въ Москвѣ, при чемъ онъ съ такою любовью хвалилъ свой край, такъ убѣждалъ насъ, что путешествовать въ немъ можно безопасно и безъ особыхъ лишеній даже и съ дамами, что мы впервые подумали о такой поѣздкѣ серьезно. Затѣмъ гостепріимство, предложенное намъ, указанія и содѣйствіе, обѣщанныя Николаемъ Ивановичемъ, окончательно утвердили насъ въ намѣреніи проѣхать не только Туркестанъ и Фергану, но также и Памиры, хотя бы до памирскихъ укрѣпленій.

По пріѣздѣ въ Ташкентъ мы широко воспользовались гостепріимствомъ Николая Ивановича, проживъ у него на дачѣ 12 дней, такъ какъ задержались, во-первыхъ, отсутствіемъ нашего хозяина и руководителя, безъ совѣтовъ котораго не рѣшались двинуться въ дальнѣйшій путь, а во-вторыхъ, полученіемъ нашихъ вещей, которыя мы имѣли неосторожность послать изъ Москвы «большою скоростью» черезъ транспортную контору «Кавказъ и Меркурій»: эта «большая скорость» доставила намъ вещи ровно черезъ мѣсяцъ послѣ ихъ отправки изъ Москвы, да еще, какъ оказалось, вслѣдствіи особенно удачно сложившихся обстоятельствъ: нормальный срокъ доставки товара «большой скорости» изъ средней полосы Россіи 2—2½ мѣсяца, а «малой скорости» 8—12 мѣсяцевъ: обстоятельство, вѣроятно, мало содѣйствующее процвѣтанію промышленности въ краѣ.

До Андижана намъ былъ данъ товарный вагонъ и изъ Ташкента мы выѣхали въ 11 час. вечера. На слѣдующій день, рано утромъ, по временному деревянному мосту мы переѣзжали Сыръ-Дарью, широко разлившуюся

и точно застывшую подъ лучами восходящаго солнца. За Сырь - Дарьєю потянулась опять степь, служащая продолженіемъ Голодной Степи. Нашъ вагонъ былъ

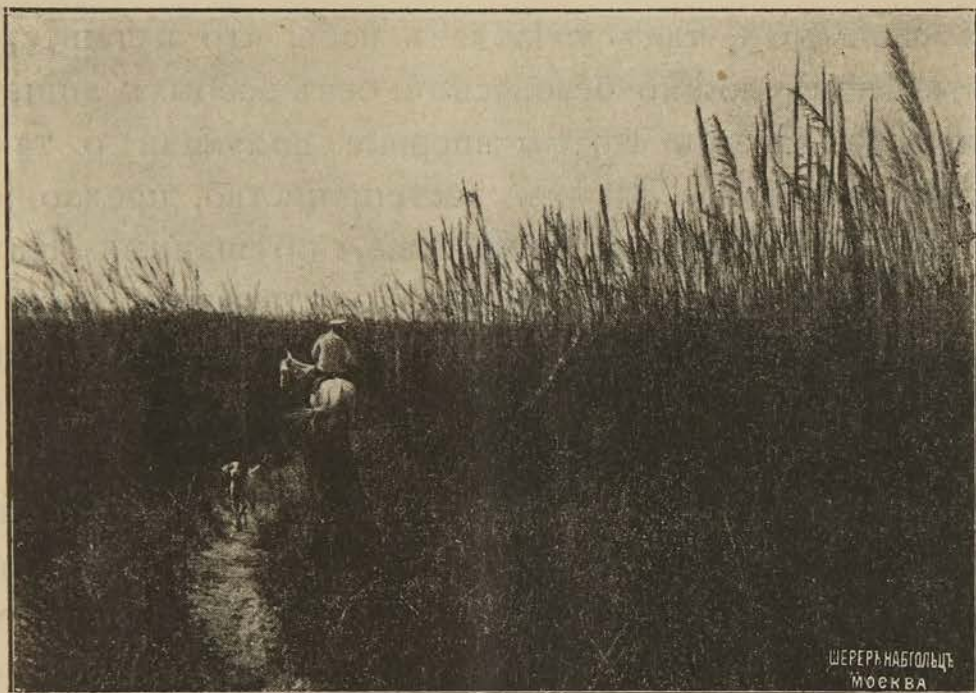

Рис. 10. Въ Сырь-Дарьинскихъ камышахъ.

отцѣпленъ на станціи Ховасть, отъ которой идетъ вѣтка на Андижанъ и тутъ простоялъ въ ожиданіи поѣзда до трехъ часовъ дня. Мѣста здѣсь носятъ почти такой же унылый характеръ, какъ во всей «Голодной Степи», хотя есть и обрабатываемые участки, которые засѣваются ячменемъ и пшеницею; далѣе къ Ходженту засѣваются хлопкоъ и кукуруза. Поля орошаются, участки ограждены высокими стѣнами изъ глины-лесса, изъ котораго состоитъ самая почва.

Весь день 12 іюня дулъ сильнѣйшій горячій вѣтеръ, шквалами наносившій пыльные смерчи. При довольно высокой температурѣ ($+36^{\circ}$ С. въ тѣни) этотъ знойный вѣтеръ приводилъ насъ въ полное изнеможеніе;

приходилось закрывать двери вагона, чтобы устранить сквознякъ. Сухость воздуха была чрезвычайно велика (смоченный $+15^{\circ}$; несмоченный $+29^{\circ},3$ С.) и весь день мы съ жадностью, не переставая, пили чай. Къ ночи вѣтеръ еще усилился, оставаясь все такимъ же знойнымъ, и лишь послѣ разсвѣта слегка посвѣжѣло.

14 июня. Около 7 часовъ утра подошли мы къ Коканду и лишь тутъ узнали, что дальше нашъ вагонъ не идетъ, что насъ поставятъ на запасный путь, гдѣ мы и будемъ ожидать поѣзда, который долженъ придти не ранѣе вечера слѣдующаго дня. Времени у насъ, слѣдо-

Рис. 11. Лавка съ мѣдною посудою въ Кокандѣ (на переднемъ планѣ человекъ съ зобомъ).

вательно, было больше, чѣмъ требовалось, и мы могли не торопясь заняться осмотромъ города.

Базаръ азіатскаго города, такъ же, какъ и въ Ташкентѣ, крытъ циновками и очень обширенъ. Кокандъ

славится своими шелковыми товарами и мѣдными издѣліями. Здѣсь можно найти вещи художественной работы, исполняемыя просто «отъ руки» съ изумительной быстротой: мѣдные кувшины, тазики для умыванія, чайники, блюда,—все это покрыто мелкою, чеканною работою; кромѣ всякаго рода современной и перенятой у русскихъ посуды, у жителей въ большомъ ходу такъ называемые «кунганы» двоякаго рода: небольшіе, сохранившіе неприкосновенными свою древнюю форму и внѣшнюю отдѣлку, употребляющіеся для воды, кофе, а также, какъ украшеніе (нѣкоторые изъ нихъ отдѣлываются, кромѣ чеканной работы, и бирюзой), и другіе, позднѣйшаго изобрѣтенія, приспособленные къ кипяченію въ нихъ воды. Внутреннее устройство этихъ послѣднихъ является подражаніемъ нашему самовару, при чемъ сохранена форма высокаго кувшина съ ручкою и длиннымъ носикомъ. Красотою отдѣлки они не отличаются, но очень удобны въ пути: мѣста занимаютъ немного, а вода закипаетъ въ нихъ при минимальномъ количествѣ топлива черезъ 8—9 минутъ; въ нашемъ путешествіи кунганъ сослужилъ намъ неоцѣненную службу.

Достопримѣчательностью города является дворецъ Кокандскихъ Хановъ, обращенный въ настоящее время въ казарму; осталась нетронутою великолѣпная лицевая стѣна, громадная, съ арками, воротами тонкой деревянной рѣзьбы, башнями, вся изъ чудной маіолики, прекрасно сохранившейся, тѣхъ же удивительныхъ по красотѣ и краскамъ рисунковъ, какъ и въ Самаркандѣ; дворецъ стоитъ на возвышеніи и вмѣсто лѣстницы къ нему ведетъ широкій бревенчатый вѣздъ. Впечатленіе отъ этого зданія сильно нарушается казеннаго вида постройкою, принадлежащей къ казармамъ, съ домикомъ ярко бѣлаго цвѣта, закрывающимъ нижнюю лѣвую часть стѣны.

Этотъ домишко назойливо лѣзетъ въ глаза и производитъ впечатлѣніе грубой дисгармоніи съ художественною красотою памятника старины. Изъ бывшей гостинои хана устроена церковь, при чемъ цвѣтные изразцы по стѣнамъ и узорчатые потолки сохранились вполнѣ.

Самый городъ производитъ очень милое впечатлѣніе: въ немъ прекрасный городской садъ, отличные парные экипажи; вечеромъ улицы очень оживлены.

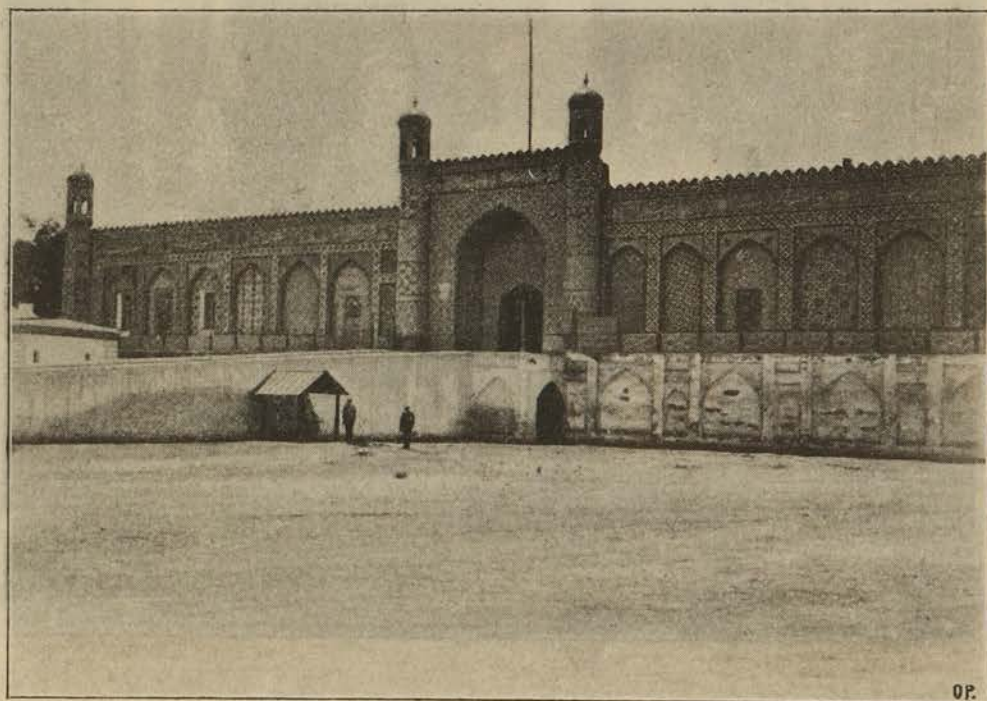

Рис. 12. Ханскій дворецъ въ Кокандѣ.

Ночевать мы рѣшили въ нашемъ товарномъ вагонѣ, въ которомъ устроились съ нѣкоторымъ комфортомъ, благодаря двумъ складнымъ постелямъ и 12 яхтанамъ, которые отнынѣ замѣнили наши ящики и чемоданы. Яхтаномъ называется продолговатый, довольно легкій ящикъ изъ тонкой деревянной основы, обтянутой кожею, съ кожаными же украшеніями и рисунками на передней сторонѣ его. Яхтаны бываютъ различныхъ размѣровъ и при-

способлены къ навьючиванью на лошадей, ословъ и верблюдовъ. Изъ всѣхъ яхтановъ, установленныхъ вмѣстѣ, получалось нѣчто вродѣ наръ, на которыхъ и укладывались рядомъ наши кавалеры.

Вагонъ (товарный), имѣвшійся въ нашемъ распоряженіи, мы обыкновенно дѣлили на три части, причемъ лѣвая отъ входа часть отдавалась въ распоряженіе муж-

Рис. 13. Лавка съ яхтанами.

чинъ; правая служила намъ съ Н. П. спальней и будуаромъ, который отгораживался всякою кладью и завѣшивался одѣялами; средняя же исполняла назначеніе салона и столовой. Этому распредѣленію мы всегда слѣдовали и впослѣдствіи и, благодаря ему, могли сравнительно мало стѣснять другъ друга.

Порядкомъ проголодавшись, мы отправились съ цѣлью пообѣдать въ лучшую мѣстную гостиницу Шадини, хозяинъ которой съ виноватымъ видомъ сообщилъ намъ, что у него

«для хорошихъ господъ» слишкомъ просто. Недавно еще, по его словамъ, въ городѣ были двѣ «чистыя» гостиницы, да обѣ закрылись. Покормили насъ однако очень сносно, а любезность и услужливость хозяевъ заставили насъ забыть объ отсутствіи комфорта «чистой гостиницы». Чаю мы употребляемъ невѣроятное количество: онъ и освѣжаетъ, и утоляетъ жажду.

15 *іюня*. Мы все еще въ Кокандѣ и тщетно ожидаемъ поѣзда. Вчера начальникъ станціи совѣтовалъ намъ вернуться изъ города къ 6 час. вечера, такъ какъ къ этому времени ожидается поѣздъ, который и долженъ везти насъ въ Андижанъ, и «нѣтъ ничего мудренаго, — прибавилъ онъ, — что часовъ въ 7 вечера вы двинетесь въ путь». Онъ дѣйствительно пришелъ, этотъ поѣздъ; не въ 6, а около 10 ч. вечера, но въ путь не двинулся, такъ какъ потребовались какія-то починки, и сегодня утромъ мы проснулись не близъ Новаго Маргелана, какъ ожидали, а въ томъ же Кокандѣ; носятъ, впрочемъ, утѣшительные слухи о томъ, что мы тронемся часовъ въ 12.

Время проводимъ въ чаепитіи и приведеніи въ порядокъ нашихъ путевыхъ замѣтокъ; докторъ, также и весьма искусный художникъ, набрасываетъ типы, М. М. копается въ песокѣ, отыскивая мелкихъ гадовъ и насѣкомыхъ. Мы, кажется, такъ освоились съ нашею жизнью въ вагонѣ, что безконечное сидѣніе въ немъ нисколько не тяготитъ насъ.

Рѣшили, что въ Маргеланъ заѣдетъ одинъ мужъ, чтобы представиться тамъ губернатору и генералу Іонову, передать имъ письма Н. И. Королькова и заручиться ихъ распоряженіями на нашъ счетъ. Оттуда ему будетъ удобно переправиться въ Андижанъ на лошадахъ, такъ какъ

проѣхать такимъ образомъ 40—50 верстъ можно, оказывается, гораздо быстрее, чѣмъ по желѣзной дорогѣ; мы же проѣдемъ въ Андижанъ въ вагонѣ въ виду той массы вещей, которая имѣется съ нами.

Жара пока умеренная, благодаря прохладному вѣтру (въ 8 ч. утра $+31^{\circ}$ С. въ тѣни); отъ нечего дѣлать занимаюсь разговорами съ мелкими желѣзнодорожными

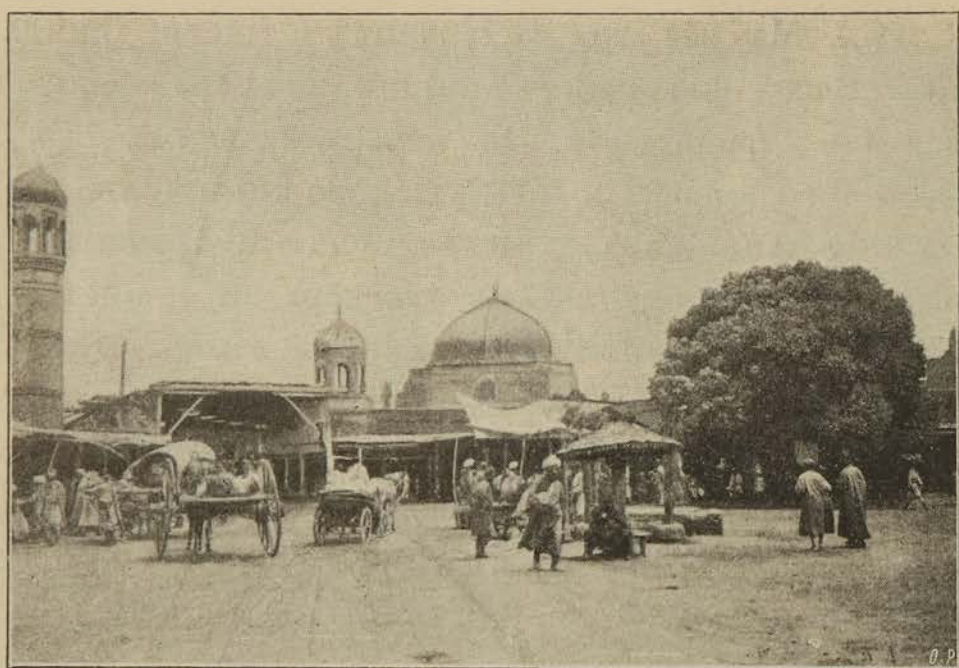

Рис. 14. Базарная площадь въ Кокандѣ.

служащими и ихъ словоохотливыми половинами: всѣ они—исключительно русскіе, пріѣхавшіе изъ Россіи, и почти всѣ недовольны: жалѣютъ, что послушались своихъ ходоковъ и пріѣхали сюда, распродавъ на родинѣ земли и домишки. Въ этихъ сожалѣніяхъ преобладающую однако роль играютъ не столько реальныя бѣдствія, сколько тоска по родинѣ и непривычка къ мѣстнымъ условіямъ; жалуются болѣе всего на дороговизну жизни и лихорадки.

16 іюня. Утѣшительные слухи оказались почти справедливыми: вчера, въ 2 ч. дня, мы наконецъ выѣхали изъ Коканда, въ которомъ прогостили болѣе двухъ сутокъ. Жара въ вагонѣ была удушающая: опять дулъ горячій вѣтеръ, дѣйствующій особенно разслабляющимъ образомъ. По пути виднѣлись хорошо обработанные участки земли и залитые водою рисовыя поля. Маргеланъ проѣзжали вечеромъ и ознаменовался онъ для насъ лишь тѣмъ, что нашъ Мурза опоздалъ на поѣздъ: мы имѣли неосторожность послать его попытаться достать молока, и онъ, какъ исполнительный слуга, рѣшилъ найти его во что бы то ни стало. Мы же тѣмъ временемъ уѣхали. Этотъ инцидентъ непріятенъ потому, что въ Андижанѣ при уборкѣ и перетаскиваніи вещей изъ вагона въ городъ пришлось обходиться безъ его помощи.

Подойдя къ Андижану часовъ въ 10 вечера, въ полную темноту, мы были въ довольно затруднительномъ положеніи, не зная куда преклонить наши усталыя головы: на станціи намъ не могли или не хотѣли дать никакихъ указаній относительно того, гдѣ бы переночевать, хотя бы одну эту ночь и откуда достать носильщиковъ и извозчиковъ. Докторъ отправился на развѣдки и вернулся побѣдителемъ: нашлась гостиница въ двухъ шагахъ отъ вокзала, вещи перетаскали на рукахъ сарты и часа черезъ полтора мы уже сидѣли за самоваромъ въ одной изъ двухъ занятыхъ нами комнатъ. Гостиница совсѣмъ новая, полы и перегородки не крашены, мебель простая, но все довольно чисто и нѣтъ никакихъ непріятныхъ насѣкомыхъ. Въ открытыя окна несется пѣніе соловьевъ, которые живутъ въ городскихъ садахъ и заливаются съ такимъ же увлеченіемъ, какъ и наши русскіе соловьи.

17 іюня. Сегодня были въ лагерѣ, на который было сдѣлано нападеніе 17 мая. Теперь, когда пришлось узнать уже изъ достовѣрныхъ источниковъ обо всемъ происшедшемъ, считаю не лишнимъ нѣсколько остановиться на этомъ печальномъ событіи.

Въ ночь съ 16 на 17 мая болѣе чѣмъ тысячная толпа сартовъ и киргизовъ напала на одинъ изъ лѣтнихъ солдатскихъ барачковъ, расположенныхъ на окраинѣ города Анди-

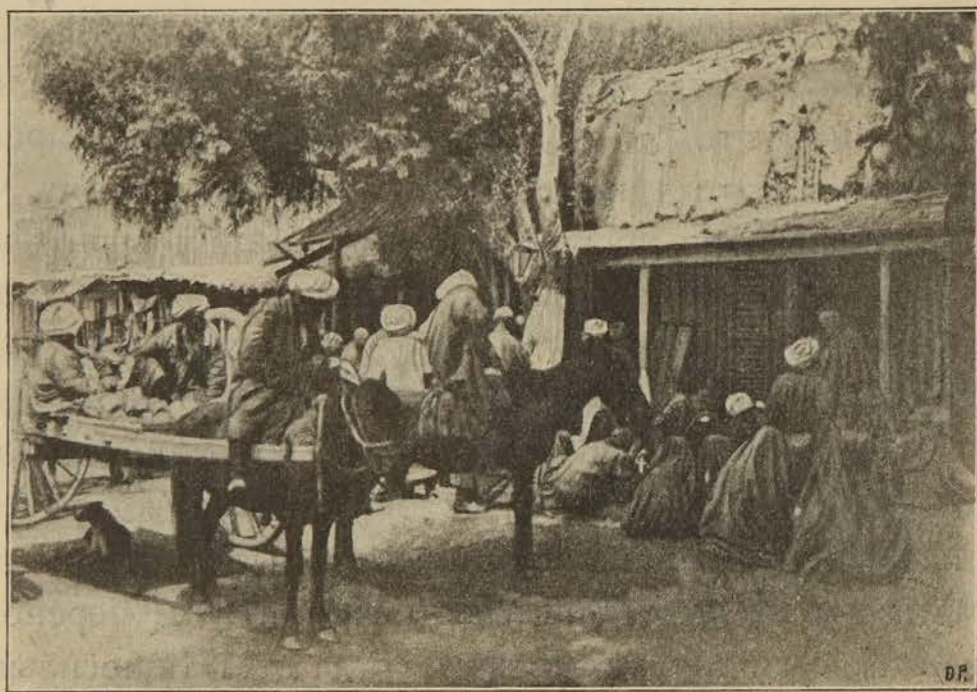

Рис. 15. Уличная сцена въ Кокандѣ.

жана, и была обращена въ бѣгство нѣсколькими выстрѣлами послѣ того, какъ удалось поднять тревогу и вооружить солдатъ боевыми патронами. Въ результатѣ—22 солдата убито и много ранено. Таковы факты. Солдаты были застигнуты врасплохъ, сонными, часовыхъ не было, не было также и боевыхъ патроновъ, такъ какъ время считалось мирнымъ, и только благодаря тому, что въ казармѣ оказался случайно забытый ящикъ патроновъ, удалось такъ сравнительно благополучно отразить бѣду.

На лагерь напала лишь часть непріятеля; другая, подъ предводительствомъ «Ишана» *), главы возстанія, обошла городъ, чтобы одновременно напасть на него съ противоположной стороны. Если бы удался этотъ планъ, все русское населеніе городка было бы, несомнѣнно, вырѣзано. Къ счастью однако, услыхавъ со стороны лагеря выстрѣлы, являвшіеся совершенною неожиданностью, толпа, шедшая на городъ съ другой стороны также бѣжала вмѣстѣ съ своимъ предводителемъ.

Наша неподготовленность въ данномъ случаѣ и удивленіе передъ «внезапностью» безпорядковъ являются не совсѣмъ понятными, такъ какъ внезапнаго въ нихъ ничего не было: уже давно были серьезные признаки движенія среди мусульманскаго населенія и оно не было тайною, ни для администраціи, ни для большой публики: на площадяхъ базаровъ говорились рѣчи, пѣлись воинственныя пѣсни. Ишанъ безпрепятственно собиралъ въ своемъ кишлакѣ тысячныя толпы народа, кое-кто изъ сартовъ доводилъ даже до свѣдѣнія русскихъ о готовящихся повсемѣстныхъ безпорядкахъ (такимъ образомъ, напримѣръ, предупреждено нападеніе въ городѣ Ошъ, въ районѣ уѣзднаго начальника, подполковника Зайцева, принявшаго во время необходимаго мѣры), доводилось объ этомъ до свѣдѣнія и ферганскаго губернатора (нынѣ уже удаленнаго), но свѣдѣніямъ этимъ не придавалось серьезнаго значенія. Словомъ, было, казалось, достаточно поводовъ для того, чтобы быть насторожѣ, и тѣмъ не менѣе инцидентъ 17 мая разразился, какъ громъ среди яснаго неба.

Возвращаясь къ самому эпизоду. Нападавшіе незамѣтно подкрались къ лагерю благодаря топографическимъ усло-

*) «Ишанъ»—духовный санъ, а также святой.

віямъ мѣстности: къ лагерю вплотную примыкалъ высокій бугоръ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ котораго расположенъ сартскій кишлакъ; вся эта мѣстность поросла деревьями.

По горячимъ слѣдамъ удалось поймать, какъ самого Ишана, такъ и нѣкоторыхъ изъ его ближайшихъ пособниковъ, при чемъ о поимкѣ перваго рассказывается слѣдующее.

Версть за 60 отъ Андижана два джигита-магометанина изъ отряда, отправленнаго на розыски, увидали вдали Ишана въ сопровожденіи двухъ сартовъ и пытались задержать ихъ какимъ-то вопросомъ. Сарты, почуввъ недоброе, ускакали, покинувъ своего предводителя; послѣдній же остановился и, вынувъ револьверъ, направилъ его на джигитовъ, которые еще издали старались объяснить ему, что не сдѣлаютъ ему вреда, а хотятъ лишь его благословенія, для чего и спрыгнули съ лошадей на нѣкоторомъ отъ него разстояніи. Почтительно сложивъ руки, джигиты подошли къ сидѣвшему на лошади Ишану, который, уже совершенно успокоенный, спряталъ револьверъ подъ мышку и простеръ руки для благословенія. Этимъ моментомъ и воспользовались джигиты для того, чтобы схватить, связать «святого» и представить его куда слѣдуетъ.

Вспоминается мнѣ бывшій во время нападенія эпизодъ, который невольно заставляетъ проникаться удивленіемъ къ силѣ фанатизма, не останавливающагося передъ добровольнымъ мученичествомъ. Въ то время, какъ толпа мусульманъ съ криками набросилась на сонныхъ солдатъ, нѣсколько въ сторонѣ стоялъ старый мулла и громко читалъ коранъ; возлѣ него два мюрида *)

*) Мюридъ—ученикъ, послѣдователь.

держали свѣчи. Старикъ читалъ и въ то время, когда поднялась тревога во всемъ лагерѣ, и когда раздались первые выстрѣлы; наконецъ, все смѣшалось кругомъ, нападавшіе бросились бѣжать вразсыпную, вотъ уже и послѣдніе изъ нихъ скрылись въ темнотѣ, а старикъ все читалъ свой коранъ и его мюриды около него держали свѣчи, пока не пали всѣ подъ ударами разъяренныхъ солдатъ.

Самъ Ишанъ и пятеро изъ его пособниковъ (въ числѣ которыхъ былъ лавочникъ, снабжавшій солдатъ разнаго рода нехитрымъ товаромъ и, повидимому, дружившій съ ними, а потому прекрасно знавшій порядки, заведенные въ лагерѣ и количество солдатъ, находившихся въ немъ) повѣшены черезъ нѣсколько дней. Бугоръ за лагеремъ скрытъ, деревья на немъ и за нимъ вырублены, кишлакъ уничтоженъ и сравненъ съ землею. На этой образовавшейся площади всенародно происходила казнь, здѣсь же зарыты и трупы, при чемъ самое мѣсто можно отличить, такъ какъ трава еще не покрыла его. Въ минуту казни, по словамъ очевидцевъ, Ишанъ былъ спокоенъ, хотя весь дрожалъ; на обращенную имъ къ народу просьбу молиться за казнимыхъ никто въ отвѣтъ руки не поднималъ: молчали, «боялись», какъ намъ объяснили.

Ишанъ затѣялъ это возстаніе и былъ, конечно, душою его: это, несомнѣнно, личность выдающаяся по своей энергіи и уму; онъ умѣлъ вліять на толпу и подчинять ее себѣ. Въ данномъ случаѣ онъ удачно воспользовался нѣкоторымъ недовольствомъ населенія и поспѣшилъ перенести вопросъ на почву религіознаго фанатизма. Поводомъ послужило паденіе нравовъ при русскомъ владычествѣ, вслѣдствіе излишней мягкости въ управленіи. Прежде, при ханахъ, всякое преступленіе

каралось строго: за воровство въ первый разъ отрубали руку, а во второй — голову, народъ боялся; теперь за все лишь сажаютъ въ острогъ, сытно кормятъ, чисто держатъ, бояться нечего. Вслѣдствіе этого нравы пали, развилось пьянство, воровство, Аллахъ гнѣвается и прогнѣвается въ конецъ, если мусульмане не возстанутъ и не свергнуть съ себя иго невѣрныхъ. Для этого надо объявить «Газаватъ» (священную войну).

Не мало, какъ оказалось, повліяли слухи о безпорядкахъ въ Индіи и свѣдѣнія о побѣдахъ турокъ надъ греками. Въ числѣ найденныхъ у Ишана документовъ была поддѣльная грамота турецкаго султана, якобы признающаго за нимъ высшее духовное главенство и санкціонирующаго «Газаватъ». Чтобы вполне подчинить себѣ собиравшуюся вокругъ него толпу, Ишану было необходимо прослыть святымъ, и вотъ онъ дѣлаетъ чудеса: кормитъ ежедневно сотни народа любимымъ «палау», который варится въ громадныхъ котлахъ безъ помощи огня, раздаетъ амулеты, съ помощью которыхъ всякая пуля, направленная въ носящаго его, обращается въ воду, и т. д. Понемногу вокругъ него собирались люди дѣйствительно убѣжденные, но также и честолюбцы, мечтающіе забрать въ руки власть впослѣдствіи, когда они побѣдятъ русскихъ (у нихъ уже заранѣе были намѣчены кандидаты на всѣ высшія должности); больше же всего толпилось кругомъ него бѣдноты, падкой до милостыни, щедро раздаваемой Ишаномъ, и дарового «палау», приготовляемаго такимъ чудеснымъ способомъ. Денежныя средства стекались къ Ишану въ изобиліи.

Мысль о священной войнѣ зародилась уже давно, къ ней готовились болѣе двухъ лѣтъ; въ заговоръ было посвящено множество лицъ: въ найденной впослѣдствіи перепискѣ имѣются письма, подписи и печати очень

многихъ волостныхъ старшинъ, но объявленіе войны оттягивалось по разнымъ причинамъ. Наконецъ народъ заявилъ, что онъ усталъ ждать, и Ишанъ видѣлъ, что ожиданіе и неопредѣленность могутъ погубить затѣян-ное имъ дѣло. Съ Андижана рѣшено было начать, и если бы это первое нападеніе удалось, возстаніе должно было охватить весь Туркестанъ.

Большинство изъ игравшихъ сколько-нибудь выдающуюся роль въ этомъ возстаніи переловлено, хотя многимъ удалось бѣжать въ горы и за китайскую границу. Народъ смущенъ и напуганъ, ожидаютъ цѣлаго ряда казней и самой строгой кары. Населеніе наружно почти-тельно къ русскимъ необычайно: при проѣздѣ русскихъ по сартскому базару или старому городу всѣ встаютъ и почтительно кланяются; при проходѣ русскаго даютъ ему дорогу. Въ городѣ поговариваютъ о томъ, что сол-датъ нѣсколько распустили и что они нерѣдко оби-жаютъ сартовъ.

Не то видѣли мы впослѣдствіи, на обратномъ пути въ Россію въ концѣ августа. Какъ извѣстно, всѣ смерт-ные приговоры, за исключеніемъ 18, были замѣнены ка-торгой, изъ кишлаковъ уничтоженъ одинъ близъ лаге-ря и другой, въ которомъ жилъ Ишанъ и собиралъ своихъ приверженцевъ (предполагалось разрушить цѣ-лый рядъ кишлаковъ по дорогѣ, которою шелъ Ишанъ и изъ которыхъ приставали къ нему все новыя партіи). Милліонная контрибуція, наложенная на страну, была сбавлена до 250 тысячъ. Все это равнялось почти поми-лованію и тѣмъ болѣе подчеркнутому, что являлось не съ теченіемъ времени, а почти вслѣдъ за безпорядками. Непонятно было азіату такое гуманное къ нему отно-шеніе, и онъ приписалъ его слабости: его, значить, бо-ятся тронуть, а слабого врага онъ презираетъ. При воз-

вращеніи нашемъ въ Туркестанъ въ августѣ пренебрежительное отношеніе къ русскимъ было въ глаза. Не солдаты уже обижали сартовъ, а сартъ при насъ кричалъ и бранилъ солдата дуракомъ за то, что тотъ слишкомъ, по его мнѣнію, близко подошелъ къ очагу, на которомъ онъ варилъ свой «палау», и солдатъ молча отошелъ отъ него; дороги русскимъ не уступалъ никто, и мнѣ пришлось замѣтить, что при проѣздѣ по сартскому базарчику военного губернатора, ни одинъ сартъ не поклонился, никто не всталъ не только изъ сидѣвшихъ, но даже изъ лежавшихъ; смотрѣли на него во всѣ глаза, но принять болѣе почтительной позы не захотѣлъ никто, хотя весь городъ, несомнѣнно, знаетъ губернатора въ лицо. Это, конечно, мелочь, но она характерна.

Генералъ Кауфманъ, первый генералъ-губернаторъ края, знавшій въ совершенствѣ мѣстное населеніе съ его обычаями, нравами и особенностями, далъ ему сильное и близко стоящее къ нему начальство въ лицѣ уѣзднаго начальника, котораго снабдилъ обширными полномочіями; сельскія туземныя власти перестали быть выборными, а назначались властью того же уѣзднаго начальника, и эти должности стали оплачиваться большимъ жалованьемъ (до 1.200 р.); на нихъ попадали дѣйствительно лучшіе люди. Уѣздный начальникъ имѣлъ право вмѣшательства въ тяжёбныя и семейныя дѣла, онъ являлся не только начальствомъ, но и радѣтелемъ, вѣдавшимъ всѣ крупныя и мелкія интересы туземца, и власть его въ глазахъ населенія была почти безгранична. Его уважали и по своему любили, не видя съ его стороны тѣхъ поборовъ и притѣсненій, къ которымъ азіатъ привыкъ искони. Вскорѣ въ лицѣ сельскихъ властей, являвшихся наиболѣе зажиточными и вліятельными въ своей средѣ людьми, стала образовываться силь-

ная и вѣрная русская партія; она группировалась около своего уѣзднаго начальника, который въ свою очередь цѣнилъ и отличалъ лицъ, оказывавшихъ ему услуги своими свѣдѣніями или вліяніемъ; отношеніе населенія къ русскимъ круто и благодѣтельно измѣнилось.

Съ 1887 г. дѣло приняло совершенно иной оборотъ: сельскія власти перестали назначаться, сдѣлавшись выборными, жалованье имъ значительно убавлено, подкупъ, интриги, кулачество царствуютъ въ полной неприкосновенности; лучшіе люди стали отказываться отъ этихъ должностей, переставшихъ быть почетными и дающихъ лишь просторъ наживѣ. Радикально измѣнилось и положеніе уѣзднаго начальника, такъ какъ власть его сокращена до возможнаго минимума и дѣятельность сведена къ канцеляріи. Онъ оказался совершенно дискредитированнымъ въ глазахъ населенія, не понимающаго канцеляріи, чиновничества и децентрализаціи власти; сартъ знаетъ только, что прежде уѣздный начальникъ, бывало, и заступится, и накажетъ, и разберетъ тяжбу или недоразумѣніе: онъ «все могъ», а теперь онъ уже ничего не можетъ и далеко отстоитъ отъ населенія. Нѣтъ уже около него и преданной русской партіи, которая распалась вслѣдствіе неизбѣжнаго отчужденія и отсутствія связи между обѣими сторонами, и взглядъ на русскихъ вообще и на русское «начальство» въ особенности печальнымъ образомъ измѣнился: теперь у туземца есть начальство, которое поставлено для того, чтобы карать, преслѣдовать, но начальства, которое отстаивало бы его интересы нѣтъ, и потому во всякомъ начальствѣ онъ видитъ прежде всего врага.

Судейскіе чины въ лицѣ прокуроровъ и слѣдователей въ постоянномъ антагонизмѣ съ уѣзднымъ начальникомъ и, точно желая выместить на немъ его былую не-

зависимость, подчеркиваютъ въ глазахъ населенія его теперешнее безсиліе. Приходится сознаться, что не пользуются здѣсь теперь русскіе популярностью, а еще недавно, по словамъ людей, прожившихъ въ краѣ, къ намъ относились съ довѣріемъ и уваженіемъ.

Вспоминается мнѣ слышанный отъ В. В. И—ва и переданный ему, по его словамъ, самимъ героемъ происшествія разсказъ о взятіи «Царицы горъ», знаменитой Датхи, теперь уже 80-лѣтней старухи, руководившей киргизами въ ихъ борьбѣ съ русскимъ оружіемъ послѣ паденія Кокандскаго ханства.

Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, во время экспедиціи М. Д. Скобелева, наши военныя власти, зная, какое громадное вліяніе имѣетъ эта женщина, и желая во что бы то ни стало изловить ее, командировали на развѣдки молодого русскаго офицера І. (теперь занимающаго выдающееся положеніе въ военной іерархіи края); найти ее въ ея царствѣ горъ было дѣломъ нелегкимъ. Наконецъ, І. съ переводчикомъ-киргизомъ подкрался совсѣмъ близко къ стану киргизовъ, гдѣ, по имѣвшимся свѣдѣніямъ, она должна была находиться; переводчикъ вызвался пробраться въ станъ, чтобы узнать, что тамъ дѣлается и просилъ І. ждать его, не показываясь. Спустя нѣкоторое время, І. слышитъ голоса цѣлой толпы, направляющейся къ нему изъ непріятельскаго стана и громкій вопросъ переводчика: «таксыръ (господинъ), ты здѣсь?» Прятаться было не въ обычаяхъ І. и, несмотря на громадный рискъ, онъ отозвался. «Выйди сюда, Датха пришла къ тебѣ», продолжалъ переводчикъ. І. вышелъ и дѣйствительно увидѣлъ Датху, приближавшуюся къ нему. Она сказала ему, что находить безумнымъ и жестокимъ продолжать далѣе бороться съ русскими и проливать кровь, что она убѣдила киргизовъ покориться и

теперь желаетъ заявить объ этомъ «главному генералу Русскаго Царя»; на предложеніе І. она выразила согласіе для этого лично поѣхать къ нему на условіи, что ее не арестуютъ и не подвергнуть униженіямъ. І. обѣщалъ ей это, и она съ нимъ и 300—400 своихъ киргизовъ двинулась къ русскимъ.

Подѣзжая къ главному лагерю, І. выразилъ опасеніе, что русскіе, не зная о цѣляхъ приближенія непріятельской толпы, будутъ стрѣлять и посовѣтовалъ Датхѣ отпустить своихъ и ѣхать съ нимъ одной; она пристально посмотрѣла на него и спросила, не лукавитъ ли онъ, на что І. поручился ей своимъ честнымъ словомъ въ томъ, что ей не будетъ причинено никакого вреда. Датха сказала нѣсколько словъ киргизамъ, которые оставили ее и въ лагерь русскихъ она явилась одна съ І. и его переводчикомъ. Кто-то изъ военныхъ чиновъ, вопреки данному І. обѣщанію, хотѣлъ арестовать ее, но послѣдній заявилъ, что для него данное слово—вопросъ чести, и въ случаѣ нарушенія его онъ застрѣлится; зная его за человѣка, который не задумается надъ исполненіемъ этого своего намѣренія, уступили. Датхѣ была поставлена особая юрта и предоставлена полная свобода, хотя издали за нею наблюдали день и ночь. По окончаніи переговоровъ ее отпустили, не причинивъ вреда.

Съ тѣхъ поръ Царица Алая, отстаивавшая независимость своихъ съ ожесточенной энергіей до послѣдней возможности, покорившись, признала надъ собою владычество русскихъ и осталась имъ вѣрна до конца. Пользуясь еще и по сіе время громаднымъ вліяніемъ среди киргизовъ, не только она сама, но и нѣкоторые члены ея семьи не разъ оказывали намъ неоцѣнимыя услуги. И вотъ послѣ наступившихъ въ 1887 году перемѣнъ

одинъ изъ сыновей ея былъ казненъ по подозрѣнiю, весьма слабо мотивированному, въ участiи въ убiйствѣ русскаго (впослѣдствiи было почти доказано, что въ день убiйства онъ былъ за 150 верстъ отъ мѣста преступленiя); другой сынъ былъ сосланъ въ Сибирь; послѣднiй былъ, впрочемъ, по прошествiи года возвращенъ вслѣдствiе ходатайства, какъ самой Датхи, такъ и нашей администрацiи, давшей о немъ самый лучшiй отзывъ. И тѣмъ не менѣе передъ Андижанскимъ нападенiемъ одинъ изъ членовъ этой же семьи (внукъ Датхи) довелъ до свѣдѣнiя уѣзднаго начальника г. Ошъ о готовящихся безпорядкахъ.

IV.

Городъ Ошъ.—Сборы въ путь.—Осмотръ тюрьмы.—Наше вступленіе въ кочевую жизнь.—Крѣпость Гульча.—Охота на кабановъ.

17 іюня. Въ 5 часовъ дня выѣхали мы изъ Андижана, рассчитавшись съ любезнымъ и чрезвычайно добросовѣстнымъ хозяиномъ гостиницы, и въ наемныхъ фаэтонахъ направились къ г. Ошъ, отстоящему отъ Андижана въ 48 верстахъ. Вся дорога идетъ слегка въ гору и очень живописна. Проѣхавъ верстъ 5 по пыльной степи, окруженной холмами съ выгорѣвшей, пожелтѣвшей травой, нашимъ глазамъ открылась красивая долина, густо заселенная, съ массою зелени и обработанными полями; кишлаки—торговые, раскинувшіеся на большихъ пространствахъ; видно много хлѣба, который складывается въ небольшія скирды на крышахъ жилищъ.

Деревья по породамъ своимъ разнообразны: тополь серебристый и пирамидальный, ветла, тутовое дерево, карагачъ; но за то карагачи и тополя достигаютъ такихъ колоссальныхъ размѣровъ и такой красоты формъ, о которыхъ я не имѣла понятія. Остановившись на минуту, чтобы напоить лошадей на станціи, отправились далѣе не крупною, ровною, но очень спорою рысцою;

начинало темнѣть, выплыла полная луна, освѣщеніе которой придавало мѣстности видъ фантастической декорации. Наконецъ, мы въѣхали въ азіатскія окраины города Ошъ, среди которыхъ возвышается гора «Сулейманъ-Тахта» («тронъ Соломона». По преданію, именно здѣсь, возсѣдая на этой горѣ, Соломонъ чинилъ судъ и расправу). Городъ, какъ азіатскій, такъ и русскій вытянулся длинною полосою вдоль берега рѣки Акъ-Буры.

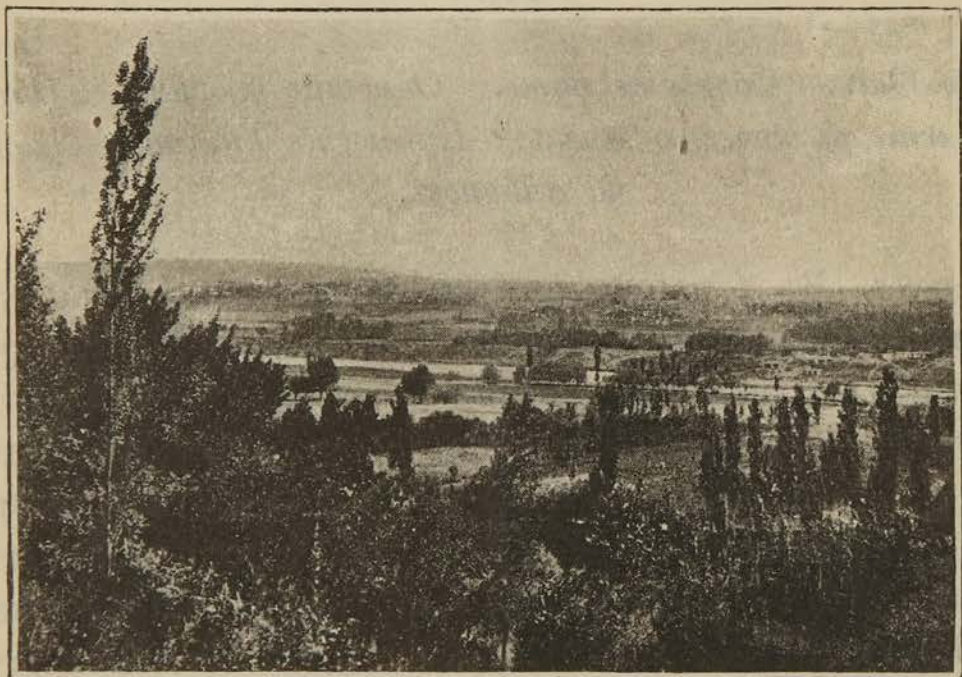

Рис. 16. Видъ на долину р. Акъ-Бура.

Направились мы прямо въ Военное Собраніе, гдѣ и рассчитывали найти пріютъ на нѣсколько дней, которые намъ приходилось провести въ этомъ городѣ для окончательной экипировки нашей экспедиціи; туда же направились и опередившія насъ вещи и багажъ. Но намъ пришлось потерпѣть немалое разочарованіе: собраніе чистилось и красилось къ пріѣзду генераль-губернатора, а потому и размѣститься въ немъ вшестеромъ, да еще съ

большимъ количествомъ громоздкаго багажа было неудобно; на почтовой станціи обѣ имѣющіяся комнаты для прїѣзжающихъ оказались занятыми, ни гостиницъ, ни даже постоялыхъ дворовъ въ городѣ не имѣется. Положеніе наше становилось критическимъ: 11 часовъ вечера, пустынная улица заснувшаго городка, на этой улицѣ шесть безпріютныхъ путниковъ, окруженныхъ безчисленными ящиками всякихъ форматовъ, у этихъ путниковъ тѣла, просящія отдыха и, что еще хуже, желудки, настойчиво требующіе пищи; сверху луна задумчиво и равнодушно заливаетъ фантастическимъ свѣтомъ эту нелишенную трагизма картину.

Несмотря на поздній часъ, съ храбростью отчаянія, мужъ отправился къ батальонному командиру, у котораго на свое счастье, засталъ уѣзднаго начальника, подполковника В. Н. Зайцева, благодаря заступничеству котораго насъ и водворили на первую ночь въ самомъ зданіи Военнаго Собранія, а на слѣдующій день раскинули въ саду юрту для мужчинъ и палатку для насъ съ Н. П.

21 іюня. Горячее время сборовъ и покупокъ для окончательной экипировки. Благодаря содѣйствію В. Н. Зайцева, прикомандировавшаго къ намъ своего личнаго переводчика, эта задача значительно облегчена. Черезъ посредство этого переводчика *) закуплено 8 верховыхъ лошадей, 2 осла, нанято 10 вьючныхъ лошадей, 2 верблюда, заказана юрта, куплено необходимое теплое платье, кошмы (войлока) и ячмень, который необходимо везти съ собою, такъ какъ въ настоящее время въ пути будетъ

*) Переводчикъ Ибрагимъ Чанышевъ оказалъ подполковнику Зайцеву важныя услуги по предупрежденію готовившихся въ Ошскомъ уѣздѣ безпорядковъ.

почти невозможно находить его въ необходимомъ количествѣ: новый ячмень еще не созрѣлъ, а запасы его уже истощены. Стоимость найма выючныхъ животныхъ поденная: 2 руб. въ день за верблюда, и 1 р. за лошадь на собственномъ корму и съ обязательствомъ замѣны негоднаго или павшаго въ пути животнаго. Одинъ изъ верблюдовъ предназначался для перевозки юрты, другой— для фуража, но въ послѣдствіи пришлось нѣсколько измѣнить это распредѣленіе, такъ какъ юрта оказалась слишкомъ тяжелою для одного верблюда (нормальнымъ и не обременительнымъ грузомъ считается: 8 пудовъ для лошади, 12 пуд. для верблюда и 6 пуд. для осла).

По словамъ В. Н. З—ва въ этомъ году на Памиры отправляется нѣсколько экспедицій, изъ которыхъ одна подъ начальствомъ инженера М—го; ему поручено устройство постоянныхъ почтовыхъ станцій, т. н. «рабатовъ» вплоть до Памирскихъ укрѣпленій и разработка дороги. Въ будущемъ, слѣдовательно, году, когда станціи эти будутъ готовы, путешествовать можно будетъ съ большими удобствами.

Насъ опять пугаютъ, увѣряя, что на Памирахъ наши лица сильно страдаютъ отъ постоянныхъ вѣтровъ, яркаго свѣта и сухости воздуха; кожа будто бы лопается, какъ отъ сильнаго обжога, а носъ теряетъ свою первоначальную форму. Признаки горной болѣзни рисуютъ намъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ, но мы облеклись въ броню неуязвимости и безстрашія, тѣмъ болѣе, что вѣрили обѣщаннымъ бѣдствіямъ лишь на половину, какъ намъ и совѣтовали люди, умудренные опытомъ.

23 іюня. Осматривали сегодня мѣстную тюрьму, въ которой много заключенныхъ по Андижанскому инци-

денту, и дѣло не обошлось безъ комическаго недоразумѣнія: вооруженные, какъ всегда, фотографическими аппаратами и штативами къ нимъ, мы гурьбою подошли къ рѣшетчатымъ воротамъ тюрьмы и просили сторожа доложить о насъ г-ну начальнику тюрьмы, къ которому имѣли письмо В. Н. З—ва съ просьбою допустить насъ къ осмотру заключенныхъ. Окинувъ насъ подозрительнымъ взглядомъ, сторожъ скрылся и, вернувшись черезъ минуту, объявилъ, что «войти можно, но играть здѣсь нельзя». На наши недоумѣвающіе разспросы онъ лишь настойчиво повторялъ, что «смотреть—смотрите, а играть никакъ нельзя». Пока мы оглядывали другъ друга, силясь догадаться, какія собственно игры намъ возбраняются, и кто изъ насъ могъ дать поводъ заподозрить насъ въ столь легкомысленныхъ намѣреніяхъ, громкій смѣхъ подошедшаго начальника тюрьмы положилъ конецъ недоразумѣнію: сторожъ доложилъ ему, что пришли какіе-то музыканты и просятъ въ тюрьму.

Намъ очень любезно было разрѣшено, не только осмотрѣть всѣхъ заключенныхъ, но и снять съ нихъ фотографіи. «Андижанцы» сидятъ въ подслѣдственной камерѣ, отдѣльно отъ остальныхъ арестантовъ. Большинство — киргизы; лица непріятныя, опущенные внизъ глаза, позы смиренныя, со сложенными руками; многіе что-то шептали про себя. Намъ указали на двухъ стариковъ, изъ которыхъ одинъ имѣлъ видъ необычайно смиренный, стоялъ сгорбившись и едва, повидимому, дерзалъ поднять на насъ глаза; но тѣмъ не менѣе, онъ былъ однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ и фанатичныхъ пособниковъ Ишана. Другой былъ совсѣмъ лядащимъ старичкомъ съ сѣдою обтрепанною бороденкою: этотъ, во время преслѣдованія забился въ пещеру и уло-

жилъ трехъ джигитовъ, сунувшихся было взять его; сдался онъ лишь послѣ того, какъ отъ входа было направлено на него дуло ружья съ обѣщаніемъ немедленно стрѣлять. Этотъ же старикашка выдержалъ за-

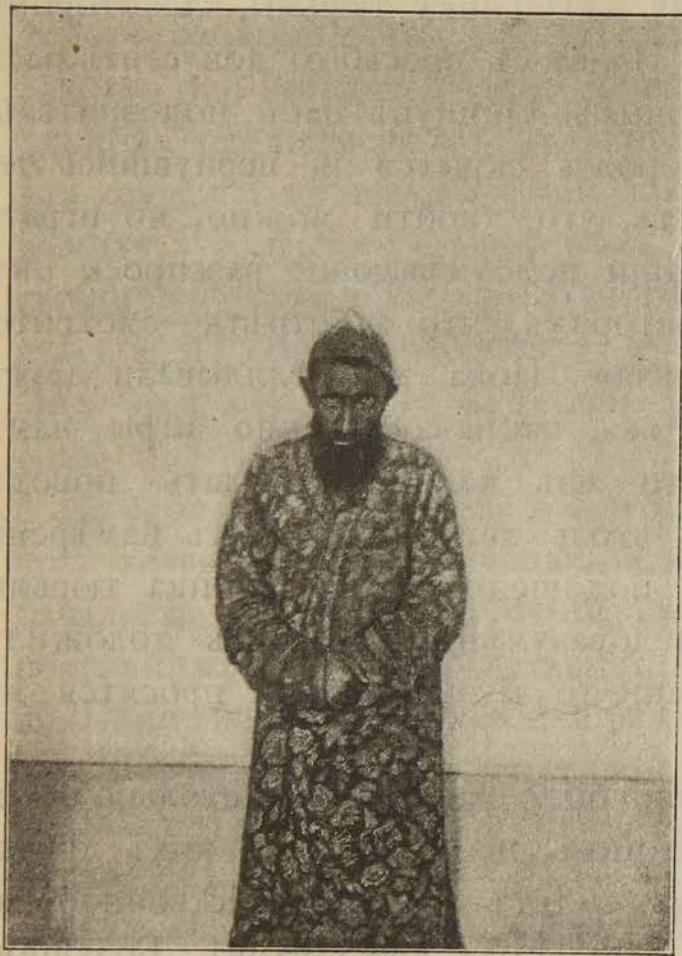

Рис. 17. Одинъ изъ участниковъ Андижанскаго возстанія.

тѣмъ, не издавъ ни одного звука, 200 ударовъ розогъ, и ударовъ ожесточенныхъ, такъ какъ солдаты были страшно озлоблены. Внутренность тюрьмы совсѣмъ не производитъ впечатлѣнія мрачнаго: высокія, просторныя камеры, чисто выкрашенные бѣлою краскою, громадныя окна, за которыми виднѣется густая зелень, масса свѣта и воздуха; если бы не желѣзныя рѣшетки въ окнахъ, не сразу

бы и догадался, что находишься въ мѣстѣ заключенія.

Приготовленія и закупки кончены; завтра думаемъ выступать.

24 іюня. Сегодня насталь для насъ рѣшительный день: выступаемъ въ походъ, верхами, съ юртой, вьюками, словомъ, сегодня начинается наша экспедиція. Охот-

ничья команда, прикомандированная къ намъ генераломъ Ионовымъ съ разрѣшенія генералъ-губернатора, должна прибыть сегодня въ Ошъ подъ начальствомъ поручика М—ва; послѣдній избранъ ген. Ионовымъ, какъ опытный охотникъ и знатокъ мѣстности. Рѣшено, что нашъ вьючный караванъ подъ предводительствомъ своего караванъ-баши (буквально: голова каравана) Алимъ-бая, выступить въ 11 ч. утра, мужъ останется ждать М—ва съ командою, остальные же часа въ 4 дня отправятся въ путь, оста-

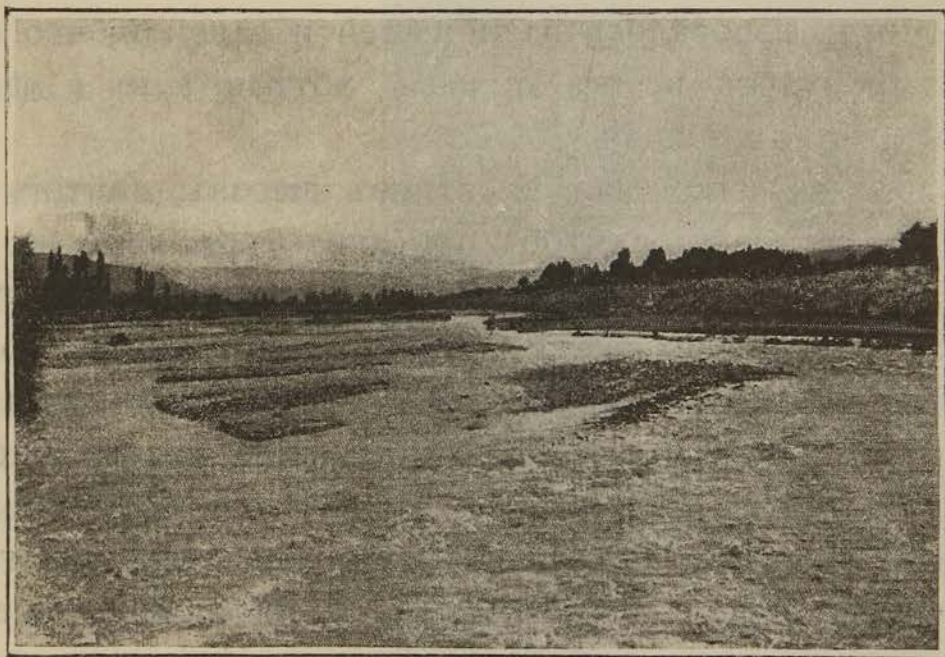

Рис. 18. Р. Акъ-Бура близъ г. Ошъ.

новившись для ночевки въ кишлакѣ Мады, верстахъ въ 12 отъ г. Ошъ. Этотъ маленькій переходъ долженъ служить пробнымъ камнемъ всѣмъ намъ, давно не садившимся на лошадей.

Сборы при отъѣздѣ были, и продолжительны, и совершенно безалаберны. На каждую верховую лошадь, кромѣ сѣдла и сѣдока, приходилось нагрузить наши

куржумы *) съ вещами, да по одному пуду ячменя, при чемъ то и другое прикрѣпить такъ, чтобы и сѣдоку было удобно, и лошади не беспокоило; задача эта оказалась тѣмъ болѣе сложною, что прислуга не была еще приучена къ своему дѣлу, а наши сотоварищи по путешествію оказались совершенно неопытными кавалеристами и потому вполне безпомощными въ дѣлѣ сѣдланія лошадей и прилаживанія всего необходимаго. Дѣло шло изъ рукъ вонъ плохо. Послѣ долгихъ неудачныхъ попытокъ, пререканій, возгласовъ отчаянія, всѣ наконецъ взобрались на лошадей и заявили, что готовы. Тронулись не въ 4, какъ хотѣли, а въ 6 часовъ, но все же тронулись.

Проѣхавъ нѣсколько десятковъ шаговъ, доктору пришлось остановиться, чтобы поправить съѣхавшіе на бокъ куржумы, и затѣмъ усиленною рысью догонять уѣхавшихъ впередъ; мы слегка надъ нимъ потрунили, но оказалось, что почти каждому изъ насъ періодически приходилось продѣлывать то же самое, а потому впередъ подвигались мы очень медленно; мы съ Н. П. Б—ой находились въ лучшихъ условіяхъ, такъ какъ мужъ самъ руководилъ сѣдланіемъ нашихъ лошадей, особенно же плохо приходилось доктору, временная лошаденка котораго была необычайно тряска и, какъ-то вся трепыхаясь на ходу, сбивала на сторону всѣ куржумы; послѣдніе тянули за собою сѣдло, а съ нимъ вмѣстѣ и злополучнаго сѣдока, который въ концѣ-концовъ совсѣмъ освирѣпѣлъ, да и было отъ чего.

Чувствовала я себя въ сѣдлѣ хорошо, но не успѣла еще привыкнуть къ характеру и повадкамъ моей лошади, а слѣдовательно и не умѣла добиться лучшаго

*) Переметныя сумы, прикрѣпляющіяся сзади сѣдла ремнями.

ея хода. Мы съ Н. П. Б—ой, слѣдуя совѣтамъ людей опытныхъ, рѣшились ѣхать по-мужски, на мужскихъ сѣдлахъ, и ни разу впослѣдствіи намъ не пришлось раскаяться въ этомъ; я думаю, что лишь благодаря этому способу ѣзды, мы впослѣдствіи дѣлали переходы въ 40—50 верстъ, не чувствуя усталости.

Имѣя это въ виду, мы съ нею еще въ Тифлисѣ сдѣлали себѣ черкесскіе костюмы, которые, будучи удобны для ѣзды верхомъ, при ходьбѣ представляютъ подобіе юбки, открывающей лишь ступню ноги. Сѣдла у всѣхъ, кромѣ доктора и Б., простыя, сартскія: они состоятъ изъ деревяннаго лакированнаго остова, по формѣ напоминающаго англійскія сѣдла и покрытаго тонкою подушкою

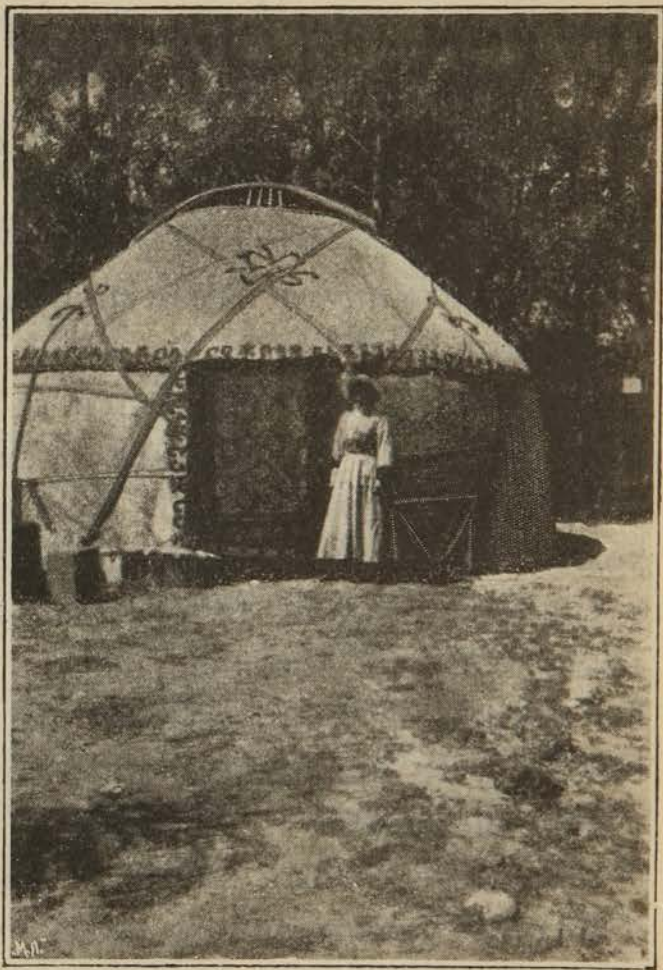

Рис. 19. Наша юрта и мой дорожный костюмъ.

изъ верблюжьей шерсти. Сзади и спереди имѣются тонкіе ремешки для привязыванія необходимыхъ вещей и платья. Сѣдло это удобно для сидѣнія на немъ, не побиваетъ спины лошади и очень дешево: каждое изъ нихъ намъ стоило по 10 рублей.

Въ сумерки мы добрались до мѣста нашей ночевки, кишлака Мады, посрединѣ котораго подѣ громаднымъ карагачомъ была проготовлена для насъ юрта. На утро думали двинуться часовъ въ 5, чтобы придти въ Лангаръ до наступленія жары (22 версты); но и на этотъ разъ ранній выходъ намъ не удался, и успѣлись мы на лошадей лишь въ 6¹/₂ часовъ. Принято думать, что ни одна поѣздка «съ дамами» не можетъ произойти во время; чтобы снять съ себя такое нареканіе, спѣшу завѣрить читателя, что въ нашей поѣздкѣ остановка была всегда *не* за дамами: у нашихъ спутниковъ, въ самую послѣднюю минуту неизмѣнно находилось какое-нибудь неотложное дѣло.

Эти 22 версты мы прошли съ небольшимъ въ 3 часа, нисколько не утомившись, несмотря на то, что почти всѣмъ намъ уже давно не приходилось ѣздить верхомъ. Своею лошадыю я, пока, очень довольна: это послушное, кроткое и красивое животное съ прекраснымъ ходомъ. Есть, впрочемъ, и у нея недостатокъ: къ спускамъ и подъемамъ она, повидимому, не привыкла и ее приходится въ этихъ случаяхъ держать на тугихъ поводяхъ, а въ горахъ это можетъ оказаться весьма неудобнымъ. Убѣдиться въ этомъ мнѣ пришлось довольно неожиданнымъ образомъ: спустившись въ неглубокую лощинку, я зазѣвалась было на окружающую меня картину, когда почувствовала, что моя лошадь собралась въ комокъ и какъ-то по-зайчиному, прыжками, пустилась на довольно крутой подъемъ: она точно пыталась выскочить изъ-подъ меня, и я должна была изо всѣхъ силъ вцѣпиться ей въ гриву, чтобы не съѣхать съ нея назадъ; со стороны видѣ я представляла комичный. Поводьевъ, конечно, распускать не слѣдовало, но вѣдь ни одна приличная лошадь и не кидается въ

гору, словно на приступъ. Вообще, приходится примѣняться къ особенностямъ и странностямъ даже собственной лошади, если предпочитаешь жить съ нею въ ладу. Памятуя о томъ, какъ мнѣ важно пріобрѣсти ея расположеніе, я пытаюсь подкупить ее, пріучая ѣсть хлѣбъ изъ моихъ рукъ.

Приблизительно на полпути отъ Мадовъ до Лангара начинается широкое ущелье, по дну котораго течетъ рѣка Талдыкъ; оно окаймлено невысокими горами, покрытыми травой. Изъ-за этихъ ближайшихъ горъ, рисуются вдали снѣжныя вершины, которыя на ясномъ голубомъ небѣ кажутся рисованными по фарфору. Мѣстами дорога совсѣмъ размыта и приходится переправляться вбродъ по этой, теперь еще мелкой и раздѣленной на небольшіе рукава рѣченкѣ.

Всю дорогу сопровождаетъ насъ джигитъ отъ киргизской волости и ему, очевидно, было поручено доставить насъ невредимыми къ мѣсту остановки; такъ какъ безопасности нашей ничто не угрожало, джигитъ принялъ на себя обязанности дамскаго cavalier servant: онъ трусилъ все время рядомъ съ нами на своей крохотной лошаденкѣ и развлекалъ насъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ. Вся его тщедушная фигурка исчезала въ обширныхъ желтыхъ кожаныхъ чембарахъ *), изъ-подъ сѣрой, войлочной шляпы лукаво поглядывали крошечныя глазки; сбоку болталась чудовищныхъ размѣровъ и, очевидно бутаторская сабля: онъ былъ смѣшонъ до крайности и сильно напоминалъ собою огородное чучело. И вдругъ нашъ тѣлохранитель запѣлъ: онъ, очевидно, импровизи-

*) Чембары—очень широкіе штаны, стягивающіеся у пояса; въ ненастную, холодную погоду киргизы прячутъ въ нихъ длинныя полы халатовъ.

ровалъ и пѣлъ отдѣльными фразами, обращаясь то къ пещерѣ, мимо которой мы ѣхали, то къ карагачу, одиноко стоявшему на склонѣ горы, то къ Н. П., бѣлокурые волосы которой, очевидно, покорили его сердце; въ особо патетическихъ мѣстахъ онъ восторженно трясъ головой, закрывалъ глаза и рукой затыкалъ собственное ухо: этотъ пріемъ, очевидно, облегчалъ ему высокія ноты.

Въ Лангарѣ насъ ожидали уже двѣ приготовленныя для насъ юрты, въ одной изъ которыхъ были кровати, столъ и даже кресло; явился самоваръ, крынка свѣжаго молока, и мы отдохнули на славу. Часовъ въ 8 вечера догналъ насъ мужъ, и на слѣдующій день въ 5 час. дня, выѣхали мы съ тѣмъ, чтобы ночевать въ Бирь-булакѣ, въ 18 верстахъ отъ Лангара.

Переходъ ожидался небольшой, легкій, но начало темнѣть, подулъ холодный вѣтеръ, а Бирь-булака все еще не видно, хотя по времени мы давно уже должны были добраться до него. Какое-то сиротливое чувство просится въ душу: вотъ и ночь наступила, ничего не видно кругомъ, мѣсто чужое, за тысячи верстъ отъ всего своего, и мы голодны, и мы ужасно иззябли, и никому до насъ дѣла нѣтъ. Но вотъ въ темнотѣ и какъ-то неожиданно обрисовались силуэты двухъ юртъ; лошади радостно зафыркали, и черезъ четверть часа мы сидѣли за самоваромъ довольные, какъ дѣти, и мрачныхъ мыслей какъ не бывало.

Минимумъ за эту ночь показалъ лишь $+5^{\circ}$ С.

28 іюня. Сегодня предстояло пройти до Гульчи 23 версты, по возможности безъ привала, но... лошади разбѣжались по горамъ, и часа три прошло прежде, чѣмъ удалось собрать и осѣдлать ихъ; солнце пекло уже по-

рядкомъ, когда мы двинулись. Взобравшись по довольно крутому подъему, мы около 10 часовъ утра были на перевалѣ Чигирчикъ и передъ глазами нашими лежала картина такой красоты, которая забудется не скоро. Глубокое ущелье круто понижается по обѣ стороны перевала, ярко-зеленныя горы окаймляютъ его; инныя изъ нихъ точно разрублены посрединѣ и поднимаются къ чистому, непривычно для насъ яркому небу, обнаживъ составляющія ихъ глины, кирпично и фіолетово-красна-

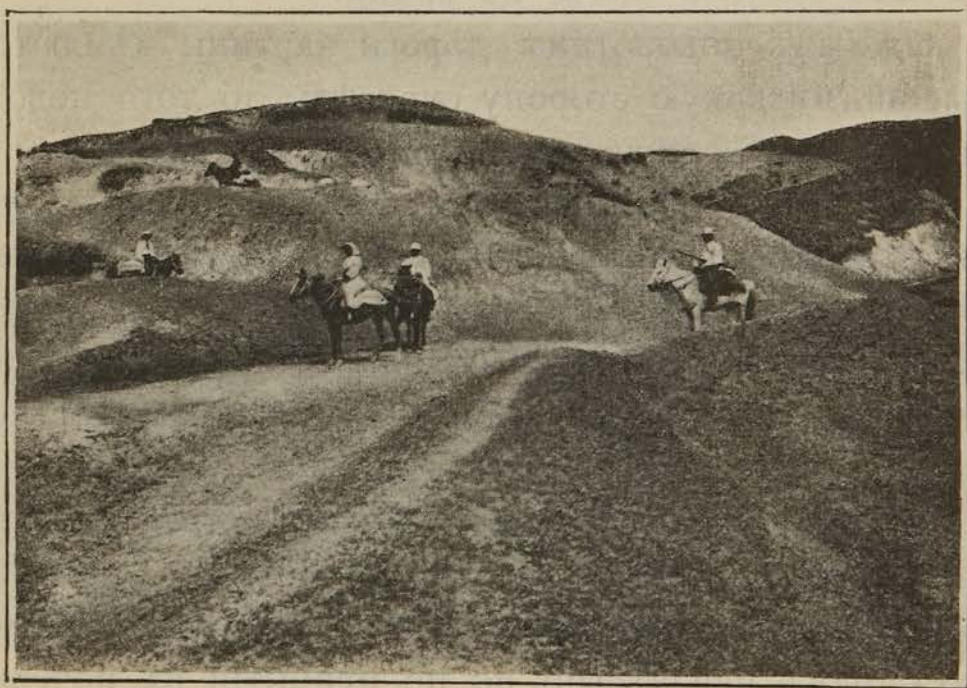

Рис. 20. Переваль Чигирчикъ.

го цвѣта. Здѣсь наверху дулъ рѣзкій, холодный вѣтеръ; трава нѣжная, очевидно, еще недавно зазеленѣвшая, цвѣтутъ незабудки. Неохотно отрываемъ мы глаза отъ этой красоты, но медлить некогда: мы и такъ уже запоздали; начался спускъ, всегда болѣе утомительный, чѣмъ подъемъ. По дну ущелья, въ которое мы спустились отлогими зигзагами, злится и пѣнится рѣка съ неши-

рокимъ, но довольно глубокимъ русломъ, густо поросшимъ по берегамъ травою; вода въ рѣкѣ—кристально-чистая, зеленоватаго оттѣнка и падаетъ цѣлымъ рядомъ водопадовъ.

По дорогѣ встрѣчаются стайки розовыхъ дроздовъ и альпійскихъ галокъ, отличающихся отъ нашихъ чернымъ опереніемъ, а также красными лапками и клювомъ. Много сизыхъ голубей, повидимому, совершенно схожихъ съ нашимъ домашнимъ голубемъ; горлинокъ и глинистыхъ голубей болѣе не видно.

Съ каждымъ поворотомъ дороги картины мѣняются, не знаешь, въ какую сторону смотрѣть, до того ново и хорошо то, что окружаетъ, до того неподражаемы и измѣнчивы тоны и краски. Остановившись на минуту около станціи и выпивъ по стакану холоднаго кумыса (прескверный напитокъ, между прочимъ, и почему-то всегда изобилующій лошадиными волосами), мы двинулись далѣе въ сопровожденіи новаго джигита, смѣнившего наше «чучело»; эти джигиты передаютъ насъ одинъ другому, заранѣе увѣдомляя дальнѣйшія волости о прибытіи «большихъ господъ».

Кто и когда передаетъ свѣдѣнія о нашихъ передвиженіяхъ, намъ неизвѣстно, но по прибытіи на ночевку, мы неизмѣнно и въ послѣдствіи находили разставленныя для насъ юрты, кумысъ, барана, гдѣ возможно и молоко; при этомъ почти всегда нѣсколько киргизовъ являлось слугами-добровольцами.

Часовъ въ 12, разморенные жаромъ, мы приблизились къ Гульчѣ, крѣпостныя зданія которой виднѣлись издали. Джигитъ нашъ сорвался съ мѣста и помчался впередъ съ очевиднымъ намѣреніемъ предупредить, кого слѣдуетъ, о нашемъ прибытіи. Дѣйствительно, на берегу р. Гульчи, черезъ которую предстояло переправиться вбродъ,

кромѣ нашего джигита, ждали насъ нѣсколько конныхъ сартовъ и арба, въ которую пришлось сложить съ нашихъ сѣделъ всѣ куржумы съ ячменемъ и вещами, такъ какъ рѣка довольно глубока. Подобравъ ноги на сѣдло, спустились въ рѣку за переднимъ проводникомъ; рѣка дѣлится на два рукава съ очень быстрымъ теченіемъ. Мнѣ совѣтовали не смотрѣть на воду, чтобы избѣжать головокруженія, но я скоро замѣтила, что

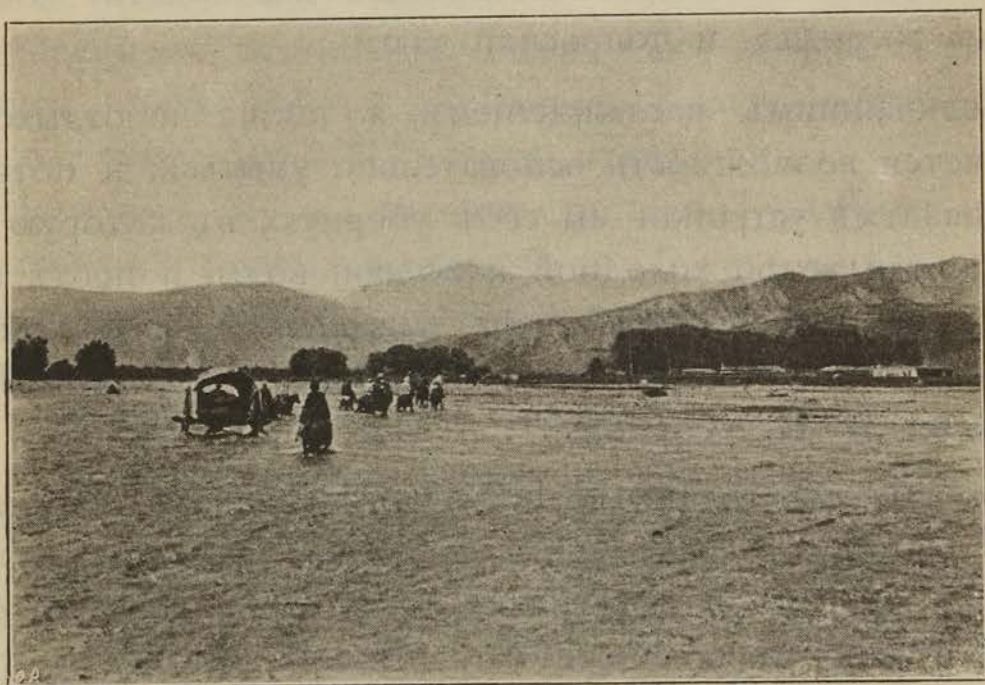

Рис. 21. Переправа черезъ р. Гульчинку.

смущаетъ меня, не столько вода, сколько противоположный берегъ: когда мнѣ случилось взглянуть на него, казалось, что меня относитъ въ сторону съ головокружительной быстротой, такъ что я спѣшила отвести глаза и сосредоточить свое вниманіе на крупѣ передней лошади; эти послѣднія совсѣмъ наваливались на воду противъ теченія и бодро выбирались изъ рѣки. (*)

Никто изъ насъ не смалодушествовалъ, не свалился, и мы почти сухими вскорѣ подѣзжали къ приготовленнымъ для насъ юртѣ и палаткѣ. По обычаю восточнаго гостепріимства, въ юртѣ оказался «достарханъ» *), предложенный намъ волостнымъ старшиною. Онъ состоялъ изъ нѣсколькихъ дынь (рѣдкость для этого времени), лепешекъ изъ очень крутого, прѣснаго тѣста, сахара, леденцовъ и халвы; на дыни накинута мы съ жадностью, совсѣмъ несоотвѣтствующею достоинству «большихъ господъ», и попросили чаю.

Величайшимъ наслажденіемъ, а также и отдыхомъ является возможность основательно умыться; и потому въ палаткѣ устроили мы себѣ уборную, въ которую затребовали ведро холодной ключевой воды, и послѣ купанія я почувствовала себя совершенно воскресшею. Впослѣдствіи бывшая съ нами палатка всегда служила намъ съ Н. П. уборною.

Гульча—собственно военное укрѣпленіе; оно состоитъ изъ маленькой крѣпостцы съ сотнею солдатъ; возлѣ ютится крошечная деревенька, въ которой имѣется базаръ и даже «европейскій магазинъ». Лежитъ крѣпостца въ ущельѣ, окруженномъ мягкими зелеными горами; климатъ довольно влажный, съ перепадающими, но рѣдко продолжительными дождями, большихъ жаровъ не бываетъ, зимы суровыя, съ обильнымъ снѣгомъ; деревьевъ мало и почти исключительно тополи.

Мимо насъ постоянно тянутся громадныя караваны киргизовъ: это запоздавшія кочевья, пробирающіяся на Алайскую долину.

*) Угощеніе.

29 іюня. Вчера мужъ въ первый разъ поѣхалъ на горы работать со своимъ фототеодолитомъ *). Съ этимъ инструментомъ у него въ Ошѣ случилась большая неприятность: сломался уровень (ватерпасъ), что грозило сдѣлать работу съ нимъ чрезвычайно неудобною, впоследствии, однако, удалось уладить это затрудненіе. Вчера же мужъ убилъ пару кекликовъ (каменная куропатка), которыхъ мы съѣли за обѣдомъ; мясо ихъ оказалось чрезвычайно жесткимъ, вѣроятно потому, что зажарили ихъ вскорѣ послѣ того, какъ онѣ были убиты. Сарты очень любятъ кекликовъ и часто держатъ ихъ въ клѣткахъ, какъ бойцовыхъ птицъ.

Поручикъ М—въ нагналъ насъ въ Гульчѣ со своею охотничьею командою; отсюда онъ будетъ сопровождать насъ все время нашего пути; его солдаты—молодецъ къ молодцу, и съ такою охраною намъ, конечно, бояться нечего. Эти охотничьи команды формируются изъ самаго молодежаватаго и браваго элемента; ихъ посылаютъ нерѣдко въ горы для охоты, при этомъ вся команда, за исключеніемъ офицера,—пѣшая. Въ случаяхъ военныхъ дѣйствій эта горсть храбрыхъ и испытанныхъ людей неоцѣненна. Охотники они выдающіеся, а ходоки такіе, о какихъ трудно составить себѣ понятіе, не видавъ ихъ на дѣлѣ: они выступали всегда почти одновременно съ нами и даже впоследствии, когда мы дѣлали переходы въ 35—40 верстъ, приходили лишь часомъ - полутора позже насъ, при чемъ немедленно принимались за варку кушанья и всякую хозяйственную возню. Кому изъ нихъ уже рѣшительно нечего было дѣлать, развлекалъ себя гармоникою или отка-

*) Инструментъ для примѣненія фотографіи къ топографическимъ работамъ.

лывалъ такое замысловатое па, отъ котораго земля гудѣла кругомъ. Въ гору, и часто крутую, идутъ они тѣмъ же легкимъ, упругимъ шагомъ, какъ и по ровному мѣсту; трудности пути и усталости для нихъ точно не существуетъ.

Мы все болѣе приобрѣтаемъ видъ путешественницъ по дикимъ странамъ: наши новенькія черкески поистрепались, руки страшно загорѣли и огрубѣли: всякое кокетство приходится отложить до болѣе удобнаго случая, заботимся лишь о сохраненіи нѣкоторой опрятности и, пока тепло, намъ это удастся; говорить, что дальше, на Памирахъ, придется забыть и объ этомъ.

Сегодня волостной старшина прислалъ сказать, что верстахъ въ десяти видѣли стадо кабановъ, и все наше общество, кромѣ меня, поѣхало на охоту, большинство, впрочемъ, зрителями; М—въ взялъ нѣсколькихъ солдатъ и гончихъ.

30 іюня. Вчера для мужа были именины сердца: онъ убилъ перваго въ жизни кабана. Свѣдѣнія, сообщенныя старшиною, оказались справедливыми и наши охотники дѣйствительно встрѣтили верстахъ въ 8 отъ Гульчи стадо кабановъ. Мужъ замѣтилъ свинью, когда она уже уходила отъ него, и выстрѣлилъ ей вдогонку экспрессною пулею, но промахнулся; второй же выстрѣлъ круглою пулею догналъ ее, она пошла шагомъ и, наконецъ, легла. Пуля вошла въ лѣвую заднюю ляжку, прошла черезъ внутренности, при чемъ сердце оказалось пробитымъ насквозь, и засѣла въ правой лопаткѣ, которую и раздробила; удивительна живучесть животного, которое съ пробитымъ сердцемъ шло еще нѣкоторое время. Пуля, найденная въ лопаткѣ, точно срѣзана свер-

ху, нѣсколько кусковъ свинца отщеплено. Свинка молодая, съ поросенкомъ. Шкуру съ нея сняли для московскаго Зоологическаго музея.

Сниманіе шкуры для чучела—вещь довольно сложная, и съ большимъ искусствомъ операцію эту предѣлалъ одинъ изъ солдатъ охотничьей команды: сперва разрѣзается снизу кожа живота до грудной клѣтки, внутренности удаляются, затѣмъ переламывается спинной хребетъ, и туша,

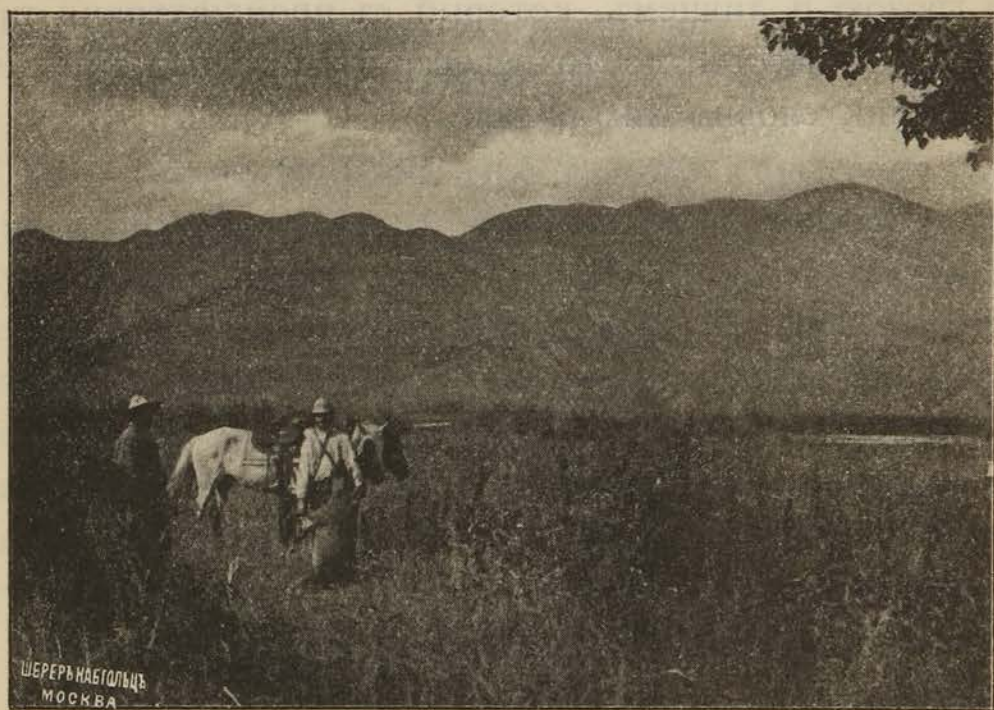

Рис. 22. Д. Н. Г.—нѣ съ убитымъ кабаномъ.

привѣшенная къ древесному суку, вывертывается на изнанку, послѣ чего шкура снимается чулкомъ; на ногахъ остаются копыта съ послѣднимъ суставомъ. Съ головы шкура снимается съ такъ называемымъ «пятаконъ» и губами. Работать необходимо хорошимъ и очень острымъ ножомъ. Когда шкура снята, съ нея тщательно соскабливаются остатки мяса и сала, послѣ чего изнутри ее

натирають солью и мышьякомъ, чтобы предохранить отъ червей и загниванія, и по возможности лучше просушиваютъ.

Здѣшній климатъ не заслужилъ моихъ симпатій, хотя и отличается удивительнымъ, удручающимъ постоянствомъ: ежедневно съ 2 — 3 часовъ пополудни, послѣ яснаго жаркаго утра, въ горахъ раздаются глухіе раскаты грома и собираются темныя грозовыя тучи: онѣ ползутъ, ползутъ на долину и, наконецъ, разражаются надъ нею грозою и ливнемъ, который съ промежутками продолжается часовъ до 10 вечера; и такъ каждый день неизмѣнно, словно лихорадка.

V.

Киризы.—Киризская женщина.—Наша прислуга.—Отъ Гульчи до Кизиль-Куриана.—Ольинъ луъ.—Яки.—Охота на киковъ.

1 июля. Мимо насъ все еще тянутся киргизскіе караваны, отправляющіеся на кочевья; своеобразную и красивую картину представляютъ они. Переселенія эти составляютъ для киргизовъ праздникъ и совершаются съ нѣкоторою торжественностью: они одѣваются въ лучшее свое платье, мужчины въ цвѣтные, иногда шелковые халаты, женщины въ свои снѣжно-бѣлые тюрбаны, лошадей покрываютъ яркими попонами, верблюдовъ ведутъ на веревкѣ съ длинною бахромою; юрты покрыты коврами. Да и дѣйствительнымъ праздникомъ является для киргиза весеннее переселеніе его: стремится онъ на Алайскую долину, а на ней все, о чемъ можетъ мечтать не избалованный своею суровою родиною, свободолюбивый киргизъ. Тамъ просторъ необозримый, тамъ обиліе воды, тамъ такія тучныя пастбища, что скотъ въ недѣлю поправляется неузнаваемо, а въ скотѣ все его богатство; тамъ, наконецъ, общество, такъ какъ они раскидываютъ свои юрты группами, иногда по сотнѣ и болѣе, образуя аулъ*), а для киргиза общество необхо-

*) Селеніе.

димо, потому что общителенъ онъ и любопытенъ чрезвычайно.

Киргизъ симпатичнѣе сарта, онъ еще полудикарь и въ немъ много дѣтскаго; онъ честенъ, добродушенъ, гостепріименъ, хотя и не лишенъ хитрости. Потребность узнать новость и подѣлиться ею, въ немъ такъ велика, что онъ скачетъ иногда верстъ за 30—40 къ пріятелю въ сосѣдній аулъ для того только, чтобы сообщить что-нибудь, по его мнѣнію, интересное; малѣйшее извѣстіе является для него поводомъ устроить «томашу» *). Бдущаго по дѣлу киргиза всегда сопровождаютъ 2—3 добровольца съ единственною цѣлью посмотрѣть, что изъ всего этого выйдетъ.

Въ семьѣ своей киргизъ почти бесполезенъ: его обязанности сводятся къ тому, чтобы накопить травы для скота на зиму, да и это несложное занятіе обыкновенно исполняется юношами-подростками. Весь трудъ лежитъ на плечахъ женщины; она смотритъ за скотомъ, доить, убираетъ, кормитъ его, дѣлаетъ кумысъ, ткетъ ковры и матеріи изъ верблюжьей шерсти, сѣдлаетъ лошадей, словомъ—она въ семьѣ все. Зато и цѣнится она гораздо дороже сартянки: даже бѣдный человѣкъ платитъ за невѣсту «калымъ» скотомъ и деньгами на 400—500 руб., а богатый значительно больше; калымъ этотъ выплачивается нерѣдко въ продолженіе 5—10 лѣтъ, и свадьба можетъ состояться лишь по уплатѣ калыма до послѣдней копейки, такъ что выборъ невѣстъ и сговоръ иногда устраиваются съ десятилѣтняго возраста. Родители невѣсты оставляютъ себѣ изъ калыма за воспитаніе дочери небольшую сумму, такъ какъ, въ свою очередь, обязаны снабдить дочь юртою и полною обстановкою, также

*) Праздникъ, сборище.

верблюдами, скотомъ, словомъ—самостоятельнымъ хозяйствомъ. Ходятъ женщины съ открытымъ лицомъ; женихъ съ невѣстою имѣютъ, слѣдовательно, возможность хорошо познакомиться заранее. Въ рѣшеніи семейныхъ дѣлъ женщина имѣетъ большое значеніе, и голосъ ея—не послѣдній. Разводъ у киргизовъ въ большомъ ходу и облегченъ до чрезвычайности: всѣ формальности по этому вопросу сводятся къ тому, что супруги являются къ своему «кази» *) и заявляютъ о желаніи развестись; поводъ принимается во вниманіе всякій, хотя бы, на примѣръ, не во-время приготовленная для супруга пища. Безъ дальнихъ проволочекъ, кази немедленно пишетъ постановленіе, которое читается супругамъ, и они разведены; дѣти оставляются отцу, хотя по обоюдному соглашенію могутъ быть подѣлены. Жениться и выходить замужъ можно безконечное число разъ.

2 іюля. Вчера М—въ ходилъ со своею командою на то же мѣсто, на которомъ охотились третьяго дня, и убилъ стараго кабана-сѣкача. Кабанъ самъ гонялся за собаками, обезпокоившими его, и наткнулся на М—ва въ упоръ, въ пяти шагахъ. Шкуру его также сняли для чучела и сегодня у насъ на обѣдъ опять свинина; вкусно ли это мясо, не могу сказать, потому что въ приготовленіи Мурзы, ни свинина, ни фазанъ, ни баранина по вкусу другъ отъ друга не отличаются.

Магометанамъ, какъ извѣстно, коранъ запрещаетъ не только ѣсть свинину, но даже и прикасаться къ ней. Нашъ Мурза съумѣлъ однако обойти это затрудненіе: онъ обыкновенно проситъ кого-либо изъ солдатъ вырѣзать нужный ему кусокъ кабанины и положить его въ котелъ, послѣ

*) Выборный судья.

чего справляется съ нимъ уже самъ, и я имѣю основанія подозрѣвать, что, когда на него не смотрятъ, онъ продѣлываетъ со свининой всѣ необходимыя манипуляціи безъ всякаго отвращенія; вообще онъ либераль большой руки.

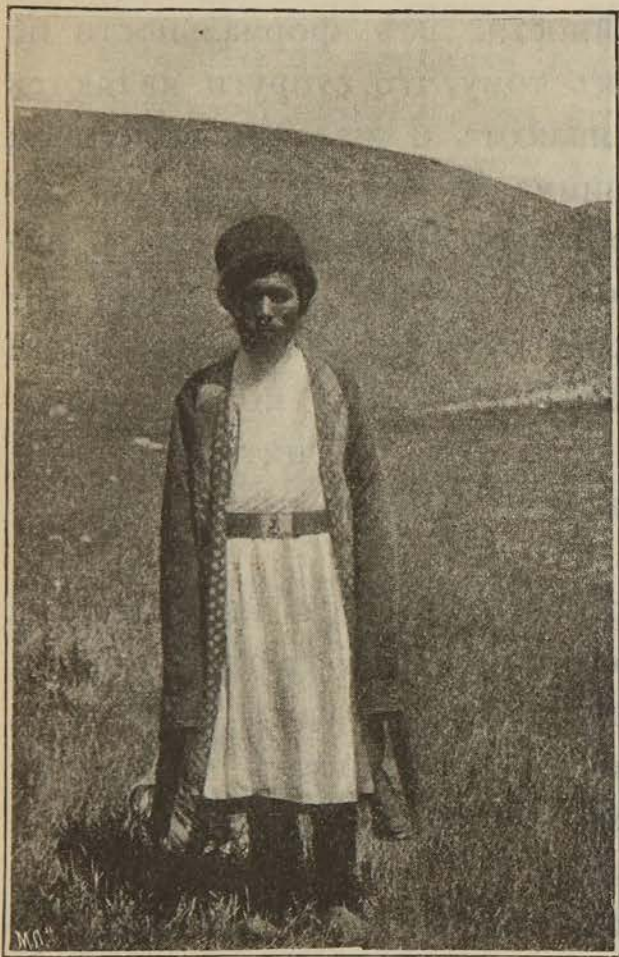

Рис. 23. Нашъ поваръ Мурза.

Не таковъ Алимъ-бай *), нашъ караванъ-баши и переводчикъ. Это высокій, тошій и смуглый человѣкъ, съ клинообразной бородкой и безпокойными, никогда не улыбающимися глазами; еще недавно онъ былъ очень зажиточнымъ человѣкомъ; братъ его поставлялъ мясо въ Ошъ и Андижанъ, а самъ онъ держалъ въ Андижанѣ лошадей и экипажи, при чемъ имѣлъ коляски рублей по 500. Разорился онъ на подрядѣ по доставкѣ телеграфныхъ столбовъ, которыхъ не

могъ доставить къ сроку, благодаря ливнямъ, размывшимъ дороги на десятки верстъ. Пришлось уплатить неустойку, по его словамъ, тысячъ въ 20 (?), что и подорвало въ конецъ его благосостояніе. Нанять онъ былъ

*) Бай—купецъ; это званіе прибавляется къ имени людей очень почтенныхъ.

въ нашу экспедицію собственно какъ переводчикъ, но познанія его по русскому языку такъ своеобразны, что приходится иной разъ призывать на помощь всю свою сообразительность для того, чтобы понять, о чемъ онъ толкуетъ; поэтому онъ былъ приставленъ къ каравану, гдѣ оказался гораздо полезнѣе.

Кромѣ этихъ обязательныхъ для него занятій, онъ добровольно принялъ на себя роль муллы. Набоженъ онъ до ханжества: никогда не пропуская времени ежедневнаго «намаза» *), онъ, отойдя въ сторонку, разстилаетъ коврикъ, или собственный халатъ и, обратясь лицомъ къ востоку, становится на молитву. Долго кладетъ онъ установленные поклоны, и звонко разносится въ вечернемъ воздухѣ его молитвенный призывъ. Въ точности

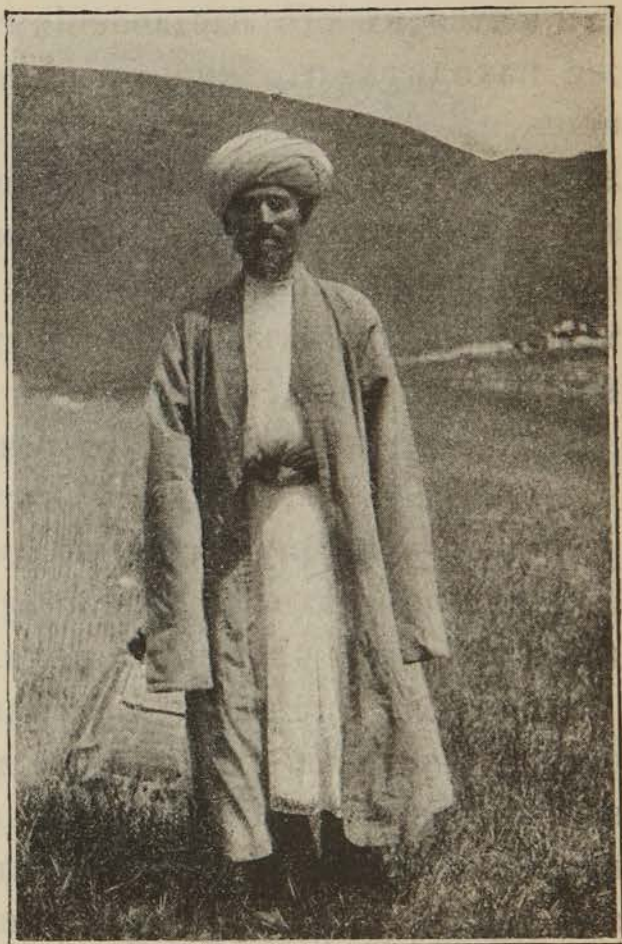

Рис. 24. Караванъ баши Алимъ-Бай.

соблюдаетъ онъ всѣ посты; никогда, не только не ѣстъ, какъ остальные кушанья, оставшагося послѣ насъ въ нашемъ котлѣ, будь то даже самый жирный «палау», но и не притрогивается къ кушанью, приготовленному въ

*) Молитва и установленныя омовенія.

нашей посудѣ: мы для него невѣрные, нечистые, и онъ съ презрѣніемъ отворачивается отъ остальной прислуги, не столь брезгливой: «все ѣдятъ», говоритъ онъ съ невыразимою гадливостью. Нерѣдко журить онъ своихъ за то, что они мало молятся, курятъ и ѣдятъ не въ установленное время, не боятся оскверниться, но тѣ относятся къ его наставленіямъ скептически. Мурза даже находить, что «не тогда только молитва, когда станешь на дорогу, да кричишь, какъ ишакъ» *). Все это, впрочемъ, не мѣшаетъ почтенному Алимъ-баю быть великимъ плутомъ. Какъ истый мусульманинъ, расположенія къ намъ онъ, конечно, не питаетъ, но онъ почтителенъ, заботливъ и исполняетъ свои обязанности довольно исправно.

Сегодня, по предписанію генерала Іонова, командиръ крѣпости Д—въ снабдилъ насъ двумя казаками, которые будутъ преимущественно состоять при особахъ Н. П. и моей, помогать по хозяйству, а въ случаѣ военныхъ дѣйствій—отражать непріятеля.

Здѣсь же приходится смѣнить нашихъ верблюдовъ, оказавшихся слабосильными. Одинъ изъ нихъ на послѣднемъ переходѣ къ Гульчѣ легъ; а когда верблюдъ ложится, необходимо исполнить его требованія, иначе онъ встать не согласится: пришлось снять съ него часть груза. Верблюды у насъ, такъ же какъ и лошади, наняты на все путешествіе съ условіемъ замѣны въ случаѣ негодности, и старшина эти дни занятъ пріисканіемъ для насъ болѣе подходящихъ животныхъ; Алимъ-бай въ хлопотахъ по тому же поводу, такъ какъ сегодня было бы желательно покинуть Гульчу. Утромъ, потерявъ надежду дожидаться мужа, который опять уѣхалъ на горы съ инструментами, онъ изловилъ меня, чтобы наконецъ по-

*) Осель.

кончить съ вопросомъ о верблюдахъ. Жестикулируя и волнуясь, онъ сообщилъ мнѣ, что «старшина утромъ принесъ два верблюда и поставилъ на юртъ, но какъ баринъ не былъ, завернулъ и унесъ назадъ» (буквально). «Вотъ такъ, думаю себѣ, молодчина, только цѣла ли послѣ этого наша юрта?» Цѣла, да и ничто ей не угрожало; нашъ переводчикъ хотѣлъ только сказать, что старшина приво-дилъ къ нашей юртѣ верблюдовъ но увелъ ихъ обратно, такъ какъ не засталъ мужа. Верблюдамъ здѣсь имѣютъ варварское обыкновеніе просо-вывать въ обѣ ноз-дри короткую толстую палку, съ развилиной съ одной стороны и веревкой съ другой. За послѣднюю ведутъ животное и дергаютъ, чтобы поднять его съ колѣнъ; палка торчитъ всегда однимъ концомъ ниже другого, раздраетъ рану до крови и стѣсняетъ дыханіе, ко-торое вырывается со свистомъ изъ стиснутаго рта жи-вотнаго, — «такой у сартовъ законъ», говорятъ. Эмиръ бухарскій запретилъ въ своихъ владѣніяхъ протыкать ноздри верблюдамъ и для управленія ими тамъ доволь-ствуются уздой.

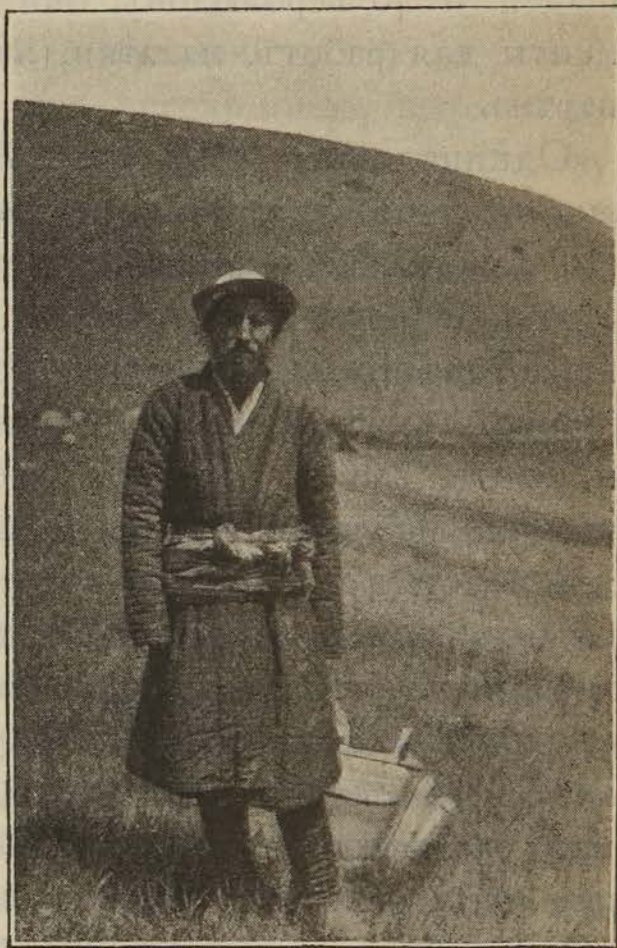

Рис. 25. Конюхъ Ташметъ.

Вчера насъ догналъ и обогналъ полковникъ М—скій, отправляющійся строить почтовые станціи на Памирахъ, по направленію къ Памирскому посту. У него громаднѣйшій караванъ, состоящій изъ 200 рабочихъ, 60 вьючныхъ лошадей и 40 верблюдовъ; они везутъ съ собою инструменты для работъ, палатки, провизію и фуражъ на всю партію.

Одиннадцать часовъ утра. Жарко; но съ горъ показываются облачка, обычные предвѣстники обычной порціи дождя. Всѣ разбрелись, дома осталось только трое: Мурза, проявляющій сегодня необычайное усердіе въ приготовленіи обѣда (вѣроятно вслѣдствіе разноса, учиненнаго ему мужемъ за излишнюю самостоятельность), я, чтобы заняться своимъ дневникомъ и метеорологическими наблюденіями, да Андрей. Что съ этимъ Андреемъ случилось и отчего онъ принялъ такой тоскующій обликъ, да и зачѣмъ вообще поѣхалъ съ нами, не могу понять: согласился мужъ на его просьбу принять его въ составъ экспедиціи потому, что онъ производилъ впечатлѣніе очень энергичнаго, находчиваго и расторопнаго человѣка, который обѣщалъ быть незамѣнимымъ при инструментахъ, при укладкѣ вещей, сборѣ коллекцій—вообще человѣкомъ на всѣ руки. Прошрое его отличается разнообразіемъ: учился онъ въ гимназій и дошелъ до четвертаго класса, кое-что читалъ и знакомъ съ литературою, былъ акробатомъ въ циркѣ и «работалъ на трапеціи», отбывалъ воинскую повинность въ артиллеріи, служилъ въ пограничной стражѣ на Афганской границѣ, шлифовалъ камни и мраморъ, прогорѣлъ на зеркальной мастерской и наконецъ служилъ десятникомъ на желѣзной дорогѣ, откуда напросился ѣхать съ нами на полномъ, конечно, нашемъ содержаніи и вознагражденіемъ «по заслугамъ». Первые дни имъ нельзя было

нахвалиться. Потомъ онъ сразу, словно окунулся въ кипятокъ и вышелъ оттуда безнадежно развареннымъ: вся его долговязая фигура развинтилась, ноги волочатся, руки не слушаются; двигается онъ съ удручающею медленностью и рѣшительно ничего не дѣлаетъ, сообразивъ, что бросить его здѣсь нельзя, куда-нибудь да доташать. Вотъ и теперь слоняется онъ передо мною, шаркая ногами и безцѣльно передвигаясь отъ палатки къ дереву, отъ дерева къ кабаньимъ шкурамъ, отданнымъ на его попеченіе; потыкаетъ ихъ сапогомъ, почешетъ въ затылкѣ и бредетъ обратно въ палатку, гдѣ растягивается на спинѣ, чтобы черезъ 10 минутъ продѣлать опять все сначала. Тоскуетъ о чемъ-то нашъ долговязый Андрей.

3 іюля. Сверхъ ожиданія, вчера удалось выбраться изъ Гульчи около 5 час. дня, съ тѣмъ, чтобы къ ночи быть въ Кизилъ-Курганѣ. Выѣхали послѣ грозы съ ливнемъ и градомъ, утѣшая себя надеждою, что позже прояснится. На время солнце дѣйствительно проглянуло и мы любовались съ одной стороны Гульчею, оставшеюся позади въ ущельѣ, а съ другой—вновь открывающимися красотою; ущелье значительно сѣзилось и по дну его вьется рѣка съ очень быстрымъ теченіемъ.

Отѣхавъ верстъ 10, мы вдругъ увидали по ту сторону рѣки, на крутомъ берегу стадо кабановъ, очевидно пришедшихъ на водопой; они спокойно, шагомъ шли въ гору и скрылись въ одномъ изъ возвышенныхъ боковыхъ ущелій, поросшихъ лѣсомъ. Въ первую минуту, ни Н. П., увидавшая стадо, ни я, не сообразили ясно, какія это животныя; первую мысль было, что это домашнія свиньи: очень ужъ странно было намъ допустить, чтобы передъ нами находились не чучела, а настоящіе живые кабаны, притомъ не въ зоологическомъ саду, а на волѣ.

Мы отстали отъ мужа, а шумъ рѣки былъ такъ силенъ, что нашихъ криковъ ему не было слышно, и когда мы наконецъ догнали его и обратили его вниманіе на противуположный берегъ, стадо подошло къ ущелью и вскорѣ скрылось въ немъ. Первымъ стремленіемъ его было преслѣдовать, догнать, стрѣлять; но ничего этого сдѣлать было нельзя, такъ какъ переправиться верхомъ черезъ довольно широкую и бурную горную рѣку въ данномъ мѣстѣ было невозможно; къ тому же и темнѣло. Скрѣпя сердце, отправились дальше.

Тѣмъ временемъ насъ уже давно поливалъ дождь, то ослабѣвавшій, то усиливавшійся, и мнѣ пришлось очень пожалѣть о томъ, что я не запаслась въ Москвѣ вѣксатиновымъ плащомъ, такъ какъ мой жиденькій дождевикъ представлялъ весьма слабую защиту. Прикрывъ лапами его свои куржумы, я предоставила на жертву дождю свои колѣни, которыя скоро и промокли насквозь; къ тому же вода съ дождевика стекала по сапогамъ въ калоши и ноги слѣдовательно также промокли. Трудно, не зная условій, сообразить, какой костюмъ наиболѣе пригоденъ для данной мѣстности; такъ, вскорѣ же выяснились существенные недостатки нашей обуви: тонкіе кавказскіе сапоги, которые мы до сихъ поръ носили, здѣсь никуда не годны: отъ камней и неровности пути они ноги не предохраняютъ, отъ сырости же намокаютъ, какъ губка. Н. П. пополнила этотъ пробѣлъ, купивъ въ Гульчѣ пару лишнихъ сапогъ у солдатика, который пришелъ въ нихъ, а сторговавшись снялъ и тепленькими передалъ ей. Она не нахвалится ими. Я же была менѣе счастлива и раздобыться таковыми не могла.

Поливало насъ упорно, но было тепло и тихо, а потому терпимо. Дорога мѣстами сильно размыта, а мѣстами затоплена нанесенною на нее съ горъ толстымъ слоемъ

вязкой красной глины, изъ которой лошадямъ было очень трудно выбираться; глина здѣсь ярко краснаго цвѣта и стекавшіе послѣ дождя съ горъ ручьи дѣлають впечатлѣніе текущаго сурика. Любопытно, что въ одномъ мѣстѣ съ горъ течеть рѣчка снѣговой воды, голубовато-бѣлаго цвѣта и, впадая въ рѣку Гульчу, долгое время течеть не смѣшивая своей воды съ красною водою главнаго русла, т. ч. рѣка представляется какъ бы раздѣленною на двѣ половины, красную и бѣлую.

Нашъ переходъ былъ не великъ, всего 18 верстъ, но уже совсѣмъ смерклось, когда мы подъѣзжали къ мѣсту ночлега. Около костра стояли три юрты: одна наша и двѣ выставленныя киргизами; обѣ послѣднія намъ также пригодились, такъ какъ въ одной изъ нихъ помѣстилась наша прислуга, а въ другой—сухари, ячмень и запасныя кошмы: въ виду сырости и дождя это было не лишнимъ. Нѣсколько стакановъ горячаго чая и шашлыкъ согрѣли насъ и мы расположились на ночевку.

За этотъ переходъ случилась большая непріятность: поскользнулась и упала лошадь, на которой былъ навьюченъ яхтанъ М. М. съ склянками, пробирками и припасами для коллекцій. До поздней ночи провозился бѣдный М. М. перекладывая насѣкомыхъ въ цѣльныя банки и вынимая осколки; онъ былъ ужасно опечаленъ; впрочемъ, существеннаго урона не произошло. Довольно удобнымъ способомъ укладки въ яхтаны мелкихъ коллекцій въ стеклянной посудѣ оказался слѣдующій: устанавливали банки въ два, приходящіеся другъ надъ другомъ ряда, причемъ верхній ставился на отдѣльную дощечку, которую и можно было вынимать цѣликомъ, чтобы манипулировать съ нижнимъ рядомъ; изъ ваты устраивалось нѣчто въ родѣ гнѣздъ для каждой отдѣльной склянки, съ туго заполненными промежутками и, лишь благодаря такой

системѣ, за все время, несмотря на сотрясенія, а иногда и паденія яхтановъ, было разбито самое незначительное количество склянокъ.

Сегодня раннимъ утромъ, напившись чаю и плотно закусивши «палау», такъ какъ завтрака намъ не предстояло, выступили для перехода въ Суфи-Курганъ, а если возможно и до Акъ-Басаги на Ольгиномъ лугу—

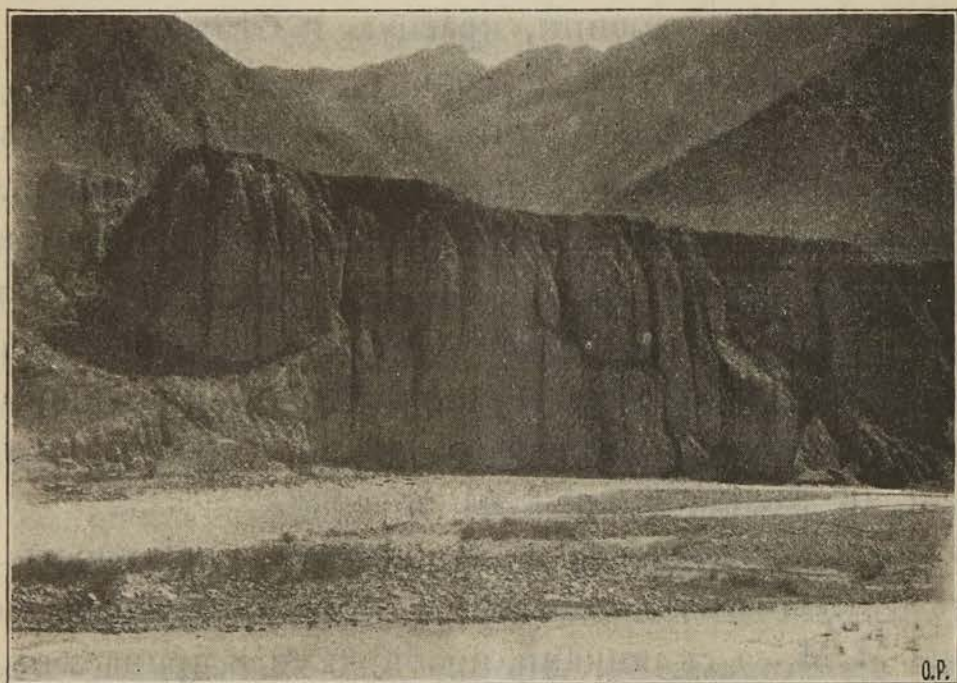

Рис. 26. Лесовая стѣна по дорогѣ въ Суфи-Курганъ.

всего 36 верстѣ. Погода съ утра ясная, не жаркая, ѣхать было отлично. Дорога наша все еще идетъ ущельемъ, дно котораго вмѣстѣ съ рѣкою постепенно повышается, что особенно замѣтно по барометрамъ. Характеръ этого ущелья постоянно мѣняется: горы, то мягкія, съ густою зеленою травой и голубоватыми тонами, то глиняныя, кроваво-красныя, то скалистыя и почти лишенныя растительности, съ залежавшимся въ лощинахъ снѣгомъ. Дорога въ общемъ прекрасно обработана

и была бы годна даже и для колесного пути, если бы можно было избѣжать размывовъ, ежегодно портящихъ дорогу на десятки верстъ.

Сегодня я рѣшилась попробовать надѣть вмѣсто своихъ, запасные охотничьи сапоги мужа; на толстыхъ войлочныхъ чулкахъ они на ногѣ кое-какъ держатся. Правда, они велики и тяжелы, но въ сѣдлѣ это неважно, зато въ нихъ я гарантирована отъ холода и сырости, а сегодня это было особенно кстати, такъ какъ, благодаря размыву пути, намъ пять разъ пришлось переправляться черезъ рѣку.

И какъ, въ самомъ дѣлѣ, относительноны наши понятія о возможномъ и невозможномъ, объ удобствахъ, даже о минимумѣ того комфорта, на который можетъ добровольно согласиться человѣкъ: если бы мнѣ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ показали ту обстановку, въ которой мы находимся въ настоящую минуту, я вѣроятно бы струсилa; если бы я увидала хотя только мою будущую постель, я вѣроятно не допустила бы для себя мысли о возможности заснуть на ней. Теперь же, поѣвъ «палау» изъ общаго котла и запивъ его чаемъ, усердно прокипяченнымъ на кострѣ, я укладываюсь на сложенную кошму, подъ голову кладу куржумъ съ ячменемъ и свою думку, закутываясь не раздѣваясь въ чуйку и сплю, какъ не всегда спала на удобной пружинной кровати. Происходитъ это, вѣроятно, въ большой степени оттого, что готовилась я къ гораздо худшему; сознание, что тѣ существенныя удобства, которыя мы имѣемъ въ видѣ всюду выставляемыхъ юртъ, барановъ, молока, полной безопасности, что все это исключительно благопріятныя условія для путешествія и выпадаютъ они не на долю каждаго, — заставляетъ меня цѣнить ихъ; да и приходится наконецъ сказать себѣ,

что привередничать здѣсь совершенно нелѣпо, такъ какъ, кромѣ того, что есть, ничего другого не будетъ, сколько бы объ этомъ ни сокрушаться. Приспособившись же, видишь, что право эти войлока вмѣсто постелей, кипяченый чай, да и вообще эта бродячая жизнь вовсе не плохи, когда приходится имѣть съ ними дѣло.

Наша мужская компанія, къ несчастію, кажется совсѣмъ перестала умываться и жалѣть лишь о томъ, что возить съ собою лишній грузъ въ видѣ мыла и полотенца. Сами они склонны объяснять это обстоятельство тѣмъ, что не могутъ, «какъ дамы», позволить себѣ роскоши отдѣльной уборной.

Дрогли мы эту ночь ужасно. Юрта наша недурна, но при сильномъ вѣтрѣ ее все же продуваетъ; хотя я подъ утро и вытащила свое запасное теплое одѣяло, но согрѣться не могла. Хуже всего была сырость: долго шедшій съ вечера дождь подтекъ подъ наши кошмы и сырость эта пронизывала до костей.

По живописности сегодняшній переходъ былъ, пожалуй, еще лучше прежнихъ. Никогда не приходилось мнѣ до сихъ поръ видѣть такихъ [сочетаній] красокъ: горы, состоящія изъ глинь самыхъ яркихъ цвѣтовъ, обнажены осыпями и размывами почти по вертикальному разрѣзу; сверху онѣ покрыты нѣжною густою зеленью. Особенно запомнилась мнѣ одна, какъ бы состоящая изъ двухъ отдѣльных частей: нижней, въ видѣ громадной отвѣсной стѣны кирпичнаго цвѣта и верхней, красно-фіолетовой, вѣнчающей первую гигантскими зубцами. Другая гора, нѣсколько далѣе, вся состоитъ изъ вертикальныхъ, правильно чередующихся слоевъ темнаго фіолетово-краснаго цвѣта, переходящаго въ нѣжный *vieux-rose*, перемежку со слоями свѣтлаго, будто поли-

нявшего зеленого цвѣта. Эти горы отвѣсною стѣной окаймляютъ съ обѣихъ сторонъ русло рѣки, по берегу которой вьется наша дорога. Приходилось мнѣ и ранѣе видѣть горы величественныя, большой красоты, но ничего столь поражающаго необычайностью красокъ я не видала, ни на картинахъ, ни въ дѣйствительности.

Дорога размыта на много верстъ, почему надо было спуститься къ руслу рѣки и ѣхать по сыпучей галькѣ.

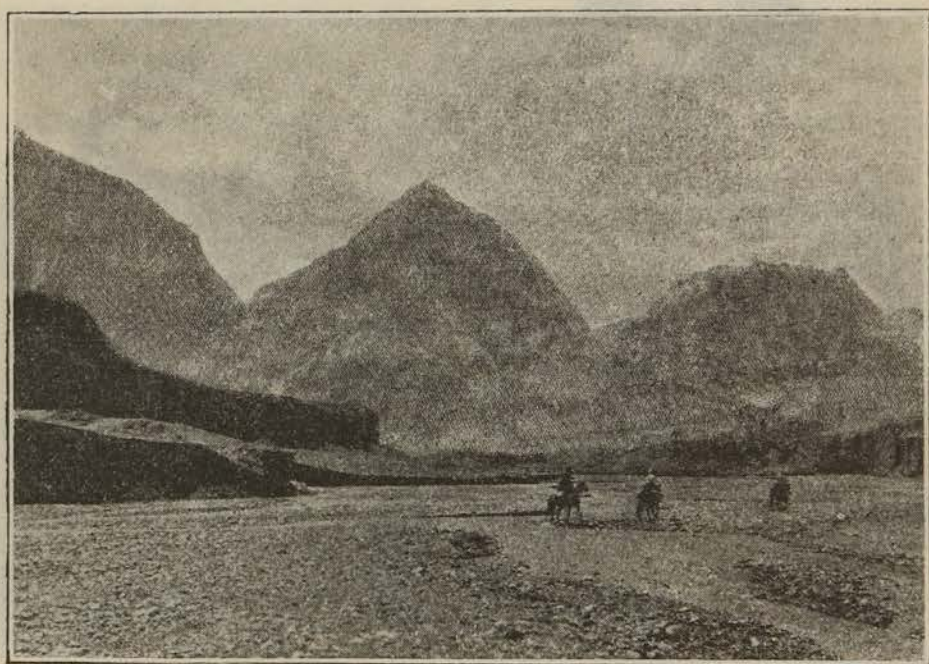

Рис. 27. Урочище Учъ-Тюпе.

Тѣмъ временемъ мнѣ пришлось убѣдиться, что холодъ и сырость послѣдней ночи не прошли мнѣ даромъ и, уже подѣзжая къ маленькому перевалу Кизылъ-Белесъ, я чувствовала себя очень скверно. Страхъ передъ серьезною болѣзнью, которая при настоящихъ условіяхъ являлась бы большимъ затрудненіемъ, рисовалъ мнѣ мрачныя картины и я торопилась добраться до Акъ-Басаги, чтобы принять соотвѣтствующія мѣры и отлежаться.

Послѣднія 5 верстъ мы ѣхали по Ольгину лугу; ущелье

раздвинулось и образовало длинную овальную поляну съ прекрасною травой.

Въ Акъ-Басагъ (Бѣлый порогъ) насъ привѣтствовалъ новый, алайскій старшина, во владѣнія котораго мы отнынѣ вступали. Очень они величественны, эти старшины: въ дорогомъ, обыкновенно темно-синемъ суконномъ халатѣ, съ широчайшимъ металлическимъ поясомъ, украшеннымъ серебряными бляхами, въ бѣлой чалмѣ и

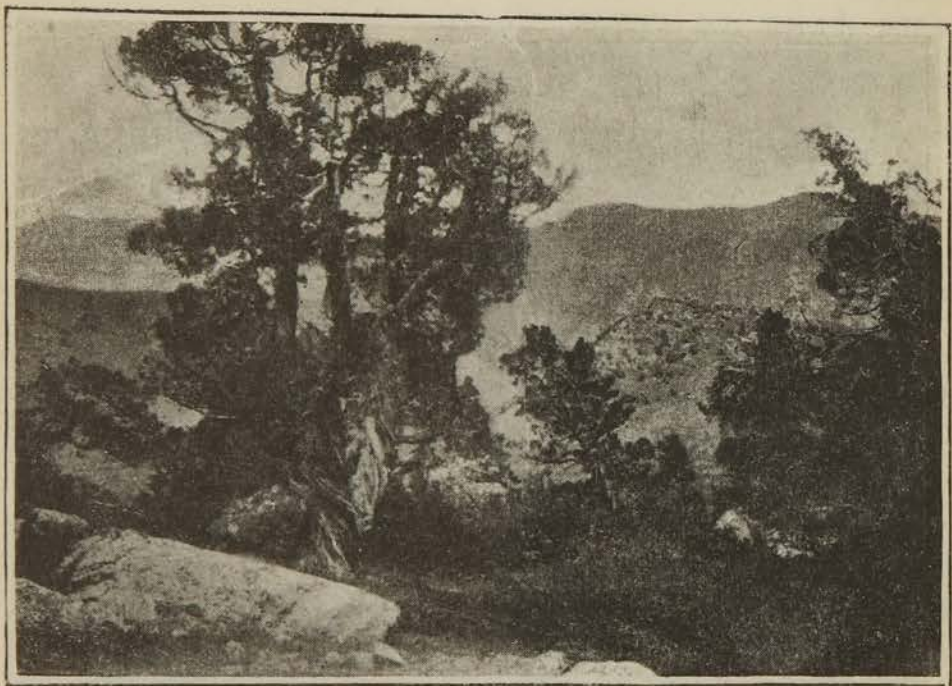

Рис. 28. Арча.

почему-то всегда въ синихъ очкахъ, они импонируютъ важностью своей осанки. Въ горахъ болѣзни глазъ дѣйствительно встрѣчаются нерѣдко: общій всему окружающему свѣтлый, сѣровато-желтый тонъ, благодаря чистотѣ и разрѣженности воздуха съ большою яркостью отражаетъ солнечный свѣтъ; но сдается мнѣ все-таки, что синія очки у волостныхъ старшинъ преимущественно надѣваются для вящаго парада, такъ какъ у простыхъ смертныхъ, даже и зажиточныхъ, мы ихъ не видали.

На мѣстѣ мы застали большое общество: кромѣ юртъ, выставленныхъ для насъ, и нашей собственной, выстроился еще цѣлый рядъ палатокъ нашей охотничьей команды; тутъ же расположился лагерь полковника М—го съ частью его обоза, его саперы и солдаты съ офицерами, помогавшими въ работахъ; случайно здѣсь же остановился на дневку отрядъ казаковъ съ офицеромъ, идущихъ на афганскую границу. Всѣ случайно встрѣтились здѣсь, и оживленіе въ лагерьѣ было полное. Настала холодная ночь, передъ разсвѣтомъ полилъ дождь, не прекращавшійся до поздняго утра; когда мы встали, верхушки всѣхъ окрестныхъ горъ были занесены снѣгомъ и на яркой зелени травы онъ былъ красивъ и не обыченъ.

На сегодня была назначена охота на илликовъ *), для чего спозаранку стали собираться киргизы, испытанные охотники, ѣзжавшіе еще съ ген. Іоновымъ и знавшіе мѣста въ совершенствѣ. Двое изъ нихъ пріѣхали на якахъ **), которыхъ здѣсь называютъ кутасами. Надо признаться, что большой мужчина въ лохматой шапкѣ, съ ружьемъ за плечами и торжественно отправляющійся въ походъ на коровѣ, производитъ довольно забавное впечатлѣніе. Однако якъ въ горахъ поистинѣ неощутимъ, такъ какъ несетъ на себѣ самыя разнообразныя обязанности: въ качествѣ вьючнаго животного онъ съ терпѣніемъ и удивительною выносливостью, поднимаетъ значительныя тяжести; онъ же замѣняетъ верховую лошадь, при чемъ въ горахъ карабкается по скаламъ, какъ кошка, несмотря на свою массивную внѣшность; особенно цѣнны яки на ледникахъ и въ глубокихъ снѣ-

*) Дикая коза (*Cervus capriola*).

**) *Bos gruniens*.

гахъ, по которымъ двигаются свободно, очень мало проваливаясь; якъ также и единственная здѣсь молочная скотина. Словомъ въ горахъ, на большихъ высотахъ, якъ замѣняетъ и верблюда, и лошадь, и корову и зажиточные хозяева водятъ ихъ большими стадами. Молоко ихъ нѣсколько гуще коровьяго и очень сквернаго вкуса — я, по крайней мѣрѣ, до конца не могла помириться съ нимъ и сдѣлать подъ рядъ болѣе одного-двухъ глотковъ; въ кушаньѣ или съ чаемъ оно сносно. Управляютъ кутасомъ помощью продѣтаго въ носовую перегородку деревяннаго или желѣзнаго кольца, къ которому привязана веревка. Нравъ у него, вѣроятно, доверчивый и покорный; это я заключаю изъ того, что мнѣ не разъ случалось видѣть кутаса, привязаннаго веревкою, или къ кусту травы, или къ крошечному камню. Видя передъ носомъ вытянутую веревку, онъ повидимому непоколебимо вѣритъ въ то, что привязанъ крѣпко и уже не дѣлаетъ никакихъ попытокъ къ освобожденію. Не думаю, чтобы эту пассивность можно было объяснить опасеніемъ боли, такъ какъ отверстіе для кольца въ носовой перегородкѣ, въ противоположность верблюдамъ, не представляетъ собою раны.

Остальные наши спутники, не поѣхавшіе на охоту, разбрелись по своимъ дѣламъ: докторъ рисовать, М. М. собирать своихъ козявокъ. Дождь почти прекратился, хотя изрѣдка вновь принимался моросить словно сквозь сито; небо хмурое; холодомъ дуло съ горъ — тоскливо и неуютно. «Мѣсяцъ обмывается», замѣтилъ М—кій. Вечеромъ явилась слабая надежда, что къ завтрашнему дню мѣсяцъ окончитъ свой продолжительный и скучный туалетъ, такъ какъ тучи поднялись и поползли по лугу къ ущелью. Значительная высота (около 9000 футовъ) уже даетъ себя чувствовать: появилась одышка,

быстрая усталость при ходьбѣ, легкое кровотеченіе носомъ. Несмотря на сырость, воздухъ имѣетъ свойство страшно сушить кожу: лицо начинаетъ лупиться, руки, помимо бронзоваго цвѣта, который онѣ у насъ пріобрѣли, какъ-то съежились, ладони и концы пальцевъ стали шершавыми. М—скій увѣряетъ, что все это игрушки въ сравненіи съ тѣмъ, что предстоитъ за Алаемъ, и что особенно пострадаютъ тамъ носъ и губы. Сегодняшняя охота дала одного иллика, убитаго М—мъ.

6 іюля. Охотники опять отправились въ горы. Утро было великолѣпное, но съ полудня подуло снова холо-

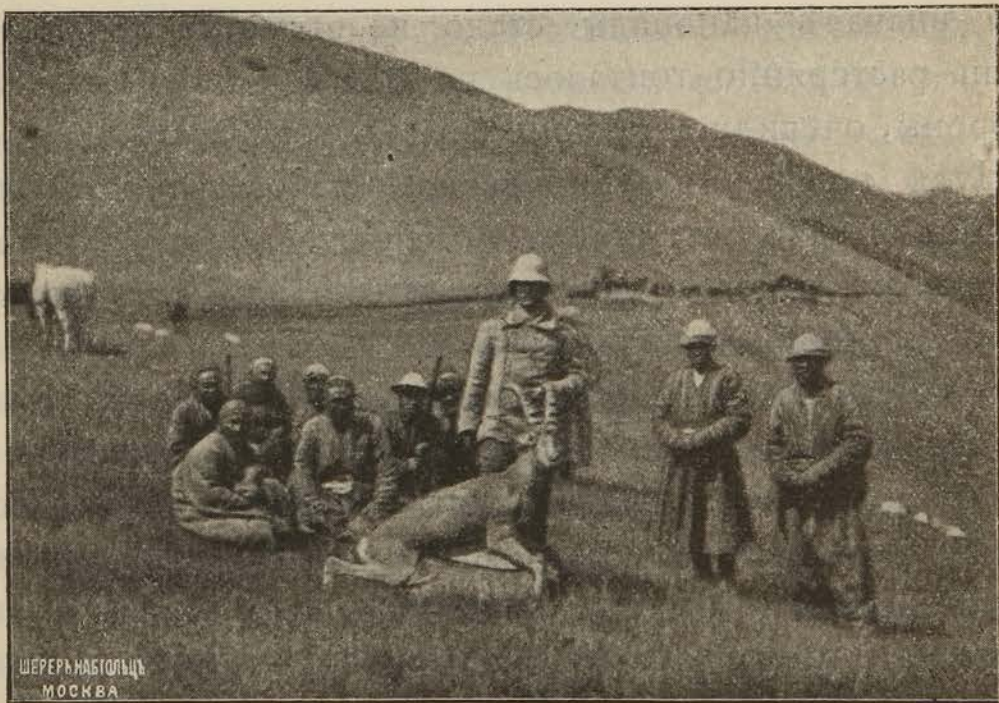

Рис. 29. Охотники съ убитымъ кіикомъ.

домъ, загремѣлъ громъ и полилъ сильнѣйшій дождь съ градомъ; теперь моросить, словно у насъ въ Россіи въ глубокую осень. Цвѣтутъ незабудки голубыя, розовыя, бѣлыя.

Сейчасъ вернулся мужъ мокрый, голодный, но гордый, какъ здѣшній волостной: онъ убилъ кѣйка-козла *) лѣтъ пяти, съ прекрасными рогами. Онъ говоритъ, что такъ волновался, стрѣляя въ стадо, что дрожавшія руки не могли справиться съ ружьемъ и только восьмымъ выстрѣломъ экспресною пулею свалилъ козла, который и упалъ на мѣстѣ, словно пораженный громомъ. Охотники увидали стадо давно, когда еще взбирались на гору, но стрѣлять было неудобно; поднявшись же наверхъ, они потеряли было его изъ виду, но киргизъ вскорѣ замѣтилъ, что кѣйки спустились внизъ и успѣлъ указать на нихъ охотникамъ. М—въ далъ два выстрѣла, но промахнулся, тогда поднялъ пальбу и мужъ. Замѣчательно, что вначалѣ канонады стадо не пыталось скрыться, а лишь растерянно топталось на мѣстѣ и смотрѣло во всѣ стороны, очевидно не понимая, въ чемъ дѣло.

Пуля вошла козлу въ правое плечо, которое и раздробило, такъ что скелетъ испорченъ; не годится и шкура для чучела, такъ какъ убитое животное тащили волокомъ по камнямъ внизъ.

Зрѣніе киргиза поразительно, какъ по своей дальности, такъ и по привычкѣ различать предметы на громадныхъ разстояніяхъ: киргизы всегда первые указывали дичь и лишь тогда наши солдаты, обладающіе также привычнымъ, выдающимся зрѣніемъ, замѣчали указанное стадо; остальнымъ же удавалось отличить его отъ окружающей обстановки на болѣе близкомъ разстояніи.

Завтра намъ предстоитъ, повидимому, довольно трудный перевалъ черезъ Талдыкъ, съ крутымъ спускомъ

*) Горный козель (*Capra-Sibirica*). Илликъ держится въ горныхъ можжевельниковыхъ лѣсахъ; кѣйкъ же—на границѣ снѣга, на обрывистыхъ скалахъ, лишь зимою спускаясь нѣсколько ниже.

въ Алайскую долину. Богъ мой, что случилось съ нами, вначалѣ довольно приличными костюмами. Сверхъ истрепанныхъ черкесокъ приходится отъ холода нацѣплять на себя платье, съ черкесками ничего общаго не имѣющее: такъ, для пребыванія въ юртѣ я надѣваю сверху свою черную драповую кофточку съ модными широкими рукавами; на головѣ красуется преглупая сартская тюбетейка, въ которой приходится и спать; громадные мужнины охотничьи сапоги, порыжѣлые отъ дряхлости и обильно смазанные саломъ, также мало способствуютъ изяществу моего костюма, а когда я на Памирахъ облекусь въ широчайшіе кожаные чембары, въ которые, по примѣру туземцевъ, запрячу полы своей черкески, живописность послѣдняго приспособленія, вѣроятно, затмитъ собою теперешнюю. Холодъ и дикая обстановка рѣшительно парализуютъ даже самыя слабѣяя стремленія къ изяществу.

7 іюля. Кіиковъ бѣгаетъ по горамъ много и охотники рѣшили попытать счастья еще разъ. Мѣсяцъ все еще умывается *). Для киргизовъ наши охоты составляютъ праздникъ, такъ какъ въ вознагражденіе за труды они получаютъ цѣлаго барана, котораго и съѣдаютъ до косточки. Сегодня они получили, кромѣ барана, по 50 коп. на человѣка: они были въ восторгѣ, усиленно кланялись, складывая для «кулдука» **) руки подъ ложечкой и съ сіявшими лицами ушли ѣсть своего барана.

Вечеръ сегодня выдался ясный, но сырой до такой степени, что клубы пара вырываются при дыханіи и мы рѣшили истопить юрту. Съ этою цѣлью мы развели ко-

*) Какъ намъ говорили впослѣдствіи, іюль на Ольгиномъ лугу ознаменовывается ежедневными дождями.

**) Поклонъ, привѣтствіе, благодарность.

стеръ, который такъ отчаянно дымилъ, что не разъ приходилось выбѣгать наружу, чтобы вздохнуть свѣжимъ воздухомъ; когда же онъ разгорѣлся и пересталъ чадить, мы согрѣлись и при свѣтѣ его принялись за чаепитіе. Прислуга наша расположилась у своего костра и вскорѣ слышалась пѣсня: пѣлъ Ташметъ съ однимъ изъ керекешей *). Нашему непривычному уху напѣвъ этотъ казался вначалѣ совершенно непонятнымъ, но мало-по-малу выяснялся мотивъ унылый и своеобразно красивый, оканчивающійся монотонно повторяющеюся нотою. Это было нѣчто въ родѣ вокальнаго состязанія, такъ какъ каждый изъ участниковъ по очереди пѣлъ свой куплетъ, при чемъ вводилъ въ него нѣкоторые варианты, не повторявшіеся другими. И какъ она шла ко всей обстановкѣ, эта чуждая намъ пѣсня: ея послѣдняя звенящая нота дрожала въ воздухѣ и хватала за душу, сливаясь съ ревомъ верблюдовъ, скрипучимъ, рыдающимъ крикомъ ословъ и молитвеннымъ призывомъ Алимъ-бая, совершавшаго свой вечерній намазъ. Темный звѣздный вечеръ, дымящійся костеръ и вокругъ него смуглыя серьезные лица нашихъ сартовъ, на минуту быть можетъ загрустившихъ по родной саклѣ. Съ конца лагеря доносится лихая солдатская пѣсня, изрѣдка прерываемая взрывами раскатистаго, здороваго смѣха: то наша охотничья команда развлекается въ часы досуга.

Минимумъ за эту ночь показалъ $+0.7^{\circ}$ С.

*) Погонщикъ каравана.

VI.

Переваль Талдыкъ.—Алайская долина съ Хатынь-Артъ.—Сары-Ташъ.—Киргизскія развлеченія: улакъ и байга.—Баръ-Даба.—Переваль Кизиль-Артъ.—Памирскія картины.—Оз. Кара-Куль.—Свойства воздуха и признаки горной болѣзни.—Именинное пиршество.

8 іюля. Верстахъ въ 7 отъ Акъ-Басаги начинается переваль Талдыкъ (11.600 футъ). Подъемъ къ нему не особенно великъ, такъ какъ Ольгинъ лугъ уже самъ по себѣ находится на значительной высотѣ; къ тому же, подъемъ этотъ разработанъ и достигаетъ вершины перевала, сдѣлавъ около 40 зигзаговъ. Надписи на обелискѣ гласятъ о томъ, что дорога устроена во время управленія краемъ Бар. Вревскимъ и въ бытность губернаторомъ Ферганской области генер. Королькова; названы также имена работавшихъ инженеровъ. Сдѣлавъ наблюденія съ барометрами, отправились далѣе.

Видъ съ Талдыка не обширенъ: передъ нами ущелье и въ безпорядкѣ разбросанныя Алайскія горы. Погода была отличная, не жарко, не холодно—какъ разъ въ мѣру; спустились къ ущелью, по дну котораго течетъ р. Талдыкъ, узкая, съ поросшими травою берегами. Переваль Талдыкъ представляетъ собою водораздѣлъ между бассейнами Сыръ-Дарьи и Аму-Дарьи, такъ какъ съ него текутъ двѣ рѣки, обѣ носящія названіе Талдыкъ. Одна изъ нихъ имѣетъ три названія: въ низовьѣ—Куршабъ, въ среднемъ теченіи—Гульчинка и въ вер-

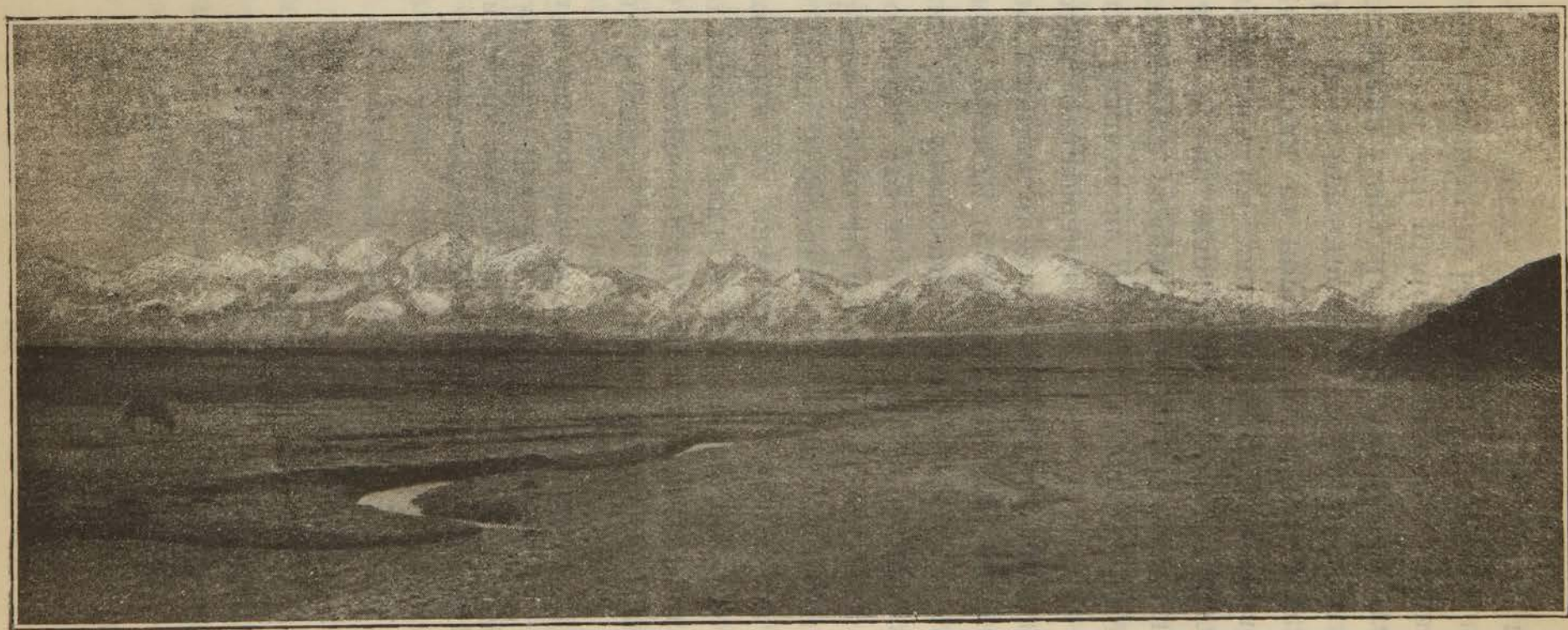

Рис. 30. Видъ на Заалайскій хребетъ съ Алайской долины.

ховѣ — Талдыкъ. Куршабъ впадаетъ въ Кара-Дарью, которая, сливаясь съ Нарыномъ, образуетъ Сыръ-Дарью. Другая р. Талдыкъ направляется къ Алайской долині и впадаетъ въ Кизилъ-Су, которая въ нижнемъ теченіи называется Вақшемъ и составляетъ притокъ Аму-Дарьи.

По мѣрѣ нашего спуска все чаще раздавался свистъ сурковъ, которыхъ на самомъ перевалѣ меньше. То и дѣло видѣлась смѣшная фигурка звѣрка, поднявшагося на заднія лапки, разложившаго переднія на брюшкѣ и съ любопытствомъ насъ разглядывавшаго. Здѣсь они не пугливы и довольно близко подпускаютъ къ себѣ. Около норы располагаются часто цѣлыми семьями: маленькіе темнѣе окрашены, почти бурые и очень похожи на крысъ; взрослые — рыже-желтые.

Воздухъ все хуже дѣйствуетъ на кожу: губы пересыхаютъ и начинаютъ трескаться, такъ что приходится все время смазывать ихъ губною помадою, которою также какъ и масломъ какао, докторъ предусмотрительно запасся. Лица дѣлаются бронзовыми.

Н. И. Корольковъ совѣтовалъ намъ, подѣзжая къ Алайской долині, сдѣлать небольшой заѣздъ на гору Хатынь-Артъ, чтобы полюбоваться на открывающуюся оттуда картину. Мы такъ и сдѣлали.

Для этого намъ пришлось взбираться на гору, которая снизу не казалась особенно высокою, но подъемъ на которую былъ крутой и трудный; лошадямъ было тѣмъ болѣе тяжело, что разрѣженный воздухъ сильно затруднялъ дыханіе. Взобрались мы, однако, на самый верхъ и передъ глазами нашими развернулась вся Алайская долина съ Заалайскимъ хребтомъ. Послѣдній поражаетъ тѣмъ, что представляетъ собою не, отдѣльныя снѣжныя вершины, какъ доводилось видѣть до сихъ поръ, но непрерывную цѣпь горъ, примѣрно одинаковой

вышины, видную отсюда болѣе, чѣмъ на сотню верстъ и сплошь покрытую глубокимъ, вѣчнымъ снѣгомъ. Пикъ Кауфмана долженъ быть видѣнъ отсюда (23.000 футъ), но, несмотря на солнечный день, на горахъ облаковъ было много, и пикъ былъ закрытъ совсѣмъ.

Все передъ нами видно точно на планѣ. Пусто кругомъ, ни звука, ни движенія—все мертво; только мы, да небо, да горы, застывшія въ своемъ величїи. Но нѣтъ, пристально вглядываясь въ сильный бинокль, видишь кое-гдѣ въ долинѣ крошечные бугорочки, около которыхъ копошатся и двигаются едва замѣтныя точки. Да неужели эти существа, невидимыя невооруженному глазу, называются людьми, тѣми самыми людьми, которые волнуются, страдаютъ, думаютъ? Козявки, которыя ползаютъ тамъ внизу—и страсти, и какая-то духовная жизнь! Неужели одно умѣщается въ другомъ? А вотъ одна изъ нихъ забралась на гору, какъ можно выше и смотреть оттуда на остальныхъ и чувствуетъ, что она невыразимо ничтожна. Нѣтъ, лучше ужъ не смотрѣть людей на такомъ разстоянїи, а спуститься къ нимъ, да подойти поближе, чтобы убѣдиться, что ихъ видно и невооруженнымъ глазомъ.

На обратномъ пути джигитъ артистически свелъ насъ прямо въ сторону долины. Спускъ былъ крутой, тяжело было и сѣдокамъ, и лошадямъ, которыя мѣстами почти садились и скользили по тощей сухой травѣ. Приходилось спускаться зигзагами, къ чему, впрочемъ, животныя настолько привыкли, что на крутыхъ уклонахъ они сами, безъ всякихъ указаній, добросовѣстнѣйшимъ образомъ принимаютъ выдѣлывать необходимые повороты. Когда мы спустились на холмъ передъ самою долиною, къ намъ подѣхалъ и за десятокъ шаговъ сошелъ съ лошади великолѣпнѣйшій изъ волостныхъ: добавленіемъ къ обыч-

ному парадному костюму служила солидныхъ размѣровъ сабля и болтавшіеся на груди значки и медали. Подъ нимъ былъ конь красавецъ. Подойдя къ намъ и сложивъ по обычаю руки на груди для поклона, онъ сѣлъ опять на лошадь и повелъ насъ въ Сары-Ташъ, гдѣ были приготовлены, какъ всегда, юрты, баранъ и кумысъ.

Сары-Ташъ расположенъ у самаго выхода изъ Алайскихъ горъ въ Алайскую долину; тутъ же по ярко зе-

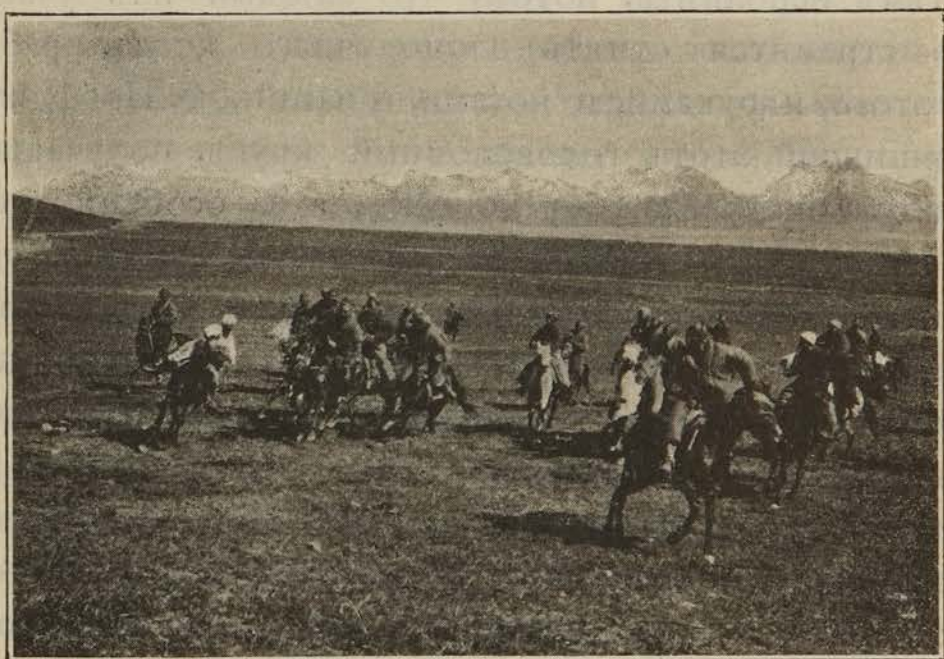

Рис. 31. „Улакъ“.

леному лугу вьется рѣка Талдыкъ. Въ видѣ особаго угощенія волостной старшина подготовилъ для насъ зрѣлище, если и не отличающееся особою культурностью, зато нелишенное своеобразнаго интереса: это игра, носящая названіе «Улакъ» *).

*) Большинство путешественниковъ называютъ ее «байга»; какъ намъ, однако, объяснили, послѣднее названіе носятъ скачки, которыя здѣсь также въ большомъ ходу.

Мы размѣстились на возвышеніи изъ-подъ разрушенной нынѣ крѣпости, окопанной широкимъ рвомъ. Сотни полторы киргизъ на лучшихъ лошадяхъ выстроились въ двѣ шеренги и ждали, пока приведенному и тутъ же зарѣзанному козлу отрубятъ голову. Процессъ игры состоитъ въ томъ, чтобы, схвативъ съ земли козла, описать съ нимъ полный кругъ довольно значительныхъ размѣровъ и бросить его передъ нами. Сказать это легче, чѣмъ исполнить, потому что каждый изъ участниковъ стремится отнять злополучнаго козла, работая для этого, и руками, и ногами, и нагайкою. Побѣдитель, совершившій этотъ головоломный кругъ, получаетъ въ награду монету въ 3—5 копеекъ, а за особенно лихую джигитовку—10—15 коп. Въ игрѣ существуютъ и нѣкоторыя правила: такъ, сходить съ лошади ни въ какомъ случаѣ не разрѣшается и поднимать упавшаго козла надо съ сѣдла; хватать соперника за руки или его лошадь за узду не полагается; бить чужую лошадь или ея сѣдока, по правиламъ игры, также не слѣдуетъ, хотя этотъ пріемъ и практикуется усерднѣйшимъ образомъ; бросившій козла на сажень-на двѣ далѣе назначеннаго мѣста, теряетъ право на выигрышъ.

Брошенный на землю козелъ съ отрубленною головою—сигналъ для начала игры. Обѣ шеренги всадниковъ, неподвижно ждавшихъ до сихъ поръ, сорвались съ мѣста и смѣшались въ кучу, изъ которой побѣдоносно вынесся киргизъ съ козломъ поперекъ сѣдла. Часть остальныхъ отдѣлилась, чтобы перерѣзать обладателю козла дорогу и черезъ минуту опять все смѣшалось, отставшіе врѣзывались въ толпу, немилосердно колотя своихъ и чужихъ лошадей, которыя поднимались на дыбы, лягались и лѣзли другъ на друга. Но вотъ отдѣлился всадникъ съ дорогою добычею на сѣдлѣ и сталъ

описывать кругъ; съ удивительнымъ искусствомъ лавировалъ онъ на своемъ прекрасномъ поджаромъ конѣ между врагами, осаждавшими его со всѣхъ сторонъ и пытавшимися заскакать впередъ, находя лазейки тамъ, гдѣ казалось бы совсѣмъ нельзя пролѣзть, и вновь вырывался впередъ, вцѣпившись въ своего козла. Вотъ онъ уже стремглавъ несется по направленію къ намъ, ему наперерѣзъ скачутъ другіе; намъ захватываетъ дыханіе, мы волнуемся за него, стараясь угадать удастся или не удастся ему благополучно миновать послѣдніе 30—40 сажень. Ближе, ближе, вотъ онъ прорвался сквозь послѣднюю кучку преграждавшихъ ему путь и, подскакавъ къ намъ, красивымъ и сильнымъ движеніемъ бросилъ козла въ ровъ, къ нашимъ ногамъ. Тутъ свалка приняла невѣроятные размѣры. Разгоряченные, обезумѣвшіе лошади и всадники кидались за козломъ въ ровъ, давя другъ друга; слышался хрипъ, вырывавшійся съ дыханіемъ изъ десятковъ грудей, свистъ нагаекъ, хлеставшихъ безъ разбора направо и налево, изступленные лица, налитые кровью глаза... Наконецъ счастливецъ, захватившій козла, выпрыгнулъ изъ рва и помчался впередъ, а за нимъ ринулась и остальная толпа.

Особенно лихою джигитовкою отличался Асланъ-Бекъ, внукъ знаменитой Датхи «Царицы Алая», сидѣвшій на прекрасной пѣгой лошади: для нея, кажется, не существовало, ни препятствій, ни усталости. Я до сихъ поръ не понимаю, изъ чего сдѣланы эти люди и животныя, и какъ такія ристалища обходятся въ большинствѣ случаевъ сравнительно благополучно: очень часто на всемъ скаку лошадь падаетъ вмѣстѣ съ всадникомъ, и черезъ нихъ проносится вся толпа,—казалось бы разбить чело-вѣкъ въдребезги. Ничуть не бывало: всталъ, встряхнулся, однимъ прыжкомъ вскочилъ на лошадь и уже летитъ

вслѣдъ промчавшейся толпѣ. Только одинъ изъ упавшихъ при насъ не сразу очутился въ сѣдлѣ, а согнувшись постоялъ нѣкоторое время на мѣстѣ. Наши казаки не мало дивились на нихъ: «нашему брату ни въ жисть не усидѣть бы», говорили они. Въ «улакѣ» принимаютъ участіе всѣ: и бѣдные, и богатые, безъ различія социальныхъ положеній, съ тою лишь разницею, что бѣдные берутъ получаемую награду себѣ, а богатые отдаютъ ее нищимъ, присутствующимъ здѣсь (также, впрочемъ, верхомъ), но участія въ игрѣ не принимающимъ.

Волостной старшина, несмотря на свое великолѣпіе, оказался лишеннымъ такта, что онъ и доказалъ, принимая неоднократное участіе въ игрѣ: состязаться съ нимъ серьезно не смѣлъ никто изъ подчиненныхъ ему киргизовъ, козла уступали ему добровольно, вступая съ нимъ въ борьбу вяло и лишь для приличія, такъ что каждый разъ, какъ онъ вмѣшивался въ игру, побѣда оставалась за нимъ; раза два онъ даже бралъ съ собою сына, мальчика лѣтъ двѣнадцати, которому участники и позволяли проскакать съ козломъ на сѣдлѣ и торжественно сбросить его передъ нами. Игра, наконецъ, прекратилась; у козла повывраны ноги и весь онъ обращенъ въ безформенную массу, лошади еле дышатъ, бока ихъ изполосованы нагайками, у людей красныя, потныя лица, нерѣдко изукрашенные синяками и ссадинами. Всѣ довольны, разсѣлись отдыхать, да кстати и полюбоваться на «байгу», которая должна была начаться тотчасъ же; участники ея уже отъѣхали по степи за нѣсколько верстъ.

Состязаться должны были 8 человѣкъ и всѣмъ имъ уже заранѣе были назначены призы: пришедшему первымъ — шерстяной халатъ или 3 — 4 рубля деньгами, второму — 4 аршина ситца, третьему — ножъ, остальнымъ

15—30 коп., такъ что обиженныхъ не было совсѣмъ. Зрѣлище, собственно, вышло мало занимательнымъ, такъ какъ хорошіе лошади и наѣзтники въ байгѣ участія не принимали: это развлеченіе досталось на долю мальчиковъ и подростковъ, которымъ хорошіе кони еще въ руки не даются; къ тому же скачка въ настоящемъ случаѣ велась въ гору. Вотъ, наконецъ, въ облакѣ пыли показались скакуны, одинъ изъ которыхъ выдвинулся впередъ и тяжелымъ галопомъ подскакалъ къ намъ; за нимъ, выбиваясь изъ силъ, но еще менѣе успѣшно, подваливали остальные; только вдали еще мелькали отставшіе, два мальчика 10—12 лѣтъ, лошади которыхъ еле трусили рысцою и рѣшительно отказывались, хотя бы на финишѣ измѣнить свой успокоительный аллюръ. Всѣ, такъ или иначе уже подѣхавшіе къ намъ и получившіе свои призы, имѣли видъ побѣдителей и посылали саркастическія замѣчанія по адресу отставшихъ товарищей; лошади послѣднихъ разсудили очевидно, что теперь торопиться уже рѣшительно незачѣмъ, и мальчуганы, изо всѣхъ силъ нахлестывая своихъ кляченокъ, подѣхали къ рву торжественнымъ шагомъ при дружномъ хохотѣ публики. Тѣмъ не менѣе однако, сойдя съ лошадей, и они подошли къ намъ за наградою, которую и получили какъ должное.

Такое обиліе развлеченій за разъ насъ утомило, и мы торопились съ обѣдомъ, чтобы пораньше улечься спать; послѣднее намъ рѣдко удается, такъ какъ возня съ фотографіей, чистка оружія и составленіе записокъ и замѣтокъ, требуютъ немало времени.

9 іюля. Рано утромъ явился волостной, съ которымъ мы произвели расчетъ за забранныхъ барановъ, молоко и пр. Около 8 часовъ мы вышли по направленію къ

Баръ-Дабъ (Бѣлая гора), которая лежитъ по ту сторону Алайской долины, у подножія Заалайскаго хребта. Мы такъ избалованы теперь разнообразіемъ горныхъ дорогъ, что этотъ переходъ намъ показался скучнымъ, а потому и длиннымъ; все время тянется передъ глазами ровная, зеленая долина съ бѣлѣющимъ вдали снѣжнымъ хребетомъ. Раздражало также обманчивое впечатлѣніе о дальности разстоянія: нашему неопытному глазу каза-

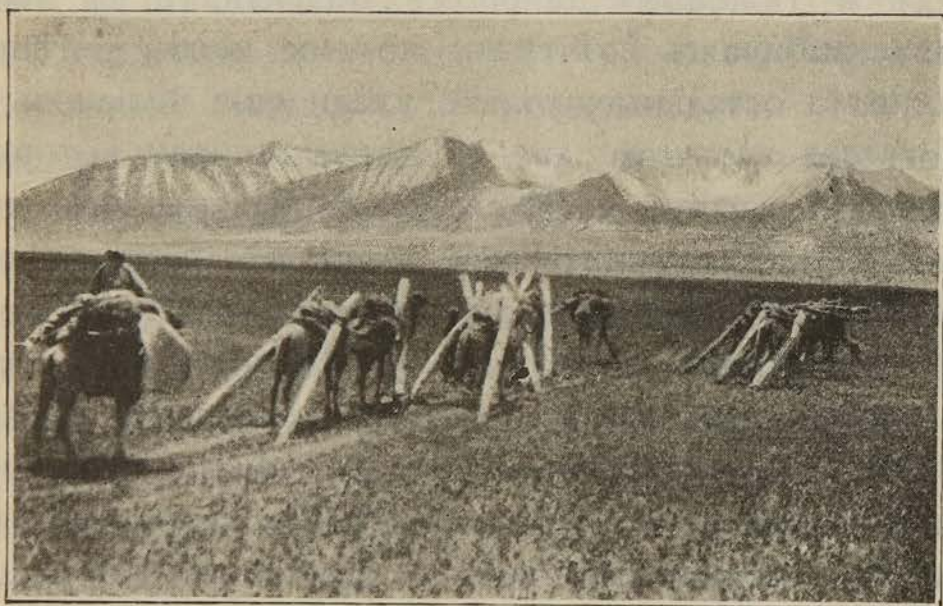

Рис. 32. Перевозка бревенъ на верблюдахъ.

лось, что ширина долины совсѣмъ вздорная, версты 4—5, и что вотъ-вотъ мы будемъ въ Баръ-Дабъ, но время шло, а цѣль нашего перехода была все такъ же далека, какъ и прежде. Къ полудню мы, однако, подъѣзжали къ приготовленнымъ для насъ юртамъ, съ версту проѣхавъ по широкому, состоящему изъ рѣчной гальки руслу р. Баръ-Дабъ. Въ настоящее время рѣка почти пересохла и лишь посерединѣ ея остался быстрый, шумящій ручей; весною же рѣка разливается, и переѣздъ черезъ нее въ стѣсненномъ горами узкомъ проходѣ почти невозможенъ.

Наши юрты были раскинуты вблизи лагеря полковника М—го, производившаго здѣсь свои работы. Изъ ущелья дулъ сильный, холодный вѣтеръ, изрѣдка моросилъ дождь. Надъ самымъ лагеремъ рабочими М—го производится добыча необходимаго для работъ камня и, за неимѣніемъ взрывчатыхъ средствъ, самымъ примитивнымъ способомъ: ломами, кирками и руками рабочіе отдѣляютъ болѣе или менѣе крупныя глыбы камня, которые и спихиваютъ подъ гору. Съ шумомъ, похожимъ на выстрѣлъ, глыбы эти скатываются внизъ, подпрыгивая какъ мячики и иногда разбиваясь на мелкіе куски.

11 іюля. Отсюда думаемъ идти на Кокъ-Су черезъ перевалъ Кизилъ-Артъ (14.000 фут.). Съ нѣкоторымъ страхомъ гадаемъ о впечатлѣніи, которое произведетъ на насъ высота перевала: это нѣчто въ родѣ ожиданія морской болѣзни. Кое-кто изъ насъ труситъ, и докторъ запасается на дорогу нашатырнымъ спиртомъ, коньякомъ и гигроскопическою ватою на случай кровотеченій носомъ. Затрудненнымъ дыханіемъ страдаемъ мы теперь всѣ. Мурза не спалъ всю ночь отъ одышки и головной боли.

Около 5 час. дня, несмотря на яркое солнце и тепло, пошла крупа со снѣгомъ; сыпалась она съ чистаго, синяго неба, по которому плыли лишь маленькія бѣлыя облачка: и это 11 іюля, когда у насъ на Руси Ольги справляютъ свои именины и изнываютъ отъ жары.

Мужъ съ охотниками отправился въ Кокъ-Су сегодня, рассчитывая по пути поохотиться, мы же нагонимъ ихъ завтра.

12 іюля. Вышли сегодня изъ Баръ-Дабы около 8 ч. утра; ночь была теплая: минимумъ показалъ $+1,5^{\circ}$ С.

По мѣрѣ удаленія отъ Баръ-Дабы, растительность становится крайне бѣдною; попадется лишь ревень да терескенъ, который замѣняетъ здѣсь топливо. Терескенъ—низкій кустарникъ, видъ котораго нѣсколько напоминаетъ полынь; корень этого растенія гораздо сильнѣе развитъ, чѣмъ верхнія части его: «терескенъ» по киргизски значитъ—растеніе наоборотъ. Горитъ оно цѣликомъ, съ корнями и зеленью.

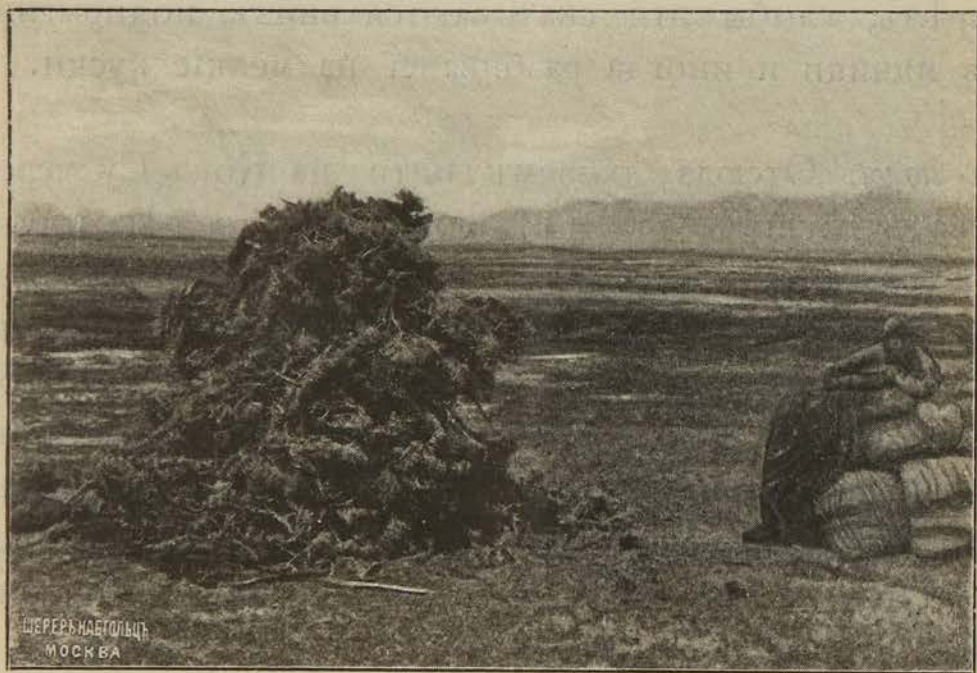

Рис. 33. Куча терескена.

Подъемъ къ перевалу Кизиль-Артъ идетъ пологими зигзагами прекрасно разработанной дороги, которая приводитъ на высшую точку его почти незамѣтнымъ образомъ. Средства, заготовленные противъ бѣдствій, должныствующихъ постигнуть насъ на перевалѣ, къ счастью, никому не понадобились; одинъ Б. торопился ѣхать далѣе, увѣряя, что его тошнитъ. Высочайшая точка перевала обозначена двумя грудами камней, а самое мѣсто

киргизы, очевидно, почитаютъ священнымъ, судя по массѣ наваленныхъ здѣсь череповъ и роговъ архаровъ и кіиковъ, которые являются своего рода жертвоприношеніемъ; къ воткнутымъ въ камни вѣткамъ привѣшены всевозможные лоскутки, тряпочки и конскіе волосы. Тутъ мы остановились, чтобы закусить и записать показанія барометровъ.

Еще задолго до перевала почва покрыта большимъ количествомъ альпійскихъ цвѣтовъ, скромныхъ, малень-

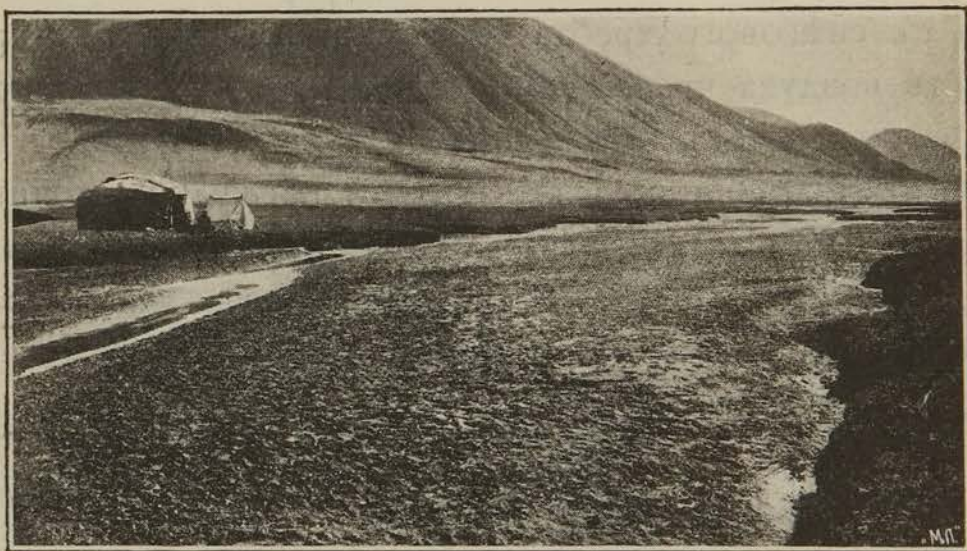

Рис. 34. Стоянка въ Кокъ-Саѣ.

кихъ, но удивительно милыхъ; всѣ они растутъ крошечными кустиками, на которыхъ, словно звѣздочки, мелькаютъ бѣлые, розовые, блѣдно-лиловые цвѣтки. За переваломъ картина рѣзко мѣняется: передъ нами развернулась обширная долина, всю ширину которой отъ края и до края занимало русло рѣки Кокъ-Су (или Кокъ-Сай—зеленый ручей), въ настоящее время почти пересохшее: лишь небольшіе ручейки бороздили его кое-гдѣ. По этому руслу идутъ протоптанныя тропинки.

Горы, окаймляющія эту долину, представляютъ стран-

ную, не лишенную своеобразной красоты, но дикую и пустынную картину: лишь кое-гдѣ небольшими куртинами растетъ рѣдкая, чахлая травка, все остальное пространство голо и пусто. Здѣшнія горы лишены тѣхъ рѣзкихъ, яркихъ, бьющихъ въ глаза красокъ, которыя поражали насъ еще недавно: на всемъ лежали мягкіе, полинялые, сѣровато-желтые тона. Та же мягкость и неопредѣленность видна въ самыхъ очертаніяхъ ихъ куполообразныхъ вершинъ, на которыхъ кое-гдѣ залежавшійся снѣгъ выдѣляется яркимъ пятномъ. Сверху печетъ солнце, сзади съ снѣгового хребта дуетъ рѣзкій ледяной вѣтеръ. Сухость воздуха чрезвычайно велика: пересыхаютъ горло и губы, стягиваетъ кожу лица и рукъ. Топлива нѣтъ совсѣмъ и его пришлось захватить съ послѣдней стоянки.

Около нашихъ юртъ шныряютъ киргизы, привезшіе ихъ для насъ съ Мургаба; внѣшность ихъ, также какъ и костюмъ нѣсколько отличаются отъ видѣнныхъ нами доселѣ.

12 *іюля*. Минимумъ за эту ночь показалъ—12° С. Утромъ все было покрыто инеемъ, рѣку затянуло льдомъ. Часовъ въ 8 двинулись для 30-верстнаго перехода къ сѣверному берегу оз. Кара-Куль. Солнце ярко сіяло, было тепло, хотя временами и дулъ порывистый, холодный вѣтеръ. Рѣчная галька перемѣшивалась здѣсь съ пескомъ и щебнемъ и образовала твердый грунтъ, по которому лошади шли словно по паркету. Въ этой области не имѣющей стока, вѣтеръ, вода и атмосферныя явленія, вѣками и дружно производятъ свою разрушительную работу, стремясь сгладить и разравнять всѣ шероховатости, выступы и углубленія. Попрежнему безжизненъ общій характеръ мѣстности, надъ которою опрокинулся густо-синій сводъ неба, свѣтлѣющій къ

горизонту и почти черный къ зениту; нигдѣ ни облачка. Невольно приходитъ въ голову сравненіе съ преддверіемъ Дантовскаго ада, до того все пусто и безнадежно кругомъ; впечатлѣніе это усиливаютъ въ изобиліи встрѣчающіеся черепа и кости павшихъ лошадей, погибающихъ, вѣроятно, зимою во время бурановъ: насъ окружала характерная картина Памировъ, «Крыши міра».

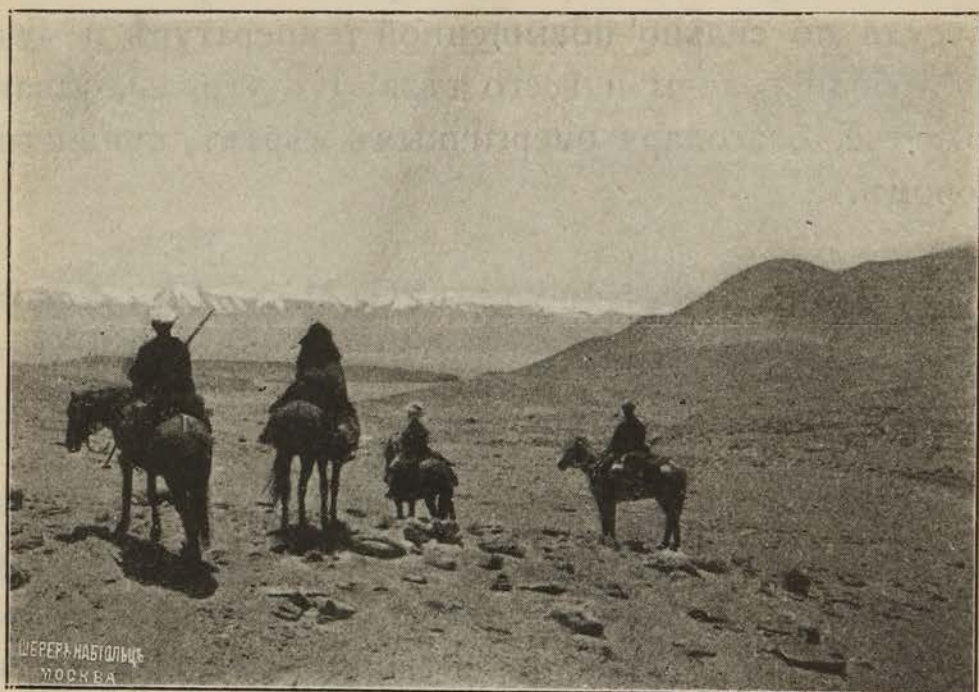

Рис. 35. Видъ на озеро Кара-Куль съ перевала Уй-Булакъ.

Легкій подъемъ привелъ насъ на небольшой перевалъ Уй-Булакъ, съ гребня котораго намъ бросилась въ глаза ярко-синѣющая на горизонтѣ полоса. Словно, по желтоватому пыльному фону, громадною кистью проведенъ мазокъ яркимъ кобальтомъ: передъ нами лежало оз. Кара-Куль, то самое, о которомъ мы едва дерзали мечтать, отправляясь въ свое путешествіе. Видѣнъ намъ былъ лишь небольшой клочекъ озера, такъ какъ съ сѣвернаго берега вся ширь его закрывается гористымъ

полуостровомъ, перерѣзывающимъ его поперекъ. Лагерь пришлось, къ сожалѣнію, раскинуть вдали отъ озера, такъ какъ ближе къ нему не было прѣсной воды.

Сейчасъ же по прїѣздѣ на мѣсто стоянки слегла Н. П., простудившаяся, вѣроятно, наканунѣ въ Кокъ-Саѣ, когда послѣ выпавшей крупы, въ холодъ и сильный вѣтеръ отправилась гулять въ тонкомъ непромокаемомъ плащѣ. Нездоровье ея грозило принять серьезный оборотъ, судя по сильно повышенной температурѣ и мучительной боли головы и всего тѣла. Къ утру ей, однако, стало легче, благодаря энергичнымъ мѣрамъ, принятымъ докторомъ.

13 іюля. Минимумъ за ночь— 6° С. Мои глаза нѣсколько пострадали; пришлось вооружиться дымчатыми консервами.

14 іюля. Ночь сравнительно теплая:— $3,5^{\circ}$ С. Значительная высота, на которой мы находимся, даетъ себя чувствовать лишь легкою, но постоянною головою болью.

Наши караванныя животныя нашли умѣстнымъ дать себѣ сегодня отдыхъ отъ обычныхъ, принудительныхъ трудовъ и съ этою цѣлью разбѣжались по окрестнымъ горамъ; но къ сожалѣнію расчеты ихъ не согласовались съ нашими, а потому ихъ, хотя и поздно, но переловили, навьючили и заставили перекочевать на южный берегъ озера. Особенно сѣтовать имъ, впрочемъ, было не на что, такъ какъ переходъ былъ короткій (всего 17 верстъ) и идти приходилось по ровному, твердому грунту.

Вчера М. М. вернулся съ экскурсіи къ озеру съ богатою добычею: въ озерномъ илѣ оказалось значительное количество мелкихъ рачковъ, красныхъ и черныхъ, а нѣсколько далѣе берега ему удалось наловить мелкихъ

рыбешекъ, повидимому мальковъ, съ вполне ясно опредѣлившимися подробностями. Не имѣя въ своемъ распоряженіи лодки, онъ, къ сожалѣнію, не могъ сдѣлать изслѣдованій посрединѣ озера, на болѣе глубокихъ мѣстахъ. Многіе авторитетные голоса категорически отрицаютъ существованіе рыбы въ оз. Кара-куль, допуская въ немъ органическую жизнь вообще лишь въ незначительныхъ размѣрахъ. Но эти мальки? Это рыбы—несом-

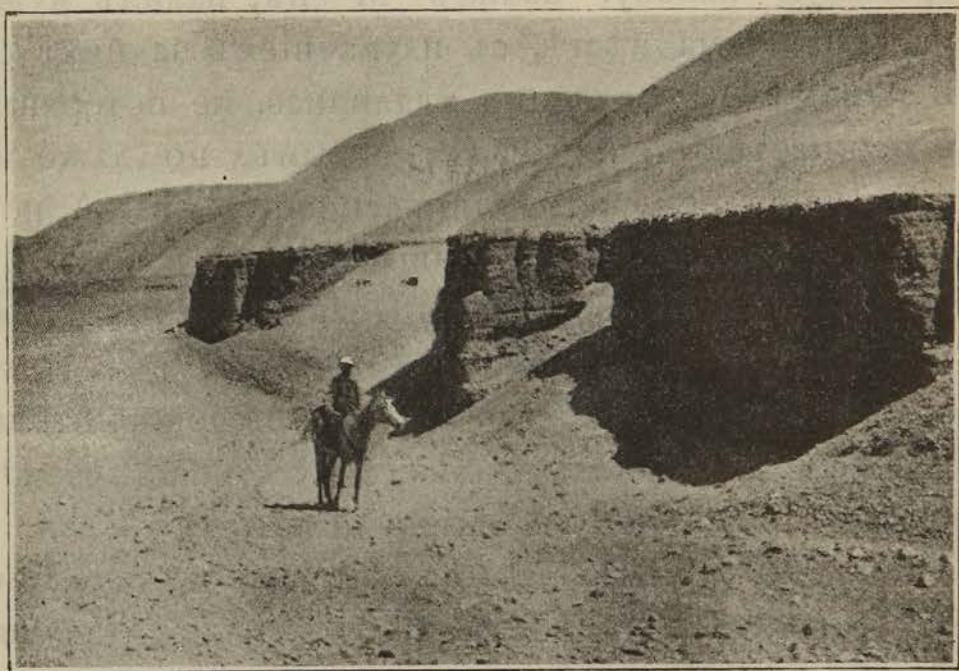

Рис. 36. Обрывы и осыпи конгломерата по пути къ озеру Кара-Кулю.

нѣнно. Обиліе на озерѣ баклановъ и чаекъ какъ будто также доказываетъ, что они именно въ немъ находятъ источники питанія *).

*) Присутствіе этихъ мальковъ правдоподобнѣ всего объясняется повидимому тѣмъ, что рыба которая водится въ рѣкахъ, впадающихъ въ Кара-Куль, заходитъ въ озеро для метанія икры. Молодая еще рыбешка, достигнувъ извѣстнаго возраста, въ свою очередь, покидаетъ озеро, чтобы уйти въ эти рѣки.

Почва пропитана солончаками, соли выступаютъ всюду, вокругъ cadaго болотца; озеро окаймлено бѣлою полосою солей, цѣлыя площади покрыты ими какъ снѣгомъ. Растительность скудная.

15 *іюля*. По пути изъ Баръ-Дабы на Кокъ-Сай охотники наши встрѣтили маленькое стадо архаровъ, увидавъ его на разстояніи всего сотни шаговъ, и подняли невѣроятную пальбу: палилъ М—въ, палилъ мужъ, а архары стояли на мѣстѣ, съ изумленіемъ на нихъ смотрѣли и наконецъ медленно удалились, не потерявъ ни одного животнаго, не только убитымъ, но даже и раненымъ: наши немроды были сконфужены. А не мѣшало бы пополнить дичью наши запасы: говорятъ, что вплоть до самаго озера Рангъ-Куль мы не найдемъ, ни юртъ, ни провизіи. Вчера киргизъ добылъ намъ всего одного барана, мясо котораго должно прокормить насъ, рассчитывая на маленькую задержку, дней 6. Очень кстати поэтому пришелся одинъ изъ двухъ гусей, убитыхъ сегодня мужемъ; другой поступилъ въ коллекцію М. М., которую удалось пополнить еще двумя куличками и прекрасною чайкою; въ желудкѣ у послѣдней, кромѣ мелкихъ рачковъ, ничего интереснаго не найдено.

Картина кругомъ насъ характерно памирская: плоская песчаная долина, окаймленная куполообразными горами, голыми, унылыми, желто-сѣрыми; порывистый вѣтеръ поднимаетъ тучи пыли и песку, и пылью этою, какъ кисеею, затянута все кругомъ: и эти горы, и мелькающее вдали озеро.

Только сейчасъ удалось мнѣ побывать на берегу самаго озера. Вблизи оно производитъ впечатлѣніе морского залива: тотъ же шумъ прибоя, только болѣе частаго, тотъ же живительный своеобразный запахъ, тотъ

же горько-соленый вкусъ воды. Такъ же, какъ тамъ, у далекаго безпокойнаго моря, и эта мертвая природа ожила и осмыслилась близъ вѣчно двигающагося, измѣнчиваго и словно дышащаго озера.

Прежній бассейнъ озера занималъ, повидимому, гораздо большее, чѣмъ теперь, пространство, въ чемъ убѣждаетъ даже самый поверхностный обзоръ мѣстности; въ разстояніи не менѣе версты отъ теперешняго озера,

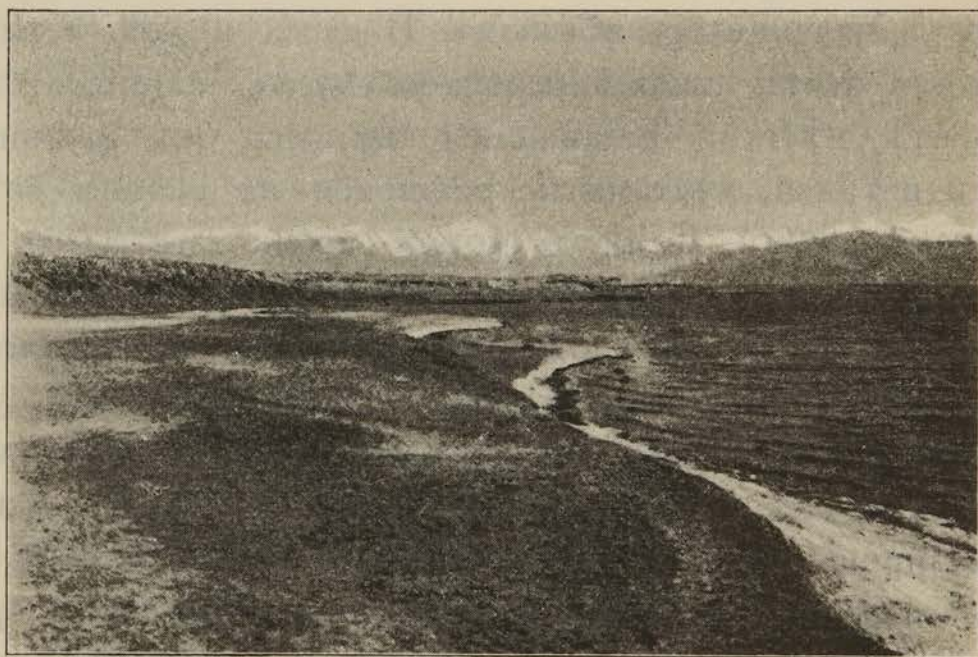

Рис. 37. Берегъ оз. Кара-Куля. Видъ на востокъ.

грунтъ становится рыхлымъ и илистымъ (сѣровато-зеленаго цвѣта), съ обильными прослойками плотно слежавшихся водорослей; попадаетъ также масса ракушекъ. По мѣрѣ приближенія къ берегу, подъ копытомъ лошади слышатся пустоты, въ которыя нога ея нерѣдко и проваливается; часто встрѣчаются углубленія, повидимому провалы, на днѣ которыхъ стоитъ вода. На самомъ берегу озера громоздятся обширные бугры, подмываемые водою съ одной стороны и отлого спускающіеся къ сушѣ

съ другой; поверхность ихъ состоитъ изъ того же ила съ еще большимъ количествомъ водорослей, уже почти обратившихся въ торфъ; тѣ же пустоты встрѣчаются и здѣсь. Сойдя съ лошади, чтобы пробраться поближе къ водѣ, мнѣ съ удивленіемъ пришлось убѣдиться, что весь этотъ высокій, бугристый берегъ состоитъ изъ мощнаго (въ нѣсколько метровъ толщины) пласта льда, прикрытаго грунтомъ лишь аршина на полтора: въ разрѣзѣ береговыхъ бугровъ, подмытыхъ водою, это было видно самымъ нагляднымъ образомъ. И далѣе вправо и влѣво тянулся этотъ высокій берегъ на своемъ ледяномъ фундаментѣ, мѣстами казавшемся чернымъ отъ налипшей пыли и грязи, мѣстами искрившемся на солнцѣ всѣми цвѣтами радуги. Кажется можно предполагать, что все пространство, съ котораго начинается илистый грунтъ, покоится также на слоѣ льда; таяніемъ послѣдняго и объясняются, вѣроятно, какъ пустоты, по звуку судя, занимающія большія пространства, такъ и большія и маленькія ямки, озерца и болотца, образовавшіеся вслѣдствіе проваловъ и содержащіе всюду прѣсную воду.

Охотники вернулись, съ триумфомъ везя самца архара; имъ они надѣются возстановить свою пошатнувшуюся репутацію, хотя должны были сознаться, что и этотъ архаръ дался имъ нелегко. Первымъ увидалъ стадо, шагахъ въ 800, конечно киргизъ, остальные замѣтили его лишь, когда оно двинулось съ мѣста. Всѣ, по обыкновенію, стремились выпустить возможно большее количество зарядовъ, что и исполнили блестяще: сдѣлано было 47 выстрѣловъ, повидимому, безрезультатно. Тотъ же киргизъ, однако, своимъ соколинымъ глазомъ замѣтилъ, что одно животное должно было остаться на мѣстѣ; и животное дѣйствительно оказалось на мѣстѣ, хотя вслѣдствіе обилія полученныхъ имъ пуль приписать

его гибель тому или иному изъ участниковъ охоты, совершенно невозможно.

16 іюля. Ежедневно съ 11 до 6 час. дня дуетъ холодный, порывистый вѣтеръ. Лица наши утратили всякое благообразіе, благодаря вспухнувшимъ носамъ и потрескавшимся губамъ. Одышка продолжаетъ нѣсколько надѣдать, хотя въ этомъ отношеніи и замѣчается улучшение; при сморканіи появляется кровь. Приходится отказать отъ нашего любимого «палау», такъ какъ рисъ на этой высотѣ не разваривается, несмотря на усиленное кипяченіе; вода закипаетъ при 83° С. *).

Направляясь отсюда къ оз. Рангъ-Куль, беремъ съ собою живыхъ барановъ, которыхъ вмѣстѣ съ молокомъ ухитрился добыть илликъ-баши **): онъ ѣздилъ за ними куда-то въ горы, болѣе чѣмъ за десять верстъ.

Въ нашемъ съ Н. П. распоряженіи состоятъ два казака, прикомандированные къ намъ распоряженіемъ генерала Іонова; оба еще совсѣмъ молодые ребята, почти мальчишки (хотя и оказались женатыми), оба изъ одной станицы и одновременно ушли на службу. Они трогательно дружны и скучаютъ другъ безъ друга такъ же, какъ наши ослики. Петръ—бѣлокурый, розовый, мечтательный и непоротливый малый; другъ его Дмитрій—русый, загорѣлый, проворный и сообразительный; онъ исполненъ увѣренности въ томъ, что не боги горшки обжигаютъ, а потому на фразу, начинающуюся словами: «сѣумѣешь ли...», онъ торопливо и не слушая продолженія отвѣчаетъ неизмѣнно: «такъ точно, сѣумѣю»—и ни разу не ошибся. Помимо разныхъ услугъ въ дорогѣ,

*) Озеро расположено на высотѣ 12.400 ф. надъ уровнемъ моря.

**) Пятидесятникъ; по-киргизски илликъ-баши значитъ: голова пятидесяти.

онъ отвѣчаетъ и за горничную, и за прачку: съ послѣднею обязанностию онъ справляется мастерски, особенно если принять во вниманіе, что бѣлье стирается въ холодной водѣ; его, впрочемъ, очень конфузятъ необходимость, за неимѣніемъ утюговъ, подавать дамамъ неглаженное бѣлье. Съ Петромъ онъ обращается нѣжно и покровительственно.

Сегодня достойнымъ образомъ отпраздновали мои име-

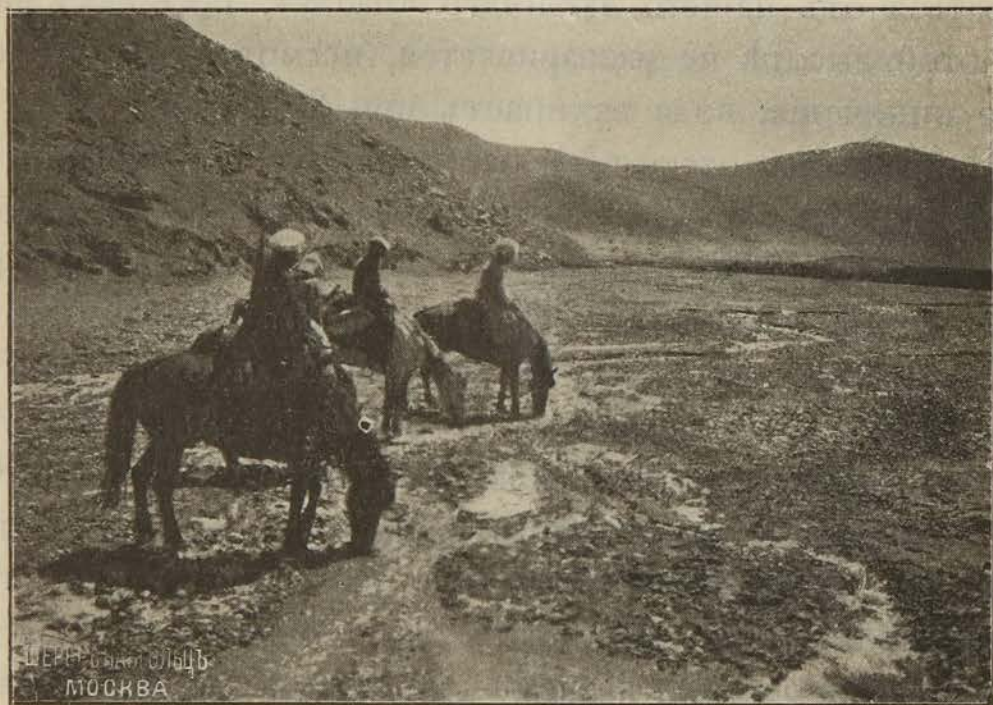

Рис. 38. Ручьи на галечномъ руслѣ.

нины: солдатамъ и казакамъ поднесли водки и дали по новому серебряному рублю, послѣ чего уже для себя устроили настоящее пиршество: М—въ торжественно извлекъ бутылку отличнаго Самаркандскаго вина, и мы соборне принялись за изготовленіе шоколада, для котораго киргизъ еще утромъ доставилъ намъ молока (конечно кутасоваго); каждый по мѣрѣ силъ и умѣнія скоблилъ шоколадъ, котораго и извели нѣсколько плитокъ;

остальное предоставили искусству Мурзы и разсѣлись въ кружокъ въ ожиданіи рѣдкаго угощенія. Явился наконецъ Мурза съ пустыми руками, но съ самой предупредительной улыбкой и радостно сообщилъ намъ, что «молоко *свернилось*» (свернулось). Крикъ негодованія и недовѣрія встрѣтилъ это заявленіе и кастрюля съ шоколадомъ была затребована для провѣрки: въ мутной желтой водѣ плавалъ коричневый творогъ,—шоколадомъ этого конечно назвать было нельзя. Но рѣшимость потребить «пирожное» въ той или иной формѣ, была въ насъ такъ непоколебима, что просто «шоколадъ» былъ переименованъ въ «шоколадный кремъ» и подъ видомъ такового съѣденъ, не безъ нѣкотораго, впрочемъ, риска для здоровья.

Каждую ночь бываютъ небольшіе морозы; снѣга до сихъ поръ однако не было, хотя по увѣренію полковника З—го, четыре раза побывавшаго на оз. Кара-Куль, ему ни разу не удавалось избѣжать снѣжного бурана, даже и въ іюлѣ.

17 іюля. Сглазила. Вчера еще я тѣшила себя надеждою, что снѣжные бураны въ іюлѣ на Кара-кулѣ—мифъ; сегодня же, выйдя изъ юрты въ 6 час. утра, чтобы умыться въ нашемъ будуарѣ-палаткѣ, я не узнала мѣстности: все кругомъ было покрыто снѣгомъ, который продолжалъ падать крупными хлопьями; горъ не было видно—ихъ словно задернуло бѣлою пеленою. Снѣгъ, впрочемъ, былъ мокрый и минимумъ за ночь показалъ $+ 3,5^{\circ}$ С. Часовъ въ 7 нѣсколько просвѣтлѣло; какъ-то сбоку, точно однимъ глазомъ глянуло солнце, а черезъ полчаса отъ снѣжной картины не осталось и слѣда, только горы были еще посыпаны снѣгомъ до подошвы. Буранъ—не буранъ, а снѣга навалило изрядно.

VII.

Музь-Коль и его сны. — Переваль Кизиль-Джіикъ. — Озеро Ранъ-Куль; киризскій романъ; дикіе гуси; осмотръ пещеры; легенда о бѣломъ пѣтухѣ; Чиракъ-ташъ. — Въ юстяхъ у кириза. — Долина Бюрулюкъ. — Памирскій Постъ.

Двадцатипятиверстнымъ переходомъ пришли мы сегодня на Музь-Коль (ледяное озеро). Почти половину

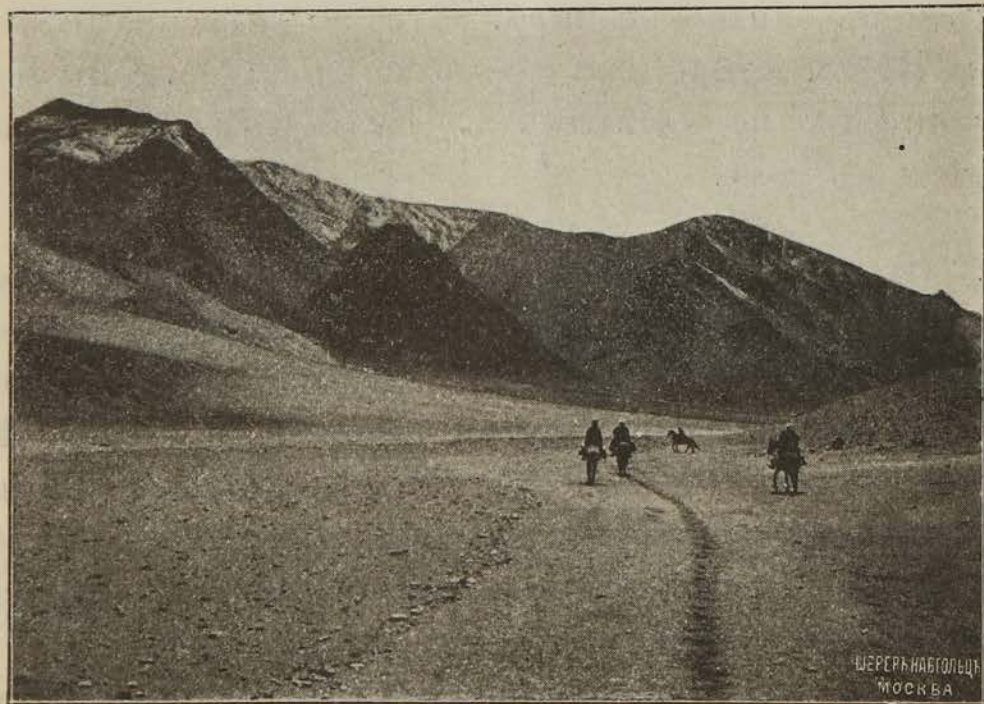

Рис. 39. По пути къ Музь-Колу.

пути шли по Каракульской котловинѣ; дорога представляла ровный, пологій подъемъ, лошади отдохнули, шли

весело, и четыре часа промелькнули незамѣтно. Сурово было ущелье, по которому мы двигались, хотя и замѣчается нѣкоторое разнообразіе въ краскахъ: здѣсь были

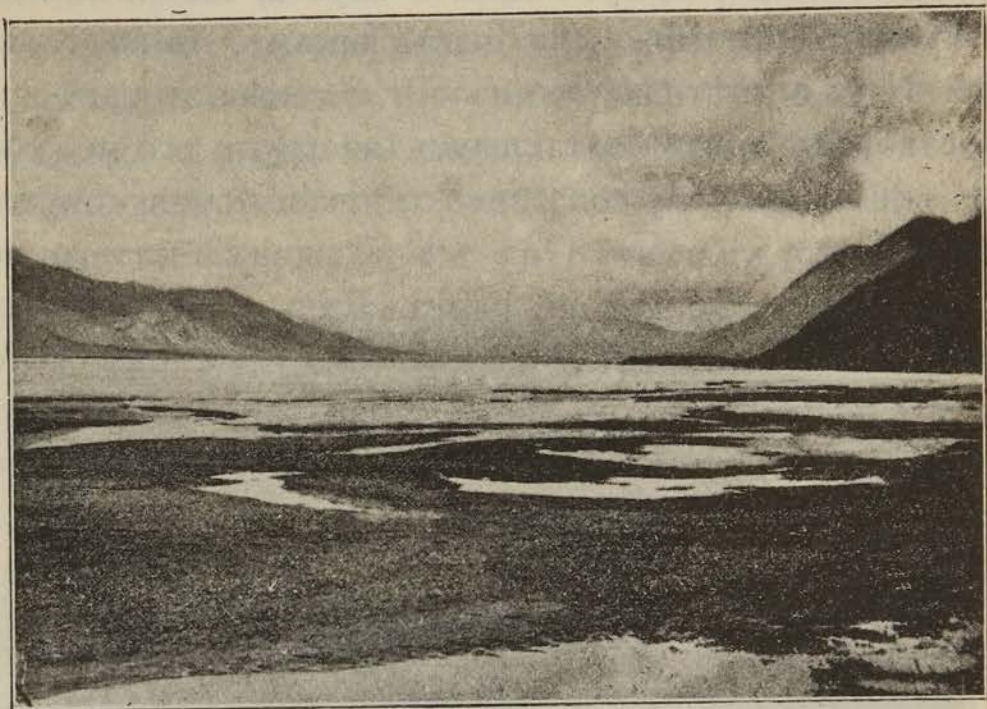

Рис. 40. Музь-Коль и его снѣгъ.

уже не тѣ неопредѣленные тона, къ которымъ привыкъ нашъ глазъ за послѣднее время, отсыпи все еще куполообразныхъ горъ блестѣли и переливались на солнцѣ черными, зелеными и темно-фіолетовыми цвѣтами. Воды за весь переходъ не было.

Но вотъ начался спускъ въ котловину Музь-Коль и первое, что намъ бросилось въ глаза, было дно долины, во всю ширину покрытое снѣгомъ. Не знаю, чѣмъ можно объяснить то обстоятельство, что снѣгъ въ этой долинѣ не таетъ круглый годъ; нигдѣ кругомъ, даже на ближайшихъ горахъ, не было и признака снѣга, здѣсь же онъ лежитъ толстымъ, плотнымъ пластомъ, изъ подъ котораго сочится вода маленькими ручейками, сбѣгающи-

мися затѣмъ въ одно русло. По словамъ мѣстныхъ жителей, близъ «Ледяного озера» почти непрерывно дуетъ сильный, холодный вѣтеръ; намъ же, очевидно, посчастливилось, и когда, минутъ десять спустя, мы подъѣзжали къ приготовленнымъ для насъ юртамъ, было совсѣмъ тихо. Насъ встрѣтилъ «аминъ»¹⁾, о санѣ котораго свидѣтельствовала лишь болтавшаяся на груди его медаль; по виду же и костюму онъ не отличался отъ сопровождавшихъ ему киргизъ. Онъ же долженъ былъ сопровождать насъ далѣе. До оз. Рангъ-Куль намъ предстоитъ сдѣлать два перехода верстъ по 35, тяжелыхъ потому, что мы не найдемъ, ни дровъ, ни барановъ, ни молока; впрочемъ, старшина обѣщаетъ доставить на слѣдующую остановку все необходимое.

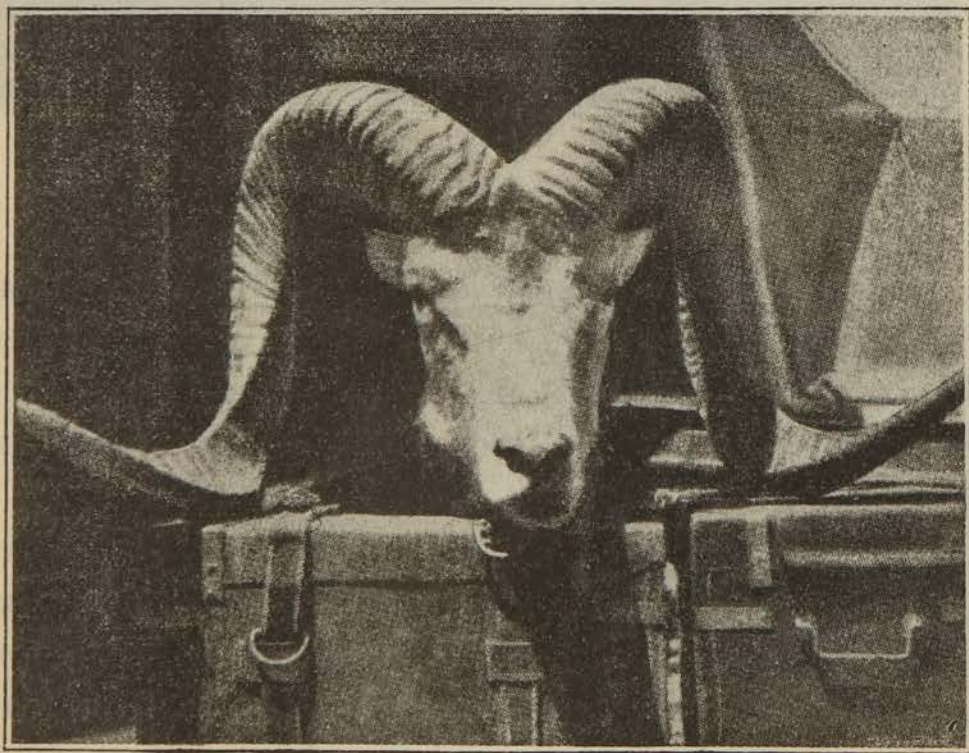

Рис. 41. Голова архара.

^{*)} Старшина.

Завтра докторъ и Б. отправляются усиленнымъ маршемъ на Памирскій Постъ, чтобы оттуда кратчайшимъ путемъ добраться до цивилизованныхъ мѣстъ, такъ какъ свободное время и того и другого ограничено; намъ же хочется побывать на оз. Рангъ-Куль. Какъ будто страшно-вато остаться безъ доктора въ путешествіи, гдѣ рискъ неизбеженъ и, на всякій случай, докторъ подѣлился съ нами перевязочными средствами и всевозможными медикаментами.

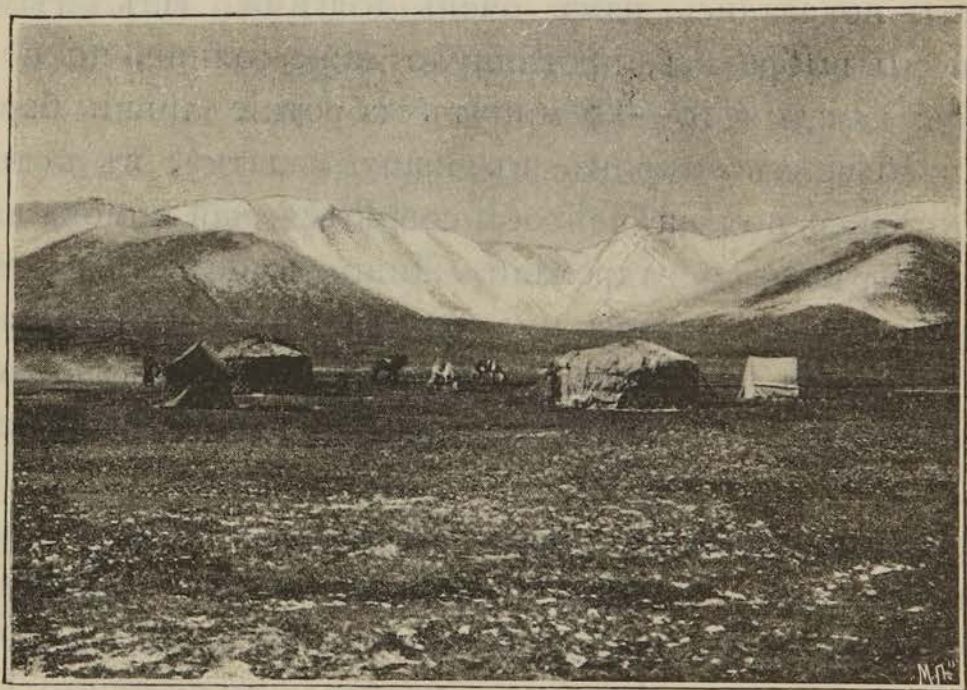

Рис. 42. Стоянка близъ перевала Кизиль-Джіикъ.

18 іюля. Охотники наши выѣхали чуть свѣтъ, мы же должны были встрѣтиться съ ними на ночевкѣ, переваливъ черезъ Кизиль-Джіикъ. Перевалъ Кизиль-Джіикъ—высочайшій изъ встрѣчавшихся намъ до сихъ поръ (15,300 футъ); горы его состоятъ изъ краснаго песчаника, дорогу замѣнила узкая тропинка, подъемъ довольно крутъ. По мѣрѣ приближенія къ вершинѣ вѣтеръ крѣпчалъ, навстрѣчу ползла бѣловатая туча и, наконецъ, повалилъ

мокрый, крупный снѣгъ. На самой высшей точкѣ перевала разразилась настоящая метель, снѣгъ съ крупною больно хлесталъ по лицу и залѣплялъ глаза; холодно, впрочемъ, не было, и снѣгъ таялъ тотчасъ же.

Переходъ нашъ подходилъ къ концу, мы продрогли, устали, проголодались, но оставалось сдѣлать еще нѣсколько верстъ, чтобы спуститься съ перевала въ лошину къ водѣ, гдѣ приходилось довольствоваться палаткою въ ожиданіи выюковъ съ юртою, и эти послѣднія версты показались намъ очень долгими. Изъ снѣговой тучи мы выбрались, проглянуло даже солнце, но не надолго: каждыя 10—15 минутъ короткіе ливни барабанили со всѣхъ сторонъ въ нашу палатку, въ которой мы усѣлись потѣснѣе, чтобы согрѣться; чай помогъ намъ: мы пригрѣлись и задремали. Лишь часовъ въ 9 вечера прибылъ нашъ караванъ, а за нимъ и охотники, также попавшіе на перевалѣ въ буранъ, но тѣмъ не менѣе убившіе трехъ архаровъ, изъ которыхъ два молодыхъ.

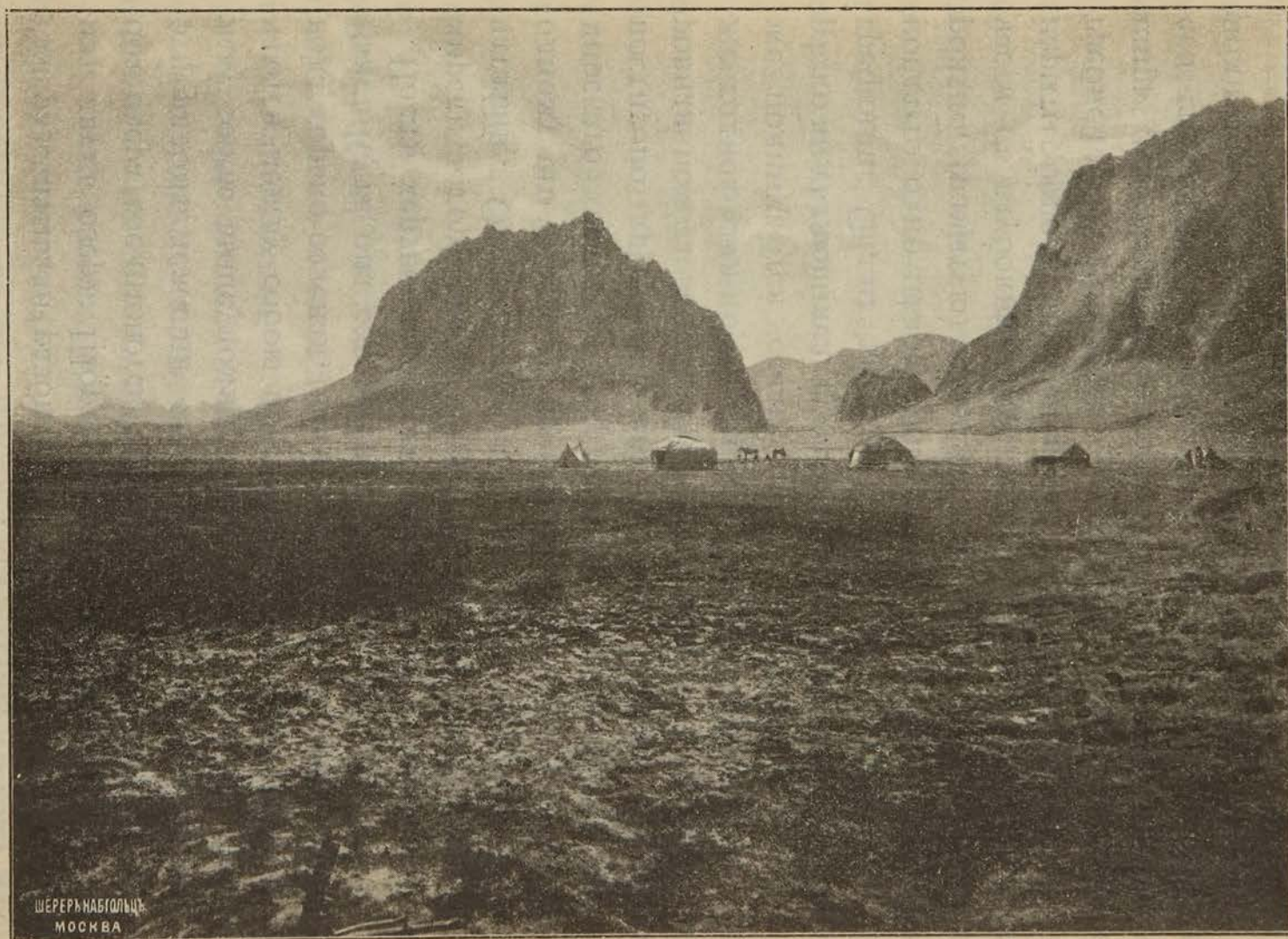
19 іюля. Сегодня утромъ все опять оказалось покрытымъ снѣгомъ, который лишь въ восьмомъ часу утра началъ таять; минимумъ за ночь показалъ—3,4° С. Къ 9 час. солнце уже ярко свѣтило и пригрѣвало порядочно. Намъ предстояло сегодня сдѣлать до оз. Рангъ-Куль, по словамъ проводника, верстъ 36, но ихъ оказалось болѣе: версты здѣсь не мѣряны, дорога не разработана, да оно, пожалуй, и лишнее, такъ какъ дорога всюду, во всѣ стороны, плотная и ровная какъ столъ; лошади идутъ шутя.

Оставалось пройти еще верстъ 7, когда изъ-за ближайшей кулисы горъ стали вырисовываться скалистые вершины хребта, стоящаго по ту сторону озера. По мѣрѣ приближенія, коридоръ, по которому мы ѣхали, расширился и мы наконецъ попали въ обширную котловину;

подойдя къ самому протоку, соединяющему оба озера, мы завернули влѣво, огибая Рангъ-Куль, къ тому мѣсту, гдѣ разсчитывали разбить лагерь. Рангъ-Куль состоитъ изъ двухъ озеръ: Шоръ-Куль и собственно Рангъ-Куль; оба озера соединяются протокомъ *); замѣчательно, что эти рядомъ лежащія озера-близнецы, соединенныя между собою вышеупомянутымъ протокомъ, рѣзко отличаются между собою по составу воды: въ Шоръ-Куль вода горько-соленая, какъ въ Кара-Куль, тогда какъ въ Рангъ-Куль она совершенно прѣсная.

Послѣ мертвеннаго, тоску наводящаго однообразія Памирскихъ горъ эта долина производила чарующее впечатлѣніе. Озеро вытянулось въ длину верстъ на 5; къ одному его берегу близко придвинулись горы обще-памирскаго характера, округлыя и лишенныя растительности; по другую же его сторону тянулась широкая ровная полоса земли, покрытая, хотя и тощею, но все же годною для корма травою, и за этою полосою тотчасъ же поднимаются скалы, почти отвѣсныя, лиловатыя, рѣзко выдѣляющіяся на голубомъ небѣ своими зубчатыми гребнями. Скалы эти, судя по виду ихъ, составляли когда-то одно цѣлое, одну стѣну, раздѣлившуюся (вѣроятно, размытую) впоследствии на четыре отдѣльныя части съ глубокими между ними лощинами; эти скалы изрыты бороздами и пещерами. Когда вечеромъ изъ-за гребней ихъ показалась полная луна, освѣтившая всю ширь задремавшаго озера съ раскинувшимся на берегу его лагерьмъ, картина казалась неправдоподобною и напоминала театральную декорацію волшебнаго балета.

*) При нашемъ, по крайней мѣрѣ, посѣщеніи протокъ былъ, хотя показанія путешественниковъ на этотъ счетъ расходятся; надо предполагать, что временами онъ пересыхаетъ.

ШЕРЕРЪ И БОЛЬЦЪ
МОСКВА

Рис. 43. Скалы на берегу оз. Рангъ-Куля.

На мѣстѣ нашей стоянки юрты еще не было: нашъ караванъ могъ придти лишь часа черезъ четыре, а потому мы расположились пока на кошмѣ *), на которой величественно принимали депутаціи. Сопровождавшій насъ старшина съ киргизомъ помчались куда-то въ горы, откуда, словно по волшебству, появились представители власти,—мѣстный старшина и кази **), и капитала,—здѣш-

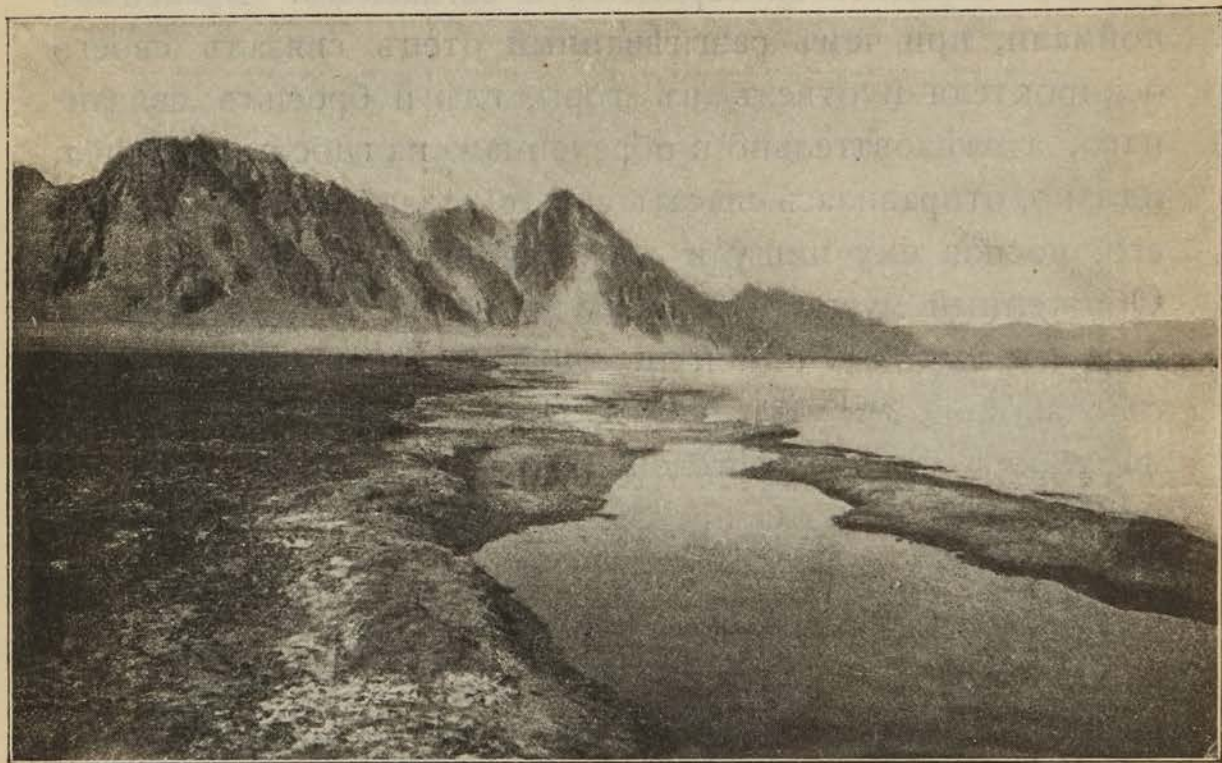

Рис. 44. Оз. Рангъ-Куль.

ній богачъ киргизъ; ихъ сопровождало нѣсколько мелкихъ сошекъ. Ударили намъ челомъ достарханомъ, въ которомъ главную роль игралъ каймакъ изъ кутасоваго молока; это нѣчто въ родѣ мягкаго масла изъ топлёныхъ сливокъ, вещь очень вкусная, но и очень жирная.

*) Войлокъ.

**) Выборный судья.

Мы узнали впоследствии, что кази, приѣхавшій съ этою компаніей,—бывшій старшина и что онъ былъ смѣщенъ за какую-то неправильность, допущенную имъ въ одной романической исторіи, надѣлавшей между здѣшними киргизами не мало шума, нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Простой киргизъ рабочій, неказистый съ виду и бѣдный, но хорошій музыкантъ, выкралъ дочь своего богача хозяина, успѣвъ овладѣть ея сердцемъ и согласіемъ. Бѣглецовъ поймали, при чемъ разгнѣванный отецъ связалъ своего оскорбителя и отвезъ въ горы, гдѣ и бросилъ связаннаго, а слѣдовательно и обреченнаго на гибель; дѣвушка, однако, отправилась спасать своего возлюбленнаго, нашла его, носила ему пищу и дала ему возможность спастись. Обиженный музыкантъ прибѣжалъ на Памирскій Постъ и, какъ былъ въ одной рубашкѣ (въ ноябрѣ), бросился съ жалобою къ начальнику Поста. Вызвали для суда дѣвушку, отца, свидѣтелей и, наконецъ, обратились съ неофициальными разспросами къ самой виновницѣ всей этой кутерьмы, чтобы узнать отъ нея, желаетъ ли она выйти за мужъ за своего похитителя. «Если не скажешь отцу, таксырь (господинъ), то желаю», заявила она: сознаться въ этомъ при своихъ она не смѣла, такъ какъ это желаніе было бы равносильно признанію, что и похищена она была не противъ воли, а это позорило бы честь ея и семьи. Судъ постановилъ предписать отцу, во-первыхъ, поженить романическую парочку, а во-вторыхъ, не только отказаться отъ обычнаго калыма, но и уплатить зятю за истязаніе значительный кушъ: приговоръ, подъ которымъ, вѣроятно, охотно подписался бы и самъ Соломонъ, блаженной памяти.

Кромѣ мелкихъ рачковъ, М. М. не нашелъ въ озерѣ ничего живого, зато поверхность его кишитъ гусями, цѣлыя стайки которыхъ бороздятъ его во всѣхъ направле-

ніяхъ; особенно же много собирается ихъ по зорямъ на болотѣ въ концѣ озера. Почва кругомъ солончаковая, даже на горахъ всѣ борозды, по которымъ стекаетъ дождевая вода, окаймлены отложеніями солей, словно снѣгомъ.

20 іюля. Сегодня ясный солнечный день, тепло, тихо; на минуту мнѣ эта погода напомнила лѣто, наше, рус-

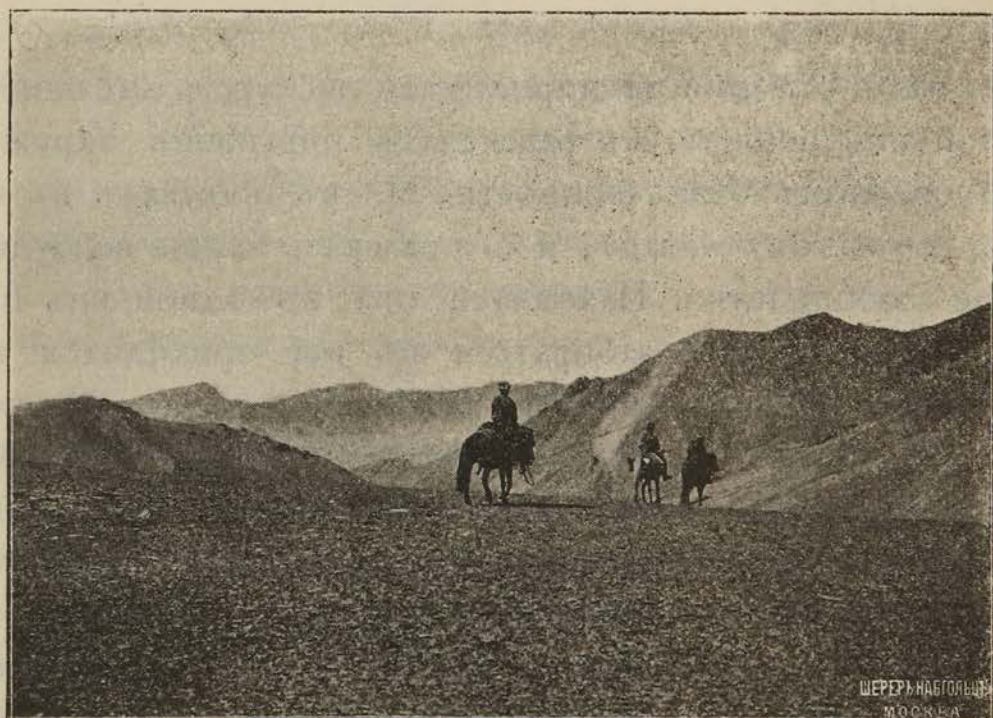

Рис. 45. Характерный Памирскій переваль.

ское лѣто; озеро отражаетъ въ себѣ и голубое небо съ облачками, и весь хребетъ окаймляющихъ его горъ. Мужъ занялся было съемками на ближайшей горѣ и, покончивъ съ одною стороною озера, водрузилъ бѣлый флагъ съ тѣмъ, чтобы повторить съемку съ разныхъ мѣстъ, но гуси такъ раздражили его, плавая невдалекѣ цѣлыми стаями, что бросилъ онъ свое благоразумное намѣреніе, взялъ ружье и отправился на болото.

Среди озера есть островъ, который значительно болѣе приподнятъ надъ поверхностью воды, чѣмъ берега самага водовмѣстилища. На немъ, по словамъ М—ва,—такая масса гусей, что ихъ можно почти ловить руками, но за неимѣніемъ лодки, пробраться туда, конечно, нельзя; тамъ же гуси выводятъ дѣтенышей, кладя яйца прямо на песокъ, такъ что солдатамъ, ухитрившимся передъ Пасхой переправиться на островъ въ квашнѣ *), удавалось набрать обильный запасъ яицъ.

21 июля. Сегодня предпринимали экскурсію для осмотра одной изъ пещеръ, въ разсказахъ киргизовъ окруженной ореоломъ таинственности. М—въ побывалъ въ ней года 2—3 тому назадъ, и его разсказы также возбудили наше любопытство. Находится она въ одной изъ прибрежныхъ скалъ и забираться въ нее приходится изъ бокового ущелья. Большую часть подъема можно, хотя и съ трудомъ, сдѣлать на лошади; послѣ, примѣрно, трети пути глинистый, поросшій травой грунтъ замѣняется сначала крупнымъ камнемъ, а затѣмъ сыпучимъ острымъ щебнемъ, который по крутому уклону сыплется изъ-подъ ногъ лошади и до крайности затрудняетъ подъемъ; животныя останавливались на каждыхъ десяти шагахъ, чтобы перевести духъ (надо помнить, что высота здѣсь весьма значительна: свыше 14,000 футъ). Щебень сталъ, наконецъ, такъ глубокъ, а подъемъ такъ крутъ, что послѣднюю треть пути пришлось дѣлать пѣшкомъ. Шли мы долго, заботясь преимущественно о томъ, чтобы по возможности сохранить дыханіе, а потому ежеминутно останавливались. Съ завистью и удивленіемъ смотрѣли мы на солдатъ-охотниковъ, которымъ этотъ

*) Кадка, въ которой квасятъ тѣсто.

подъемъ, очевидно, казался шуткою: они стали подниматься гораздо позднѣ насъ, какъ всегда пѣшкомъ, догнали и чуть не въ припрыжку обогнали насъ, точно подъ ногами у нихъ находился не сыпучій щебень, по которому приходилось мѣстами лѣзть на четверинкахъ, а ровная дорога. Напомню, что мнѣ давно уже пришлось облечься въ охотничьи сапоги мужа, и они словно привинчивали меня къ землѣ своею тяжестью, даже и на ровномъ мѣстѣ: не мудрено поэтому, что, подползая къ цѣли нашей прогулки, я упала духомъ и уже не надѣялась болѣе обрадовать отечество своимъ возвращеніемъ.

За эту экскурсію намъ особенно часто приходилось слышать зловѣщій свистъ горной индѣйки (*Megaloperdix Nigellii*), которую мѣстные жители называютъ «уларъ»; свистъ этотъ напоминаетъ завываніе вѣтра въ трубѣ и производитъ жуткое впечатлѣніе. Уларъ водится лишь въ горахъ на значительныхъ высотахъ: ниже 9—10 тысячъ футъ его встрѣчать не приходилось. Замѣчая опасность, онъ не летитъ, а предпочитаетъ бѣжать и притомъ всегда кверху, въ гору. Для коллекціи не удалось, къ сожалѣнію, добыть ни одного экземпляра, такъ какъ встрѣчать уларовъ приходилось лишь на охотахъ за архарами и кінками, и въ тѣхъ же, приблизительно, мѣстахъ, гдѣ держатся послѣдніе; въ виду же возможности спугнуть болѣе цѣнную дичь, уларовъ не стрѣляли. Мясо ихъ, говорятъ, отличается чрезвычайно нѣжнымъ вкусомъ.

У входа въ пещеру зажгли взятыя съ собою свѣчи и вошли: передняя часть ея, очень широкая, сводчатая, вся усыпана толстымъ слоемъ птичьяго помета, кажется исключительно голубинаго: голубиныхъ гнѣздъ здѣсь множество *). Широкій вначалѣ коридоръ, нѣсколько сужи-

*) Скалистый голубь. *Columba livia*.

ваясь, дѣлаетъ поворотъ и началъ круто спускаться; темнота наступила полная, идти приходилось по нагроможденнымъ большимъ камнямъ, на всемъ лежалъ толстый слой пыли, потревоженной нами и лѣзшей въ глаза, носъ и покрывавшей наше платье; идти было все труднѣе, такъ какъ проходъ сталъ настолько узкимъ, что въ одномъ мѣстѣ пришлось ползти на четверинкахъ по камнямъ и пыли. Любопытнаго кругомъ было мало, если не считать нагроможденныхъ другъ на друга камней. Въ одномъ мѣстѣ однако попали на слѣдъ пребыванія здѣсь человѣка: обрывки кошмъ, остатки костра, людскіе черепа и рога кѣйковъ валялись на землѣ. Особенно удивило насъ слѣдующее обстоятельство: по очень круто наклоненному камню, на слоѣ пыли виднѣлись слѣды голы, словно человѣческой ступни; возможно, что здѣсь жилъ медвѣдь, такъ какъ человѣкъ не могъ бы взобраться по такому камню; его же присутствіемъ, можетъ быть, объясняются разломанные на части черепа кѣйковъ съ отдѣленными рогами и притомъ въ такомъ узкомъ проходѣ, въ который живой кѣйкъ со своими рогами пролѣзть завѣдомо не можетъ.

Я смалодушествовала и вернулась съ Ташметомъ назадъ, къ выходу, боясь главнымъ образомъ обратнаго крутого подъема по камнямъ. Спутники мои также недалеко ушли отъ мѣста, гдѣ я ихъ оставила: спустившись еще немного, они достигли, повидимому, конца пещеры, но оказалось, что наверху есть щель и ходъ дальше; туда, однако, проникнуть они не рѣшились. Въ одной изъ маленькихъ боковыхъ пещеръ М — въ нашелъ обломки большой деревянной орѣховой точеной чашки, обрывокъ темно-красной шерстяной матеріи съ узоромъ, выложеннымъ узкой шелковой желтой ленточкой, обрывки кошмъ и нѣсколько человѣческихъ

череповъ. М—въ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, уже посѣщалъ эту пещеру, заинтересовавшись предположеніями киргизовъ о присутствіи въ ней человѣка, и дѣйствительно видѣлъ человѣческій слѣдъ, идущій отъ входа пещеры вглубь, но не возвращающійся обратно (благодаря, вѣроятно, существующему второму выходу). Слѣдъ этотъ и теперь онъ нашелъ сохранившимся, также какъ и слѣды, оставшіеся отъ перваго его посѣщенія: очевидно, съ тѣхъ поръ сюда никто не заглядывалъ. Трудно объяснить присутствіе людскихъ череповъ; два изъ нихъ, такъ же, какъ и пару великолѣпныхъ рогъ кика, М—въ отдалъ М. М.

Спускъ по горѣ обратно былъ сравнительно легокъ: нога глубоко уходила въ щебенъ и шли мы чуть не бѣгомъ. Добравшись до мѣста, гдѣ оставили лошадей, стали спускаться верхомъ, зигзагами и скоро были дома.

Въ другой пещерѣ, хорошо видимой изъ нашего лагеря, по рассказамъ киргизовъ, лежатъ несмѣтные богатства, охраняемые бѣлымъ пѣтухомъ. По словамъ существующей легенды, одинъ смѣльчакъ задумалъ пробраться въ нее, чтобы овладѣть сокровищами, но скала представляетъ отвѣсную стѣну, пещера высока. Тогда находчивый герой, недолго думая, разрубилъ на мелкія части свою лошадь, куски теплаго мяса немедленно примерзали къ скалѣ (дѣло было зимою), и по этимъ кускамъ, какъ по лѣстницѣ, онъ добрался до самаго входа пещеры. Но церберъ - пѣтухъ не зѣвалъ: онъ налетѣлъ на дерзновеннаго, покусившагося на его сокровища, и такъ нелюбезно встрѣтилъ его, что тотъ полетѣлъ внизъ и разбился до смерти.

Въ качествѣ естествоиспытателя М. М. привыкъ заниматься изслѣдованіями и не можетъ успокоиться до тѣхъ поръ, пока не докопается до самой сути дѣла. Съ

бѣлымъ пѣтухомъ свести знакомства ему не удалось (хотя онъ и похвалялся, что непременно изловилъ бы его своимъ пинцетомъ и упряталъ бы въ пробирку): забратъ-ся къ нему по способу героя легенды было, и убыточно, и не по сезону, а иныхъ приспособленій подъ руками не оказалось; зато онъ рѣшился изслѣдовать другую пещеру Чиракъ-Ташъ *), находящуюся верстахъ въ 5 отъ нашего лагеря. Вчера имъ въ обществѣ Н. П. и Андрея была предпринята экскурсія съ этою цѣлью. Н. П., однако, предпочла остаться у подножія скалы и рассказывала потомъ, что снизу и на извѣстномъ отъ горы разстояніи она сама видѣла въ пещерѣ довольно яркій, ровный, будто фосфорическій свѣтъ. Андрей отправился брать гору приступомъ спереди, снявъ для этого предварительно сапоги; М. М. же, обойдя скалу, которая въ этомъ мѣстѣ довольно узка, смекнулъ приблизительное положеніе пещеры и полѣзъ съ задней стороны. Съ большимъ трудомъ добрался онъ до намѣченнаго имъ и въ немъ... какъ въ окнѣ увидалъ озеро и влѣзшаго съ противоположной стороны Андрея. Это объясняло все: въ скалѣ имѣется сквозное отверстіе, позади котораго на недалекомъ разстояніи находится глинистая желтая гора, ярко отражающая солнечный свѣтъ, и снизу этотъ свѣтъ кажется исходящимъ изъ самой пещеры: потому-то онъ и является такимъ спокойнымъ, немигающимъ; въ лунныя ночи тотъ же эффектъ производитъ луна. Внутри эта пещера, по словамъ М. М., не представляетъ ничего отличнаго отъ остальныхъ: нагроможденные камни, толстый слой пыли, нѣсколько сталактитовыхъ образованій; свѣта самостоятельнаго, кромѣ проникающаго извнѣ, нѣтъ.

*) Свѣтящійся камень.

Какъ ни жаль было разстаться съ мыслью о таинственно-свѣтящемся камнѣ, пришлось признать резонность доводовъ М. М.

22 *іюля*. Рано утромъ наши охотники отправились сокрушать кѣйковъ. Н. П. поѣхала прокатиться съ М. М., я же осталась дома, чтобы заняться починкою моего дряхлѣющаго отъ непосильныхъ трудовъ костюма. Не успѣла я однако пришить оторваннаго кармана, какъ въ дверяхъ юрты увидала мужа, закрывавшаго глаза платкомъ и нащупывавшаго входъ рукою: наканунѣ вечеромъ онъ засорилъ глазъ искрой отъ костра и еще утромъ онъ его не беспокоилъ, но затѣмъ глазъ такъ разболѣлся, что ему пришлось вернуться съ охоты домой, закрывъ глаза и положившись на честное слово своего Сѣраго; этотъ конь, впрочемъ, такъ уменъ, что довѣрится ему можно. Боль была очень сильна, но послѣ усиленнаго прикладыванія компрессовъ нѣсколько стихла.

М—въ со своею командою тѣмъ временемъ продолжалъ охоту и имъ посчастливилось напасть на громадное стадо кѣйковъ, изъ которыхъ два козла они убили и привезли, третій былъ раненъ въ животъ, но ушелъ, и они не могли догнать его даже по кровавому слѣду. Одного изъ привезенныхъ козловъ мужъ выпросилъ у М—ва для скелета въ московскій музей, въ которомъ такового не имѣется. Обчистка костей и выварка ихъ была поручена одному изъ солдатъ, Мустрякову, специалисту и великому искуснику также и по сниманію шкуръ и препарированію ихъ для набивки чучелъ. Коллекціи М. М. все разрастаются, и онъ отвоевываетъ у насъ съ Н. П. одинъ яхтанъ за другимъ: послѣдніе освобождаются по мѣрѣ уменьшенія запасовъ провизіи.

Мы, впрочемъ, и не ропщемъ, такъ какъ коллекціи становятся дѣйствительно интересными.

23 іюля. Минимальный термометръ показалъ за ночь -5° ; часовъ въ 7 утра было уже $+15^{\circ}$, а въ 10 ч. — совсѣмъ жарко. Выступили по направленію къ Памирскому посту, до котораго остается, кромѣ сегодняшняго, еще одинъ переходъ. Приблизительно на полъ-пути жилъ тотъ «кази», который являлся къ намъ въ Рангъ-Куль; онъ вышелъ навстрѣчу намъ и убѣдительно просилъ зайти къ нему напиться чаю; отказываться было неудобно, и мы сошли съ лошадей.

Изъ юрты показалась уже немолодая киргизка, съ поклонами приглашавшая насъ войти. Небольшая загородка отдѣляла правую отъ входа часть юрты, служащую кладовою для провизіи и всякой утвари; противъ входа по стѣнѣ сложены кошмы, одѣяла и сундуки, а въ серединѣ юрты, подъ дымовымъ отверстіемъ жарко пылалъ костеръ съ висящимъ надъ нимъ громаднымъ котломъ, въ которомъ что-то превкусно шипѣло. Съ правой же стороны близъ перегородки разостлана шкура кіика; внутренняя сторона ея играетъ роль кухоннаго стола, около котораго хлопотало три женщины; гостепріимство требуетъ, чтобы угощеніе непременно готовилось на глазахъ гостя. Намъ подали чаю въ «піюла» *), а то, что шипѣло въ котлѣ, оказалось квадратными кусочками тѣста, которые бросались въ кипящее масло и затѣмъ вылавливались оттуда ложкою: получалось нѣчто подрумяненное, легкое и удивительно аппетитное.

Я вообще нахожу, что киргизы ѣдятъ, если и не разнообразно, то чрезвычайно вкусно: ихъ каймакъ, на-

*) Піюла — китайскія фарфоровыя чашки безъ ручекъ.

примѣръ, несмотря на присутствіе большого количества кошмяныхъ волосъ, пользовался все время у насъ большою популярностью, а въ области приготовленія баранины, они вполнѣ артисты. Роль масла въ киргизской и сартской кухнѣ играетъ бараній курдюкъ, достигающій нерѣдко 35—40 фунтовъ вѣсомъ; нетолстый слой жира покрываетъ также и спину животнаго до шеи. За невозможностью въ большинствѣ случаевъ доставать масло, наша ѣда также готовилась на этомъ жирѣ, и я должна признать, что онъ не только хорошъ по вкусу, но и вполнѣ удобоваримъ для желудка. Наиболѣе употребительныя кушанья, приготовляемыя изъ баранины, слѣдующія: «палау», о которомъ уже было упомянуто; «шашлыкъ», приготовляемый на вертелѣ; «куардакъ», для котораго нарѣзанное небольшими кусочками мясо жарится въ жиру, при чемъ послѣдній вмѣстѣ съ мяснымъ сокомъ и небольшимъ количествомъ воды образуетъ очень вкусную подливку; затѣмъ «бёшь-бармакъ», въ которомъ къ мясу прибавляются кусочки тѣста; это кушанье ѣдятъ руками, отчего оно и получило свое названіе (бёшь—пять, бармакъ—пальцы). Существуетъ еще одинъ и, кажется, наиболѣе гастрономическій способъ приготовленія мяса, который намъ не удалось испробовать: цѣльнаго выпотрошеннаго барана, съ зашитымъ внутри его курдюкомъ кладутъ, не снимая шкуры, въ ямку на горячіе уголья; засыпавъ его слегка землею, разводятъ сверху костеръ, который и поддерживаютъ определенное время. Туша сохраняетъ такимъ образомъ въ себѣ весь сокъ и жиръ, и люди, попробовавшіе изготовленную этимъ способомъ баранину, говорятъ, что она замѣчательна вкусна.

Одна изъ хлопотавшихъ по хозяйству женщинъ была сестрою хозяина, жившей съ своею семьею въ сосѣдней

юртѣ; обѣ остальные были женами хозяина: старшая—среднихъ лѣтъ и недурна собою, вторая—совсѣмъ еще молоденькая женщина съ рѣзко выраженнымъ киргизскимъ типомъ, но довольно миловидная. «У хорошаго мужа младшая жена повинуется старшей, — говорилъ

Рис. 46. Киргизскія женщины.

хозяинъ, своимъ тономъ давая понять, что у него такъ и ведется, — а у плохого нерѣдко младшая и поколачиваетъ старшую». Въ женскомъ киргизскомъ костюмѣ бросается прежде всего въ глаза громадный бѣлый тюрбанъ, изъ легкой матеріи, такихъ обширныхъ размѣровъ, что напоминаетъ своимъ видомъ подушку, прикрученную къ головѣ. Женщины увѣряютъ, будто эти тюрбаны не

очень тяжелы, но мѣшаютъ они имъ несомнѣнно, такъ какъ онѣ часто поправляютъ ихъ руками и даже выработали особую походку, съ наклономъ впередъ и выгибомъ спины, для того, чтобы не цѣпляться въ юртѣ ежеминутно своимъ уборомъ. Изъ-подъ тюрбана съ боковъ висятъ наушники, заостренные книзу и обшитые

шнурочками и бляхами; на груди и поясѣ также навѣшаны бляхи и украшенія, на рукахъ надѣты серебряные браслеты. Халаты на женщинахъ ватные и такого же покроя, какъ у мужчинъ; толстые сапоги съ громадными подкованными каблуками доканчиваютъ ихъ нарядъ.

Нашъ хозяинъ считается богачемъ: у него больше сотни барановъ, верблюды и цѣлое стадо яковъ. Послѣдніе замѣняютъ собою лошадей и коровъ, верблюды же, кромѣ своего труда даютъ еще шерсть, изъ которой женщины ткутъ очень теплую и прочную матерію. Посидѣвъ съ полчаса, мы встали съ мѣстъ, чтобы продолжать путь, и хозяева вышли провожать насъ, причемъ «кази» держалъ поводъ моей лошади, а сестра его—стрема.

Полюбовавшись на Рангъ-Кулъ иною, болѣе красивою природою, мы вновь видѣли передъ собою унылыя Памирскія картины: почва, не то глинистая, не то песчаная, перемѣшанная съ мелкимъ щебнемъ и твердая, какъ паркетъ; растительность—рѣдкіе и низкіе пучки терескена, горы куполообразныя; кое-гдѣ изъ мягкихъ очертаній ихъ торчатъ неразрушившіеся еще скалистые гребни.

Послѣ отлогаго подъема, мы спустились въ большую долину Бюрюлюкъ, названную такъ вслѣдствіе обилия волковъ, водящихся здѣсь *), по пути валяются сотни рогъ и череповъ архаровъ, вѣроятно, смываемыхъ съ горъ. Мѣстные охотники говорятъ, что большое количество архаровъ ежегодно истребляются волками, которые, собравшись въ стаи, устраиваютъ на нихъ правильныя облавы. Нашъ переходъ сегодня невеликъ, едва въ 20 верстъ. Отъ ежедневнаго упражненія, у насъ развилась почти потребность проводить ежедневно нѣсколько

*) Бюръ—волкъ.

часовъ въ сѣдлѣ и М. М. опасается даже, что чего добраго, по прїѣздѣ въ Россію ему придется послѣ утренняго чая садиться верхомъ на стулья. Онъ увѣряетъ также, что ему въ путешествіи особенно нравится возможность утромъ «едва продравъ глаза», не одѣваясь (такъ какъ и не раздѣвался), перекатиться со своей спальной кошмы къ клеенкѣ, замѣняющей намъ

Рис. 47. Дорога на Памирахъ.

столъ, и получить порцію каши и кружку чая съ сухаремъ, а иногда и со свѣжею лепешкою.

Подъѣзжая къ намѣченной нами остановкѣ, мы еще издали увидали спѣшно собираемую для насъ юрту; когда мы приблизились, около нея суетилось нѣсколько женщинъ и ребятишекъ, изъ которыхъ одинъ, самый маленькій, былъ прехорошенькимъ пузатымъ мальчуганомъ, съ широкою добродушною мордочкою, невысморканнымъ носомъ и громадными черными глазами; онъ очень охотно взялъ изъ моихъ рукъ кусокъ шоколада

и сахара и все запихалъ себѣ въ ротъ съ явнымъ удовольствіемъ. Пока мы въ юртѣ пили чай, ребяташки устроили намъ серенаду, причемъ каждый изъ участниковъ пѣлъ самостоятельно, совершенно не интересуясь пѣніемъ сосѣда: выходило нѣчто несуразное, но тѣмъ не менѣе, каждый изъ нихъ получилъ по серебряному пятакъ, который для нихъ былъ диковиною, послѣ чего дѣтвора со всѣхъ ногъ пустилась къ аулу, вѣроятно, показывать свое пріобрѣтеніе. Близъ нашего лагеря пасутся стада кутасовъ *), громадныхъ и на видъ страшныхъ звѣрей: горбатые, рогатые, съ длинными мохнатыми хвостами, хрюкающіе по-свиному, они производятъ внушительное впечатлѣніе.

Сейчасъ я неудержимо смѣялась, наблюдая сцену знакомства кутасовъ съ нашими осликами, которые были для нихъ, вѣроятно, существами еще невиданными: одинъ по одному кутасы стали выстраиваться передъ осликами въ шеренгу, тараща глаза на маленькое ушастое животное; послѣдніе старались соблюсти свое достоинство и дѣлали видъ, что вовсе не боятся, однако, бочкомъ придвигались поближе къ юртамъ, сопровождаемые неотступно толпою удивленныхъ кутасовъ. Убѣдившись наконецъ, что спасенія нѣтъ, одинъ изъ осликовъ не выдержалъ характера и залился такимъ истерическимъ крикомъ, что привелъ своихъ преслѣдователей въ окончательное недоумѣніе.

24 іюля. Сегодня послѣдній переходъ, верстъ въ 37, къ Памирскому Посту. Охотники отправились особо, къ нимъ же присоединилась и Н. П., надѣясь полюбоваться охотою, а мы съ М. М. и нашею свитою — особо.

*) Мѣстное названіе для яковъ (*Bos grunniens*).

Проѣхали верстъ 18 по тоскливѣйшей бугристой мѣстности; вокругъ глина съ мелкими камнями и щебнемъ, кое-гдѣ пучки терескена; небольшой перевалъ, спускъ въ большую котловину, сотни валяющихся архарьихъ рогъ; воды нѣтъ нигдѣ; солнце печетъ немилосердно; скучно, а закусить уже время и отдохнуть не мѣшаетъ. Сошли мы съ лошадей и легли отдыхать на острые камни; завтракъ нашъ состоялъ изъ холодного куска жаренаго кіика (остальное забрали съ собою наши охотники) и черныхъ сухарей; помечтали о чашкѣ чая, удовольствовавшись въ дѣйствительности глоткомъ воды, которую я всегда вожу въ бутылкѣ у сѣдла. Укрыться отъ солнца рѣшительно негдѣ, а лежать на острыхъ камняхъ хуже, чѣмъ сидѣть въ сѣдлѣ.

— «Поѣдемте», сказала я черезъ четверть часа М. М.—чу.

— «Поѣдемте», грустно отвѣтилъ онъ мнѣ.

Рыжокъ мой тоже грустно и сонно мотнулъ головой, и мы двинулись дальше.

Опять небольшой подъемъ, и передъ нами раскинулась широкая долина рѣки Мургабъ. Сверху рѣка казалась синею лентою, берега ея поросли густою травою, видомъ которой Памиры такъ рѣдко балуютъ. Мы ожили; тропинка бѣжитъ вдали отъ рѣки, и опять затрусили мы съ горку на горку, по песку и камнямъ, но на душѣ уже было веселѣе: вдали мелькала голубая лента Мургаба.

Но вотъ за нами раздался топотъ скачущихъ лошадей, и черезъ минуту нагналъ насъ мужъ и Н. П. Имъ такъ надоѣло безконечное стояніе въ ущельѣ въ ожиданіи архаровъ, охота шла такъ вяло, что они бросили ее и поскакали догонять насъ. Мы оживились, бодрѣе двинулись впередъ: близость воды, а слѣдовательно и чая, отдыхъ на травѣ, а не острой галькѣ, подгоняли

нась. Хотя вдали и виднѣлся аулъ, но до него оставалось еще верстъ 5 и мы предпочли расположиться на берегу рѣки. Здѣсь, наконецъ, осуществились наши мечты о чаѣ, который на этотъ разъ былъ, впрочемъ, исключительно скверенъ, такъ какъ *кипятился* въ желѣзномъ ведрѣ. Мургабъ—рѣка довольно широкая, съ быстрымъ теченіемъ; но въ противоположность горнымъ рѣкамъ, кото-

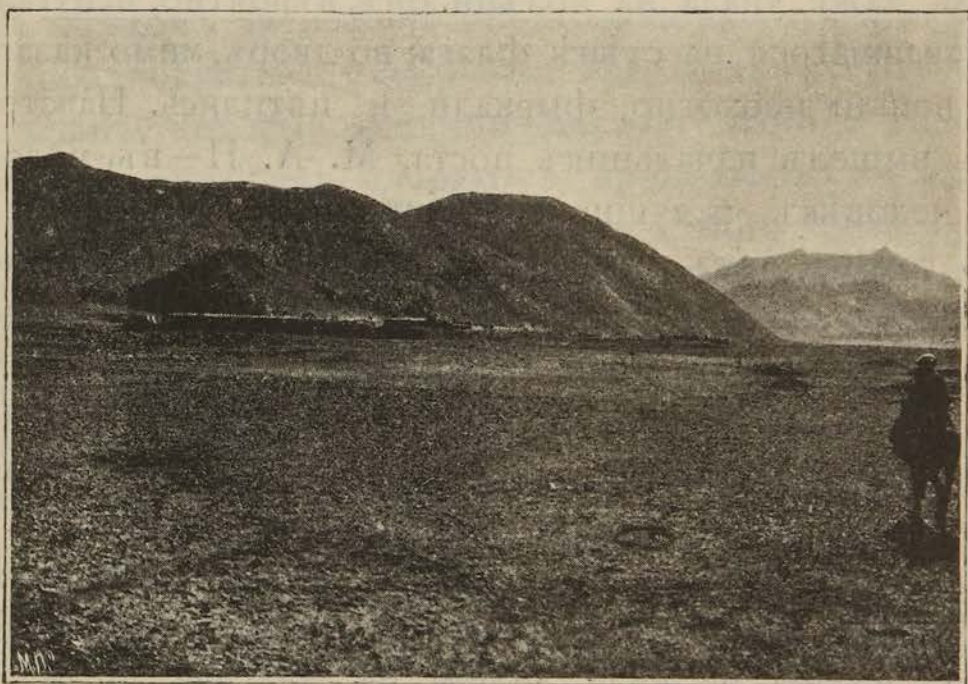

Рис. 48. Памирскій Постъ издали.

рая мы видѣли за этотъ мѣсяцъ, она не бурлитъ и не мечется, а спокойно и ровно катитъ свои молочно-голубыя воды. Верстахъ въ 8 отъ нашей остановки, у самаго Памирскаго Поста, сливаются двѣ рѣки: Акъ-Су и Акъ-Байталъ и, слившись, получаютъ названіе Мургаба, который есть одно изъ верховій Аму-Дарьи.

Черезъ часъ мы подъѣзжали къ Посту; здѣсь долина замыкается голыми, неприютными горами, зелени нѣтъ, если не считать кочковатаго болота подъ самыми стѣнами укрѣпленія. Послѣднее сооружено на высокой на-

сыпи, окруженной глинобитными стѣнами и широкимъ рвомъ; внутри виднѣются казармы и жилые дома: всѣ зданія одноэтажныя, изъ сѣрой глины, подъ цвѣтъ окружающей природы. Лошади такъ отвыкли за этотъ мѣсяцъ отъ всякихъ построекъ, что подѣзжая ко двору укрѣпленія, сильно беспокоились, не хотѣли входить и вдругъ всѣ четыре кинулись въ сторону, причемъ моя отъ страха даже упала на колѣни: онѣ, вѣроятно, испугались развѣвавшагося на стѣнѣ флага; во дворъ, мимо казармъ, онѣ вошли неохотно, фыркали и пятились. Навстрѣчу намъ вышелъ начальникъ поста, М. А. Н—въ, молодой еще человѣкъ, радушно сообщившій, что помѣщеніе для насъ готово, такъ какъ онъ былъ уже предувѣдомленъ о нашемъ пріѣздѣ (киргизы ему рассказали, что, кромѣ остальныхъ, ѣдутъ «одна марджамъ», т.-е. одна дама,—это я, и одинъ офицеръ,—это Н. П., которая прослыла за офицера, вѣроятно, благодаря своей бѣлой папахѣ). Въ нашемъ распоряженіи оказалось три комнаты, въ которыхъ мы и расположились съ давно невиданными удобствами. Какъ-то неловко намъ было послѣ юрты и кошмъ ходить по полу, сидѣть на стульяхъ и за столомъ, а всего страннѣе было спать на постеляхъ съ простынями и безъ платья.

Въ настоящую минуту, кромѣ начальника и команды солдатъ, на посту находились: полковникъ, завѣдующій артиллеріей П—ъ, и казачій сотникъ Л—въ. Докторъ, помѣщеніе котораго мы занимали, уѣхалъ въ отпускъ.

25 *іюля*. Рано утромъ получено извѣстіе, что завтра сюда прибудетъ для ревизіи штабный генералъ въ сопровожденіи офицеровъ генеральнаго штаба. Большая сенсація. Начальникъ поста въ страшныхъ хлопотахъ: все чистятъ, метутъ, провѣряютъ. [Послѣ обѣда пору-

чикъ Л—въ отправился за 25 верстъ навстрѣчу генералу. Мы собрались было выступать завтра, такъ какъ ничто болѣе насъ здѣсь не задерживаетъ, занимаемое же нами помѣщеніе можетъ оказаться необходимымъ для генерала и его офицеровъ, но М—ву очень хочется пробыть еще денекъ, да и хозяева наши убѣждаютъ подождать, и помочь имъ занимать почетнаго гостя. Рѣшили остаться.

За обѣдомъ артиллерійскій полковникъ говорилъ, что ему неоднократно доводилось встрѣчать на Памирахъ англичанъ, которые всякими дозволенными и недозволенными способами стараются проникнуть въ русскія владѣнія; ихъ, впрочемъ, и не особенно беспокоятъ. Однажды былъ задержанъ послѣ продолжительнаго пребыванія на русскихъ Памирахъ завѣдомый шпіонъ, но при обыскѣ у него была найдена лишь маленькая, не имѣющая важнаго значенія карта, все же сколько-нибудь цѣнное онъ успѣлъ, очевидно, переслать своимъ заранѣе. Его арестовали, и обязавъ честнымъ словомъ немедленно отправиться въ Маргеланъ, великодушно отпустили: въ Маргеланъ онъ ѣдетъ еще и по нынѣ. По словамъ того же полковника, положеніе солдатъ сипаевъ, сопровождавшихъ англійскаго представителя Жерара во время работъ разграничительной комиссіи было весьма печальнымъ: въ зимнюю стужу, въ то время, когда наши солдаты одѣты въ полушубки, длинные тулупы, мѣховыя шапки и валенки, тѣ несчастные щеголяли въ короткихъ бумажныхъ штанахъ, съ ногами обутыми въ сандалии и обмотанными до колѣнъ шерстяною тесьмою. На нихъ жалъ было смотрѣть: мерзли они страшно; продовольствіе ихъ было нищенскимъ. Не мѣшаетъ помнить, что рядомъ, у солдатъ же на глазахъ, начальство ихъ путешествуетъ со всевозможнымъ комфортомъ и роскошью. Англійскіе офицеры и генералы

обращались со своими солдатами надменно и до крайности жестоко.

Жизнь обитателей Поста крайне незавидна: судьба закинула этихъ, еще молодыхъ и сильныхъ людей въ такой уголокъ земного шара, куда всякія свѣдѣнія извнѣ проникають лишь спустя долгіе мѣсяцы: они словно отрѣзаны отъ остального міра. Обстановка, въ которой имъ приходится коротать время, крайне скромна, почти убога; кромѣ нѣсколькихъ книгъ, заученныхъ ими чуть не на память, и двухъ-трехъ газетъ, сообщающихъ давнишнія свѣдѣнія, читать нечего; свободнаго же времени у нихъ больше, чѣмъ нужно, такъ какъ при всемъ желаніи, заняться тамъ рѣшительно нечѣмъ. Дѣлались попытки культивированія какихъ-нибудь овощей, хотя бы картофеля, но климатъ настолько суровъ, что попытки эти не привели ни къ какимъ результатамъ. Все, что требуется обитателямъ Поста для жизни, привозится имъ изъ-за сотенъ верстъ караваннымъ способомъ.

До сихъ поръ мы еще не рѣшили, какимъ путемъ пойдѣмъ отсюда: не хочется идти старою, знакомою дорогою черезъ оз. Кара-Куль, несравненно любопытнѣе былъ бы новый путь по р. Пшартъ до Кара-Булака, черезъ перевалы Каинды (16.200 ф.), или Кизилъ-Белесъ (14.700 ф.), съ тѣмъ, чтобы пересѣчь Алайскую долину по направленію къ Дараутъ-Кургану; противъ этого, однако, маршрута возсталъ поручикъ М—въ, а за нимъ и всѣ обитатели Памирскаго Поста. По ихъ словамъ, путь этотъ совершенно неодолимъ для вьючныхъ животныхъ: тропинки мѣстами настолько узки, что лошади срываются съ нихъ въ пропасти; на перевалѣ Каинды ген. Іоновъ потерялъ болѣе половины вьючныхъ лошадей; о переправѣ же черезъ р. Мургабъ нечего и думать, особенно съ верблюдами. Вотъ что намъ предсказываютъ; все это впрочемъ говорится по наслышкѣ, такъ какъ лично ни-

кто изъ присутствующихъ въ тѣхъ мѣстахъ не бывалъ. Зная, однако, по опыту, что не всякимъ запугиваніямъ надо вѣрить, принимая во вниманіе то обстоятельство, что мы не отрѣзаемъ себѣ пути къ отступленію и во всякую минуту можемъ повернуть обратно, мы, кажется, рѣшаемъ все-таки идти на Пшартъ.

26 *іюля*. Генераль-ревизоръ оказался дутымъ: вмѣсто него сотникъ Л — въ встрѣтилъ ветеринарнаго врача, проѣзжающаго по своей надобности въ сопровожденіи двухъ киргизовъ. Къ обѣду подѣхалъ и виновникъ переполоха. Насъ опять пугали карнизами, переправами и висячими на доскахъ переходами. Когда мужъ выразилъ намѣреніе пройти завтра до перевала Пшартъ и за нимъ остановиться на ночевку, всѣ вновь и дружно возстали, увѣряя, что до перевала верстъ 50; когда же онъ сослался на карты (свою 10-верстную и маршрутную, принадлежавшую ветеринарному врачу), по которымъ до спорнаго пункта значилось всего 28 верстъ, врачъ рѣшительно заявилъ, что всѣ карты врутъ, что онъ бывалъ тамъ не разъ и за 45 верстъ ручается; М — въ утверждалъ, что ни одна выючная лошадь не одолѣетъ въ день этого перехода, а его солдаты-охотники придутъ только къ ночи. Съ проводниками намъ также не везетъ: Алимъ-Бай досталъ было киргиза, который провелъ по этому пути большой караванъ и согласился вести и насъ, но черезъ часъ тотъ же киргизъ отказался подъ тѣмъ предлогомъ, что черезъ Мургабъ мы переправиться не сможемъ, такъ какъ «тамъ вода очень толстый» (много воды). Вообще чувствуется настойчивое противодѣйствіе нашему намѣренію идти этимъ путемъ. Въ чемъ же собственно дѣло?

Запасаемся здѣсь сахаромъ и ячменемъ.

ГЛАВА VIII.

*Перевалъ Пиартъ.—Охотничья команда покидаетъ насъ.—
Вдоль рѣки Пиартъ.—Карнизъ.—Приключеніе съ Андре-
емъ.—Переправа черезъ р. Муриабъ.—Конечный пунктъ на-
шего пути.*

27 іюля. Вышли довольно поздно, часовъ въ 9 утра, но все же вышли. Верстахъ въ 20 оказался аулъ изъ нѣсколькихъ юртъ; туда мы и направились, чтобы заку- сить и передохнуть. Въ аулѣ находились однѣ женщи- ны, мужчины по обыкновенію гдѣ-то шатались. Одну изъ юртъ намъ сейчасъ же освободили и мы поспѣ- шили укрыться въ ней отъ пронизывающаго холоднаго вѣтра; зашумѣлъ нашъ кунганъ, появилась обычная за- куска въ видѣ холодной баранины и каймака. Отдох- нувъ часа два и купивъ про запасъ барана, двинулись дальше въ сопровожденіи киргиза въ качествѣ провод- ника; для этой цѣли онъ, кажется, вполнѣ бесполезенъ, такъ какъ не имѣетъ понятія объ этомъ пути, но по- крайней мѣрѣ на его сѣдло взвалили живьемъ вновь купленнаго барана.

Не успѣли мы отѣхать 2—3 верстъ, какъ увидели мчавшагося намъ навстрѣчу керекеша ушедшаго впе- редъ каравана: онъ махалъ руками, что-то кричалъ и вообще являлъ признаки величайшаго волненія; нако- нецъ, до насъ донеслись слова: «аркаръ, аркаръ» *).

*) Архаръ—дикій баранъ, *Ovis Polii*.

Этого, конечно, оказалось достаточнымъ для того, чтобы большая часть нашей компаніи, не исключая прислуги и даже киргиза съ бараномъ поперекъ сѣдла, сорвалась съ мѣста и ринулась по направленію къ ущелью, на которое указывалъ керекешъ; остались только мы съ Н. П., да Ташметъ съ казакомъ Дмитріемъ. Однако намъ, оставшимся, посчастливилось больше, чѣмъ уѣхавшимъ: вскорѣ мы замѣтили довольно большое стадо архаровъ, медленно пробиравшееся по гребню горы параллельно нашему пути: оно, очевидно, замѣтило опасность, грозившую ему со стороны ущелья. Минуть черезъ десять встрѣтилось два другихъ небольшихъ стада, по склону горы поднимавшихся къ гребню. Дмитрій воспылалъ охотничьемъ рвеніемъ и далъ по нимъ нѣсколько выстрѣловъ, но пули ложились то выше, то ниже, взрывая столбики пыли; стадо каждый разъ бросалось впередъ, затѣмъ пріостанавливалось и продолжало подниматься прежнимъ медленнымъ шагомъ; 9 зарядовъ выпустилъ Дмитрій, не обидѣвъ ни одного животнаго. Остальная компанія скоро нагнала насъ, такъ и не видавъ архаровъ.

Пройдя отъ аула всего верстъ 8—9, мы поднялись по небольшому подъему и, къ удивленію нашему замѣтили, что находимся на перевалѣ, служащемъ и водораздѣломъ: двѣ рѣки текли съ него въ противоположныхъ направленіяхъ. Это и былъ тотъ самый перевалъ Пшартъ, который долженъ былъ, по увѣренію М—ва и присутствовавшихъ на Памирскомъ Посту, отстоять отъ послѣдняго на 50 верстъ. Карты не ввали, до него дѣйствительно было не болѣе 28 верстъ. Большая часть пути шла ущельемъ, широкимъ вначалѣ и суживающимся впослѣдствіи; по дну его, съ перевала, изъ бокового ущелья течетъ р. Пшартъ, довольно широкая, бурная, съ

цѣлымъ рядомъ маленькихъ водопадовъ — характерно горная рѣка.

Спустившись съ перевала, остановились на ночевку; вьюки пришли почти одновременно съ нами. Мѣсто, выбранное нами, очень незаманчиво: растетъ исключительно терескенъ, отъ непрерывно дувшаго вѣтра хорошей защиты не было. М—въ съ солдатами дорогой охотился, благодаря чему подошелъ нѣсколько позднѣе, убивъ двухъ архаровъ.

28 *іюля*. Сегодня выяснилась для насъ причина запугиваній, невозможности найти проводника и пр.: это нужно было М—ву, которому не хотѣлось идти этимъ путемъ. Сегодня утромъ передъ выступленіемъ, онъ пытался задержать насъ на дневку, но такъ какъ запасные дни у насъ наперечетъ, а также въ виду возможной необходимости вернуться на Памирскій Постъ и потерять такимъ образомъ нѣсколько дней на обратный путь, согласиться на эту безпричинную остановку было бы неразумно. Только теперь, испробовавъ всѣ окольные пути и убѣдившись въ ихъ бесполезности, М—въ заявилъ мужу прямо, что къ Пшарту онъ съ нами не пойдетъ, а вернется со своею командою прежнимъ путемъ, и что только имъ будто бы уполномоченъ сопровождать насъ. Это была нѣсколько непріятная неожиданность, но ставить нашъ маршрутъ въ зависимость отъ этого обстоятельства не видѣлось необходимости. Опасности какихъ бы то ни было нападеній, при которыхъ потребовалась бы вооруженная защита, не предвидится, а потому мы рѣшили перешагнуть и черезъ это препятствіе, продолжая путь безъ охотничьей команды. Что, собственно, побудило М—ва поступить такимъ страннымъ образомъ, такъ и не выяснилось: бо-

ялся ли онъ за безопасность своей команды, или можетъ быть ему надоѣло передвиженіе и захотѣлось поскорѣе домой, Господь вѣдаетъ. Больше всего пожалѣли мы съ Н. П. о нашихъ двухъ казакахъ, которыхъ М—въ почему-то также счелъ необходимымъ взять съ собою, хотя они подъ его командой и не находились: все время пути они оба были намъ очень полезны.

Впередъ подвинулись мы сегодня верстъ на 20. Характеръ мѣстности рѣзко измѣнился, и горы кругомъ стали скалистыми съ зубчатыми гребнями. Мы шли все время по широкому ущелью, дно котораго занято русломъ рѣки; Ишартъ здѣсь не широкъ, но очень извилистъ и, принимая въ себя по пути массу ручьевъ и рѣчушекъ, мечется все время отъ одного края ущелья къ другому, становясь намъ ежеминутно поперекъ дороги. Дорога эта непріятна для лошадей, такъ какъ идетъ все время по водѣ и рѣчной галькѣ; въ часъ дѣлали не болѣе 4—5 верстъ. Сильный вѣтеръ дулъ безостановочно въ лицо, но мы уже замѣтно спускаемся: воздухъ становится мягче, терескенъ кустистѣе и выше, появилась трава въ родѣ нашего ковыля, и наконецъ показался древесный кустарникъ-тальникъ; это было на высотѣ около 12000 футовъ. Видѣли по дорогѣ слѣды медвѣдя и волчицы съ волченкомъ.

29 *юля*. Сейчасъ же за мѣстомъ нашей стоянки начался какой-то хаосъ: камни большіе и маленькіе, острые и круглые, нагромождены другъ на друга; казалось, что лошадь не можетъ пройти здѣсь, не переломавъ себѣ всѣхъ четырехъ ногъ; наша русская — такъ бы конечно и сдѣлала, но на здѣшнюю можно положиться. Поэтому я въ затруднительныхъ случаяхъ предпочитаю давать лошади полную свободу въ выборѣ пути, натяги-

вая поводя лишь настолько, чтобы поддержать ее, если бы она споткнулась. Истинное удовольствіе доставляет мнѣ при этомъ наблюдать, какъ животное, вытянувъ шею и внимательно осматривая дорогу, выбираетъ наиболѣе удобный проходъ, ставя ногу съ величайшею осторожностью. На маленькихъ и безопасныхъ пригоркахъ мой Рыжокъ (такъ зовутъ мою лошадь) имѣетъ обыкновеніе

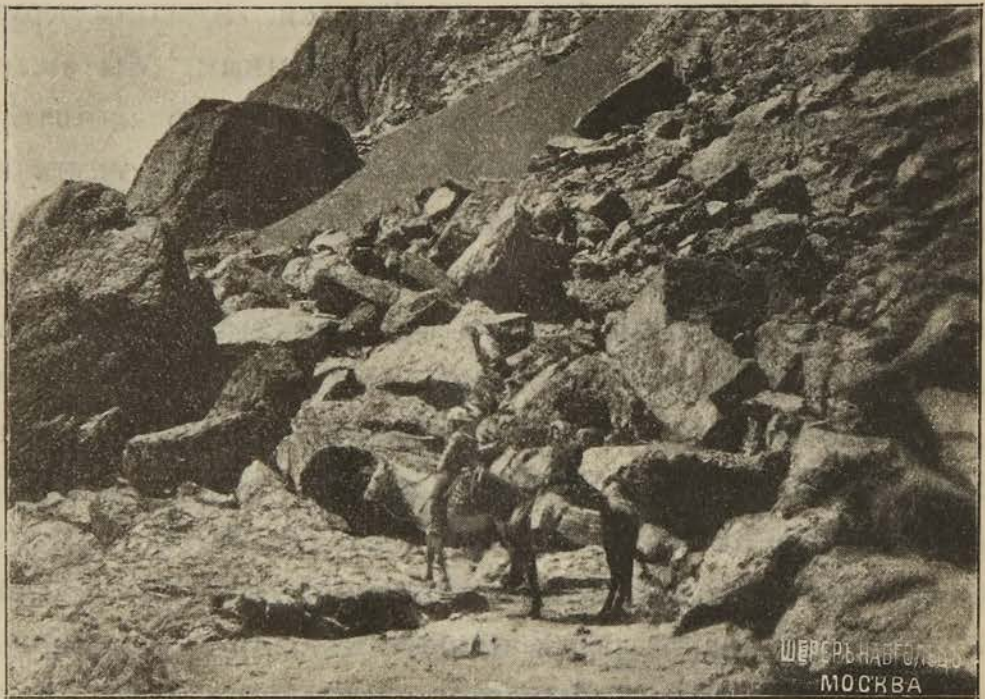

Рис. 49. Каменистый путь.

рѣзвиться и, если его заблаговременно не остановить, онъ несется подъ гору и на гору вскачь; зато на крутыхъ спускахъ онъ едва передвигается, все время внимательно осматривая дорогу.

Горы, окаймляющія ущелье, сдвинулись и образовали нѣчто вродѣ коридора съ громадными отвѣсными стѣнами. Выбирать дорогу уже болѣе не приходилось, шли напрямикъ, поминутно залѣзая въ воду: не считая притоковъ и мелкихъ рукавовъ, самую рѣку пересѣкли

23 раза. Глубина ея не велика и въ самыхъ глубокихъ мѣстахъ вода достигаетъ лишь брюха лошади, большею же частью она мельче; лошади воды не боятся, и Рыжокъ, брезгливо обходящій всякую лужицу или грязное мѣсто, идетъ въ воду, нимало не задумываясь, какъ бы она ни была глубока.

Нашъ киргизъ продолжаетъ ѣхать впереди, какъ настоящій проводникъ, хотя свѣдѣнія и таланты его для этой роли совершенно недостаточны; но вотъ онъ повернулъ лошаденку и взволнованно спѣшитъ сообщить намъ, что дальше «юль йокъ» (дороги нѣтъ). По изслѣдованіи дѣйствительно оказалось, что намъ пересѣкала дорогу широкая рывина съ совершенно отвѣсными краями, очевидно промытая водою; пришлось спуститься внизъ къ рѣкѣ и лишь тамъ удалось объѣхать ее. «Мы-то перебрались, — думалось каждому изъ насъ, — но выючныя лошади, но верблюды?» Особенно опасались за послѣднихъ: они тяжело нагружены, ихъ широкія, мягкія подошвы должны были сильно пострадать за этотъ переходъ по сплошнымъ острымъ камнямъ; одинъ изъ нихъ еще вчера порѣзалъ себѣ ногу, а въ случаѣ большихъ затрудненій верблюдъ ложится и тогда заставить его встать почти невозможно; такъ и было подъ Гульчею, гдѣ пришлось перемѣнить верблюда.

Обойдя это препятствіе, мы остановились, чтобы передохнуть и дождаться каравана, который слѣдовалъ не далеко за нами. Мѣсто для остановки славное: есть трава, кустарникъ, есть даже невысокія березки, нѣжныя и стройныя, много сушняка, слѣдовательно, есть, чѣмъ развести костеръ. Пока мы закусывали и съ тоскою поглядывали въ ту сторону, откуда должны были придти выюки, изъ-за скалы вдругъ показался Алимъ-бай и слышался своеобразный свистъ, которымъ керекешъ под-

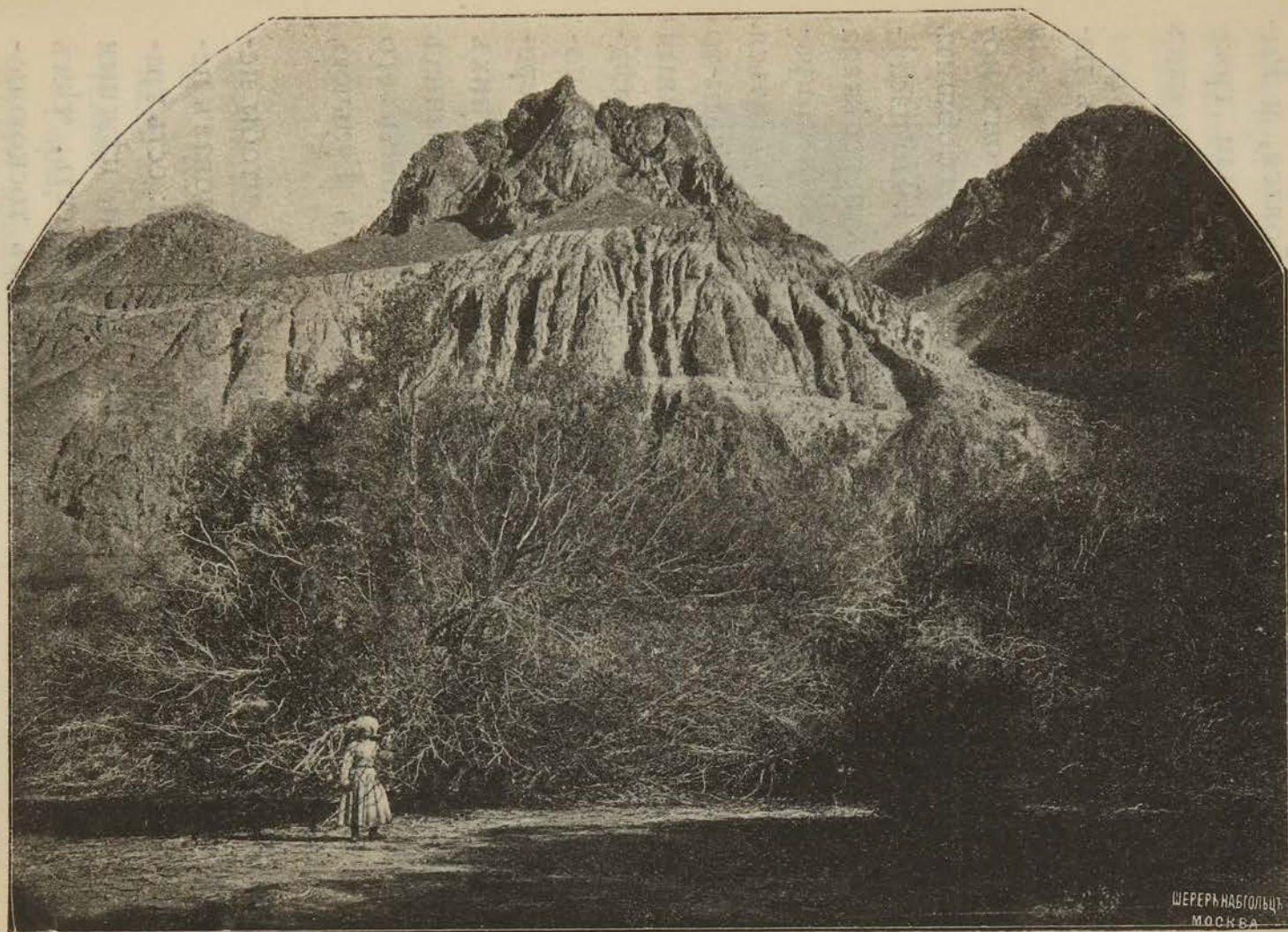

Рис. 50. Заросли близъ устья р. Пшартъ.

гоняетъ и ободряетъ своихъ животныхъ. Музыкаленъ показался намъ этотъ свистъ и живописенъ Алимъ-бай въ своихъ желтыхъ штанахъ и войлочной шляпѣ: препятствіе побѣждено, и караванъ приближался къ намъ. Пропустивъ его мимо себя, мы посидѣли еще немного и двинулись далѣе. До сихъ поръ путь тяжелъ, но опасности для жизни людей или животныхъ еще не представлялъ.

Во второй половинѣ этого перехода пришлось намъ, однако, провести нѣсколько весьма непріятныхъ минутъ. Рѣка стала многоводною, разлилась и покрыла все свое русло, такъ что приходилось обходить ее по склону горы, забираясь по тропинкѣ все выше и выше. При поворотѣ ущелья почти подъ прямымъ угломъ, свободный доселѣ протокъ воды запруженъ точно плотиною нагроможденными камнями, сквозь которые вода прорывается высокимъ водопадомъ; благодаря этой запрудѣ и вновь расширившемуся ущелью, рѣка образовала въ этомъ мѣстѣ озеро (Сасыкъ-Куль). Вода въ немъ удивительно яркаго зеленаго цвѣта, тихая и спокойная, отражавшая, какъ въ зеркалѣ, прибрежныя скалы и небо съ легкими облачками. Я ѣхала впереди, почти не глядя подъ ноги лошади, поднимаясь все выше надъ озеромъ, спѣша наглядѣться во всѣ глаза и запомнить на всю жизнь картину, подобную которой врядъ ли увижу еще. Едва замѣтная тропинка точно обрывалась въ пустое пространство: она круто сворачивала куда-то влѣво по склону горы, но такъ какъ мы уже условились съ Рыжкомъ, что я не буду мѣшать ему въ выборѣ дороги, я продолжала смотрѣть по сторонамъ. Вотъ лошадь обогнула высокій угловой утесъ, сдѣлала нѣсколько шаговъ и тутъ только я замѣтила, что дѣло приняло непріятный оборотъ: передо мною тропинка *меньше полуаршина*

шириною, съ легкимъ наклономъ кнаружи; слѣва—крутой откосъ кверху, покрытый сыпучимъ, острымъ щебнемъ; справа—отвѣсный обрывъ къ водѣ, плескавшейся далеко внизу. Этотъ глинистый уступъ поднимался все выше; мѣстами дождевая вода размыла въ немъ треугольники, сквозь которые виднѣлась пустота—это былъ такъ называемый карнизъ.

Отступленія не было: ни повернуть лошади, ни сойти съ нея уже не было возможности, да и пройти пѣшкомъ по такому приспособленію я чувствовала себя совершенно неспособною. Посмотрѣла я на самую тропинку, на которой едва умѣщались ноги лошади, взглянула въ пустоту направо и... дѣло прошлое, мнѣ стало страшно до тошноты. Лошадь идетъ спокойно, лишь настороживъ уши и осторожно переступая черезъ размытые треугольники; особенно жутко было на поворотахъ. Разговоры позади меня стихли; хотѣлось посмотрѣть цѣлы-ли, здѣсь-ли всѣ остальные, но я не смѣла обернуться, боясь неловкимъ движеніемъ нарушить равновѣсіе лошади. Мы двигались въ полномъ молчаніи, и эти 15—20 минутъ показались безконечно долгими. Вотъ опять поворотъ—что-то за нимъ? А за нимъ откосъ горы сталъ болѣе пологимъ, тропинка расширилась, я уже чувствую себя на твердой почвѣ, еще минута, другая, и всѣ въ безопасности; проѣхали молча еще нѣсколько шаговъ, стараясь привести свои нервы въ равновѣсіе.

По словамъ людей бывалыхъ, такой карнизъ не изъ худшихъ: самые непріятные лѣпятся по скаламъ, при чемъ съ одной стороны—обрывъ, а съ другой—отвѣсная стѣна; въ этомъ случаѣ, не только нечего думать о проходѣ навьюченной лошади, но и самому всаднику, за недостаткомъ мѣста, приходится перекидывать ногу по-дамски, къ наружной сторонѣ тропинки. Не берусь судить о чув-

ствѣ, которое долженъ испытывать человѣкъ, пробирающійся по скалистому карнизу, но нахожу, что и глинистый въ достаточной мѣрѣ скверенъ.

За все время пути намъ, къ счастью не пришлось познакомиться съ обѣщанными намъ «балконами». Они являются искусственнымъ сооруженіемъ и устраиваются слѣдующимъ образомъ: въ скалѣ, которую необходимо обойти,

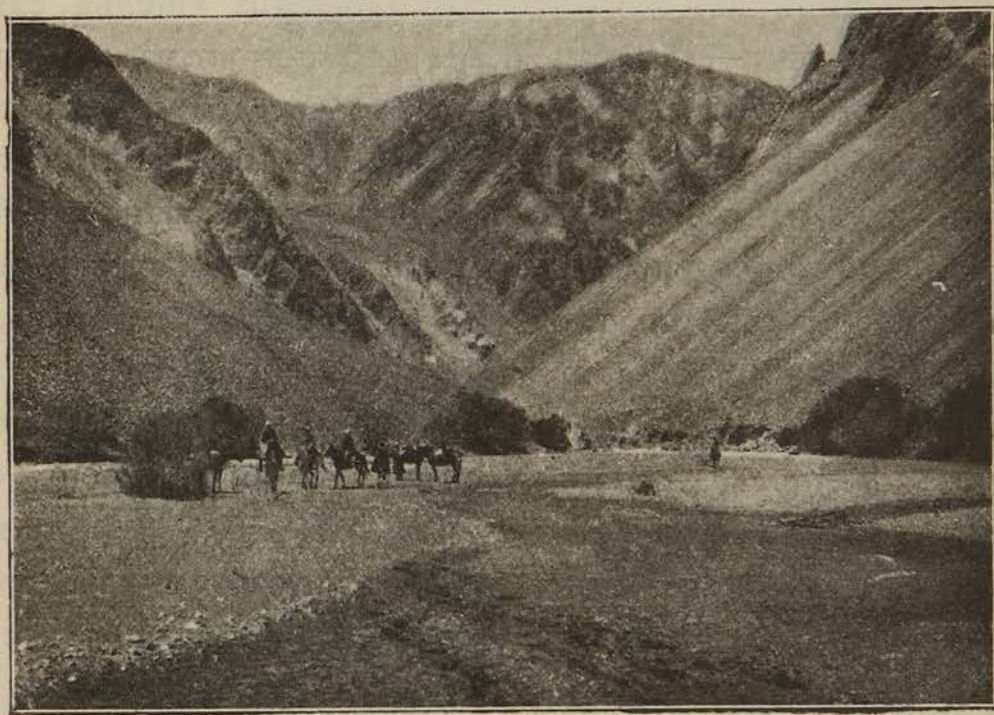

Рис. 51. Низовья р. Пшартъ.

и представляющей собою отвѣсную стѣну, забиты подъ прямымъ угломъ нетолстыя бревна, закрѣпленныя слѣдовательно лишь однимъ концомъ; другой же торчитъ на воздухѣ, не имѣя ни подкосовъ, ни подпорокъ. На эти бревна положены доски, или толстыя жерди—и балконъ готовъ. Предлагается желающимъ, отдавъ себя на волю Божію, перебираться черезъ пропасть по этимъ жердочкамъ. Существуетъ приспособленіе, если и еще менѣе привлекательное, чѣмъ «балконъ», за то поражающее

своею простотою: въ такую же скалистую стѣну забить рядъ отдѣльныхъ колышковъ и... больше ничего. Хватаясь за эти колышки руками, и болтая ногами надъ пропастью, путникъ въ висячемъ положеніи передвигается по этой стѣнѣ, иногда на разстояніи десятка и болѣе саженой.

Когда мы добрались до вершины горы, передъ нами открылась обширная картина: сходилось два ущелья, сливались двѣ рѣки—Пшартъ и Мургабъ; кругомъ—скалы, желтыя, коричневыя, черныя, нѣкоторыя со снѣжными вершинами. Съ этого мѣста начинается спускъ въ рѣчную долину, одно мѣсто которой казалось оазисомъ въ этомъ каменномъ царствѣ: зеленѣла трава, виднѣлись деревца и кустарники; тамъ мы и рѣшили разбить лагерь, такъ какъ лошадей необходимо покормить: подножнаго корма онѣ давно уже не видали и живутъ однимъ ячменемъ, а впереди опять камни и переправа, та самая страшная переправа, на которой, по общему предсказанію, мы должны погибнуть; это будетъ завтра. Сегодня же мы спустились, прошли по зарослямъ тальника и остановились для ночлега на лужайкѣ, съ чудною, сочною травою. Черезъ часокъ появились наши вьюки... и верблюды; эти незамѣнимыя животныя одолѣли всѣ трудности и безропотно дотащили свой грузъ. Ослики всущности состоятъ при караванѣ въ качествѣ туристовъ: они успѣли настолько завладѣть симпатіями Алимъ-бая, что пользуются совершенно исключительными привилегіями и не несутъ никакого груза, но зато взяли на себя обязанности вожатыхъ каравана и всегда идутъ впереди; иногда они, не обращая вниманія на упреки Алимъ-бая, отправляются вдвоемъ искать себѣ дороги по душѣ и почти всегда выбираютъ кратчайшимъ путемъ.

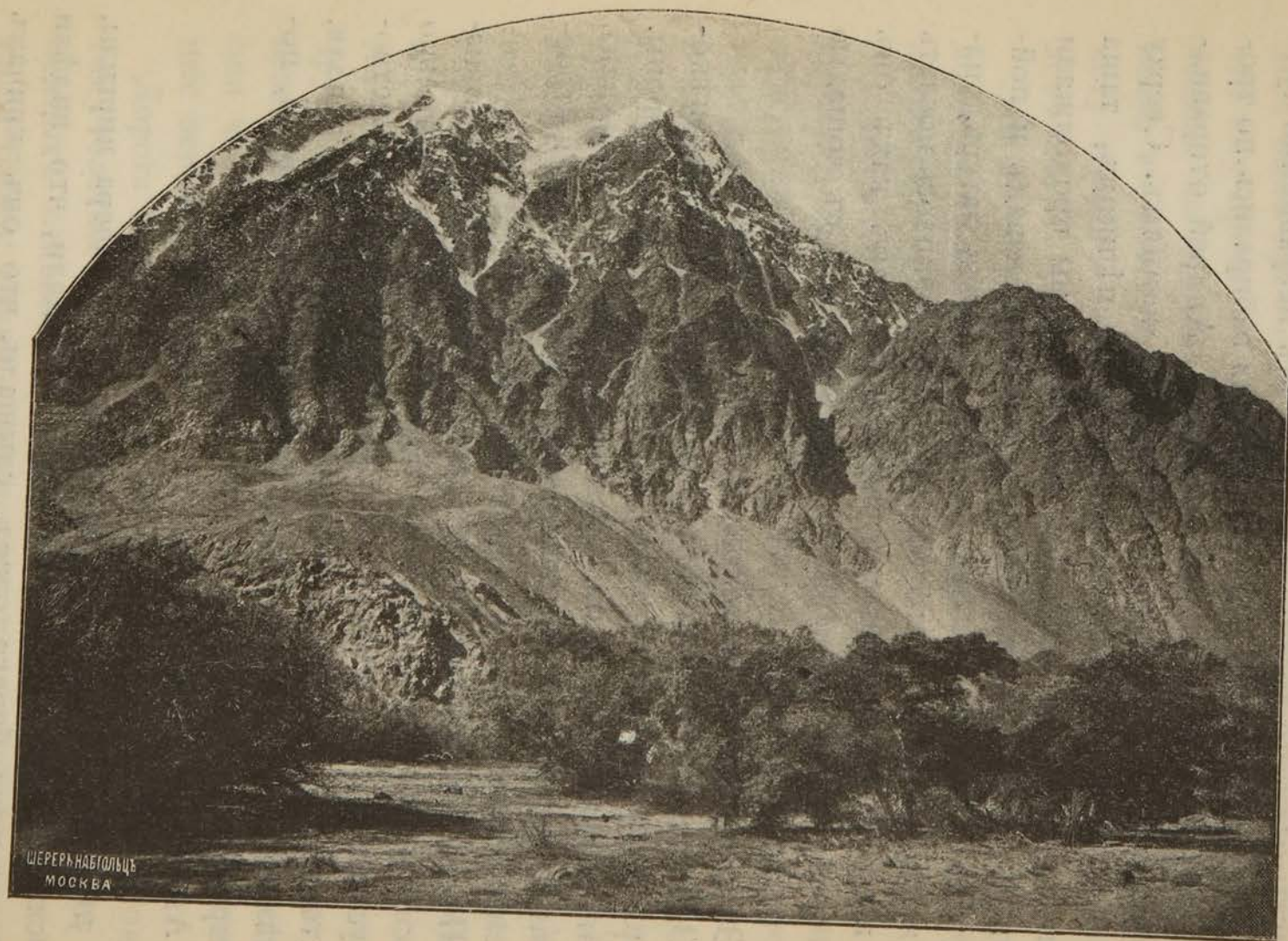

Рис. 52. Близъ устья р. Пшартъ.

Не такъ счастливъ Андрей: онъ всегда стремится, при выборѣ дороги, къ такой же самостоятельности, какъ и туристы-ослы, но достигаетъ при этомъ несравненно худшихъ результатовъ: когда мы сегодня взбирались по тропинкѣ, приведшей насъ къ карнизу, Андрей отправился низомъ по водѣ и прибрежнымъ камнямъ. Сверху мы еще видѣли, какъ онъ пробирался пѣшкомъ, таща за поводъ упиравшуюся лошадь; затѣмъ мы продолжали путь въ увѣренности, что онъ вернется назадъ и поидетъ по нашимъ слѣдамъ, но мы разбили лагерь, наступили сумерки, а его все не было. Пришлось послать за нимъ двухъ киргизовъ на поиски, такъ какъ онъ могъ сорваться съ карниза или завязнуть съ лошадью въ илистой озерной глинѣ.

За сегодняшній переходъ сдѣлали 30 верстъ.

Здѣсь невѣроятное обиліе зайцевъ: изъ-подъ нѣкоторыхъ кустовъ они такъ и сыпятся во всѣ стороны. Они значительно отличаются отъ нашего зайца, какъ меньшими противъ послѣдняго размѣрами, такъ и строеніемъ головы; мясо ихъ бѣлѣе и очень вкусно.

Пообѣдавъ любимымъ «палау», который особенно искусно изготовилъ сегодня Мурза (мы уже настолько спустились, что рисъ разваривается вполне удовлетворительно), и напившись чаю, улеглись спать. Ночь теплая, звѣздная, кругомъ скалы, шумитъ неумолчно рѣка, пофыркиваютъ лошади.

Андрея все еще нѣтъ.

30 *юля*. Поздно вечеромъ вернулись вчера киргизы, посланные на розыски Андрея и передали, что видѣли его на томъ берегу озера, слышали, что онъ кричалъ имъ что-то по-русски, но вернулись назадъ, не рѣшившись въ наступившую темноту ѣхать далѣе. Пришлось

сегодня утромъ послать киргизовъ за Андреемъ вторично и они наконецъ привезли его; виновникъ переполоха былъ мраченъ и хромалъ. Только послѣ мы узнали, что ему пришлось претерпѣть всякія невзгоды: онъ ночевалъ на камняхъ, еле выбравшись съ лошадью изъ воды, въ которую скатился, оборвалъ платье, расшибъ ногу и, наконецъ, голодный и измученный, былъ найденъ посланными за нимъ киргизами.

Эти киргизы увѣряютъ, что на переправѣ мы «всѣмъ подохнемъ»; надѣюсь однако, что не дойдемъ до этой крайности.

5 часовъ вечера. Сегодня переправиться не удалось: дорога была убійственная. Вышли поздно, такъ какъ мужу необходимо было сдѣлать еще нѣсколько фототеодолитныхъ снимковъ, двигались по острому щебню и камнямъ, поминутно поднимаясь и спускаясь; одинъ изъ верблюдовъ наконецъ легъ, вѣрнѣе упалъ, на узкую тропинку,—надо было снять съ него часть груза. Хватились туристовъ-осликовъ, чтобы и ихъ заставить принять участіе въ общихъ трудахъ, но нашли ихъ не тотчасъ: они ушли далеко впередъ и вдвоемъ играли и рѣзвились на просторѣ. Несмотря на заступничество Алимъ-бая, ихъ изловили и нагрузили, одного ячменемъ, другого всѣми рогами архаровъ и кіиковъ, которые мы веземъ съ собою: съ надутымъ и обиженнымъ видомъ они чинно отправились впередъ. Нѣсколько облегченные верблюды встали и двинулись.

Дорога далѣе шла по неровному склону горы, покрытому толстымъ слоемъ мелкихъ и крупныхъ острыхъ каменныхъ осколковъ, въ которые нога лошади уходила выше бабки; камни сыпались изъ-подъ ногъ и животныя выбивались изъ силъ. Трудно было допустить мысль, чтобы навьюченные лошади и особенно верблюды могли

пройти здѣсь, и мы, дойдя до конца отсыпи, остановились подождать ихъ; но немного спустя изъ-за бугра показались ослики, за ними вьючныя лошади и, наконецъ, важною, горделивою поступью верблюды. Приходилось теперь же спускаться внизъ къ рѣкѣ и искать переправы, такъ какъ дальше громадная скала загораживала намъ путь и обрывалась отвѣсно въ воду, а на

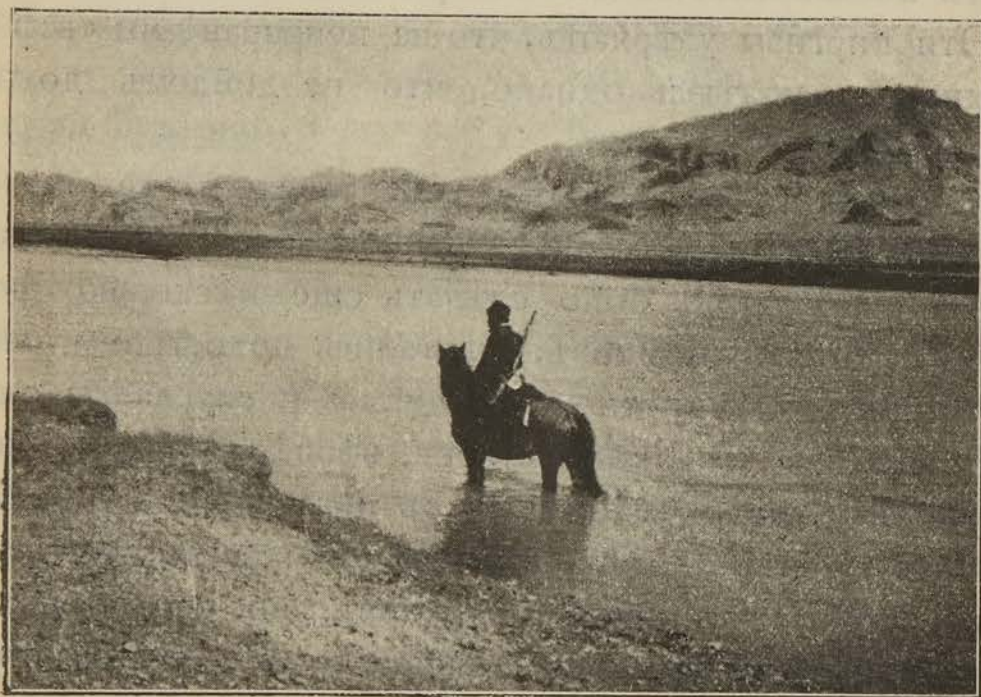

Рис. 53. Рѣка Мурчабъ.

противоположномъ берегу по горѣ вилась едва замѣтная тропинка.

Продравшись верхомъ по зарослямъ тальника и высокихъ кустарниковъ, которые царапали лицо и руки, и перейдя узкій и мелкій рукавъ рѣки, мы очутились на большой отмели передъ самымъ русломъ р. Мургабъ: вчерашнія переправы были, конечно, шуткою сравнительно съ этою и киргизъ былъ кажется правъ, собираясь на ней «подохнуть». Ширина рѣки довольно значительна; тече-

ніе—страшно быстро; оставалось испытать глубину ея. Попытались было поискать дороги въ обходъ горы, для чего мужъ и отправился съ Алимъ-баемъ, но пришлось убѣдиться въ невозможности этого сдѣлать и необходимости переправиться именно здѣсь. Одинъ изъ киргизовъ сѣлъ на лошадь и попробовалъ было счастья, сунувшись въ рѣку, но лошадь, не пройдя и нѣсколькихъ сажень, повернула по теченію и съ большими усиліями выскочила обратно на берегъ; такой опытъ повторялся нѣсколько разъ съ одинаковымъ результатомъ. Положеніе становилось критическимъ, приходилось повидимому, мириться съ перспективою повернуть обратно къ Памирскому посту.

Въ этотъ моментъ однако, керекешъ каравана предложилъ планъ, который тотчасъ же и былъ одобренъ: онъ состоялъ въ томъ, чтобы все переправить на верблюдахъ, при условіи, что ему лично дадутъ одну изъ нашихъ верховыхъ лошадей, которая не отказалась бы идти въ воду впереди верблюда. Ему былъ предложенъ «Сѣрый» и обѣщана денежная награда въ случаѣ удачнаго исполненія. Керекешъ этотъ—человѣкъ уже немолодой, но очень рослый, съ огромнымъ зобомъ и лицомъ сатира; раздѣтый до пояса, онъ сѣлъ на лошадь и взялъ развьюченнаго верблюда на арканъ. Онъ отправился въ рѣку съ такою увѣренностью, словно она была ему знакома вдоль и поперекъ. Половину ея онъ спускался наискось по теченію, съ середины же повернулъ противъ него и такъ же вкось приближался къ противоположному берегу; лошадь съ большимъ трудомъ боролась съ теченіемъ, которымъ ее сносило, верблюдъ же, хотя и ревелъ, однако шелъ по дну устойчиво и твердо. Дойдя до противоположнаго берега, керекешъ остановился и побѣдоносно посмотрѣлъ на насъ, какъ бы говоря: «ви-

дите, какъ все это просто». Такимъ же способомъ онъ пустился въ обратный путь и по возвращеніи былъ встрѣченъ всеобщимъ одобреніемъ. Но уже надвигались сумерки, а такъ какъ общая переправа потребовала бы много времени, рѣшили заночевать здѣсь на отмели, переправивъ лишь въ видѣ опыта яхтаны и вещи, ненужные для ночевки; остальное же отложили до завтра.

Сегодня зарѣзали послѣдняго барана и мяса у насъ хватить на три дня, съ трудомъ на четыре.

31 іюля. Мы съ мужемъ должны были начать переправу, для чего нѣсколько облегчили наши костюмы, снявъ сапоги и наиболѣе обременительныя вещи: это дѣлалось на случай, если бы мы упали въ воду; съ этою же цѣлью мужъ прикрѣпилъ мнѣ къ груди надутую резиновую подушку. Думаю впрочемъ, что эти предосторожности существенной пользы принести не могутъ, такъ какъ съ этимъ теченіемъ бороться человеку не по силамъ и его разбило бы вдребезги о первый камень. Нѣкоторое понятіе объ этомъ получили мы по той стремительности, съ которою у зазѣвавшагося Ташмета вода подхватила и унесла весьма объемистый узелъ съ какимъ-то хламомъ и старымъ платьемъ: его крутило и перебрасывало, какъ щепку, черезъ громадные камни, и не успѣлъ Ташметъ пробѣжать за нимъ вдоль берега нѣсколькихъ шаговъ, какъ злополучный узелъ скрылся изъ глазъ; «моя халатъ кунчалъ!» *) горестно воскликнулъ бѣдняга, и лишь нѣсколько утѣшился обѣщаніемъ получить взамѣнъ новый.

Верблюды легъ, и мы взгромоздились на него: мужъ впереди, а я, уцѣпившись за него, сзади. Во всемъ этомъ

*) Мой халатъ пропалъ.

было гораздо болѣе комическаго элемента, чѣмъ трагическаго, и Н. П., въ качествѣ фотографа экспедиціи, не упустила этого удачнаго для снимка момента. Мы тѣмъ временемъ вошли въ рѣку, погружаясь все глубже; вода кругомъ бурлила и пѣнилась, но верблюдъ шелъ такимъ спокойнымъ, увѣреннымъ шагомъ, керекешъ очевидно такой мастеръ своего дѣла, что ни малѣйшаго страха

Рис. 54. Переправа черезъ р. Мургабъ.

не закрадывалось въ душу; вода едва замочила намъ ноги и черезъ нѣсколько минутъ мы были на другомъ берегу. Вторымъ рейсомъ снялись М. М. и Н. П., которые также благополучно совершили свое путешествіе. Отсюда мы наблюдали за переправою людей и каравана, при чемъ курящіе Н. П. и М. М. послѣ пережитыхъ волненій уничтожали одну папиросу за другою; табакъ у нихъ имѣется теперь лишь въ весьма ограниченномъ количествѣ, а такъ какъ общія несчастія сближаютъ людей, то и папирасы у нихъ стали общими и они рас-

ходовали ихъ до сихъ поръ съ величайшею осмотрительностью. Но въ настоящій моментъ, всѣ благо-разумныя соображенія были отброшены. «Еще одна такая переправа, и мы останемся безъ папиросъ!» патетически воскликнулъ М. М., закуривая пятую папиросу.

Весь багажъ и люди переправлены на верблюдахъ; вьючныхъ лошадей соединяли вмѣстѣ, привязывая каждую мордою къ хвосту предыдущей («хвостъ на хвостъ», какъ выразился Алимъ-бай), но при этомъ едва не утопили одного изъ нашихъ осликовъ, благодаря чрезмѣрной о нихъ заботливости. Первому переправлявшемуся изъ нихъ Алимъ-бай, для вѣщей безопасности, привязалъ по бокамъ пару надутыхъ бурдюковъ отъ убитыхъ барановъ; вначалѣ все шло прекрасно, но когда оселъ побарахтался въ водѣ, хитрое приспособленіе съѣхало къ заднимъ ногамъ, благодаря чему крупъ поднялся надъ водою въ ущербъ передней половинѣ туловища, которая вмѣстѣ съ головою стала поминутно исчезать подъ водой. Ъхавшій впереди Алимъ-бай изъ всѣхъ силъ тянулъ ослика за веревку, а бѣдняга все нырялъ, все нырялъ и дѣло вѣроятно кончилось бы для него плохо, если бы Алимъ-бай не догадался завести его нѣсколько въ сторону къ маленькому островку, возлѣ котораго оторвало и унесло, наконецъ, бурдюки совсѣмъ. Тутъ осликъ выбрался на твердую почву, долго трясъ однимъ ухомъ, опустилъ голову, съ которой вода текла ручьями и, разставивъ ноги, застылъ въ неподвижности, удрученный пережитыми опасностями. Немало послѣ этого пришлось Алимъ-баю потратить словъ и дѣйствій для того, чтобы заставить осла покинуть островокъ и вновь, хотя и безъ предательскихъ бурдюковъ, окунуться въ воду.

Это было самое трагическое приключеніе за время нашей переправы... никто не «подохъ», багажъ цѣлъ и мы на другомъ берегу; верблюды не только не отказались идти въ воду, какъ намъ предсказывали на Памирскомъ посту, но только благодаря имъ переправа оказалась возможною. Единственный же опытъ перевозки багажа на лошадяхъ окончился неудачею: одинъ мѣшокъ съ ячменемъ и другой съ сухарями намокли какъ губки.

Надо было торопиться выучить караванъ, сѣдлать лошадей и сниматься съ мѣста, съ тѣмъ, чтобы добраться по возможности до второй и послѣдней переправы черезъ Мургабъ. Двинувшись въ путь, мы сразу же стали карабкаться вверхъ по сыпучему острому щебню, по едва замѣтной тропкѣ; затѣмъ мелкіе камни превратились въ крупные, подъемъ становился все круче и труднѣе. Послѣ подъема стали опять круто спускаться по тропинкѣ внизъ къ рѣкѣ и уперлись въ скалу, отвѣсно спускающуюся, даже нависшую надъ водою: путь былъ размытъ на протяженіи многихъ сажень. Продолжать движеніе по тому же берегу было, слѣдовательно, нельзя; о переправѣ же здѣсь нечего было и думать: на другомъ берегу было то же самое. Рѣка течетъ здѣсь въ стѣсненныхъ берегахъ, а потому стала еще глубже и несется стремительнѣе, образуя водопады и водовороты. Будь у насъ съ собою необходимые инструменты, можно было бы продѣлать тропку и обойти это размытое мѣсто,—вѣдь осталось всего нѣскольکو верстъ до Кара-Булака, а тамъ уже повидимому, не представляется особыхъ затрудненій. Еще разъ тщательно осмотрѣли мѣстность, еще разъ убѣдились, что пройти никакъ нельзя, сняли фотографію съ конечнаго пункта нашего пути по Мургабу, съ того самого «авось», на который мы поѣхали, и повернули назадъ.

Досадно было возвращаться, но ни одной минуты не пожалѣли мы о томъ, что побывали въ этихъ мѣстахъ.

Началось обратное шествіе, а съ нимъ и эквилибристическія упражненія на камняхъ; повторили переправу, которая вслѣдствіе навыка прошла еще скорѣе и удачнѣе, чѣмъ въ первый разъ. Ночевать рѣшили на вчераш-

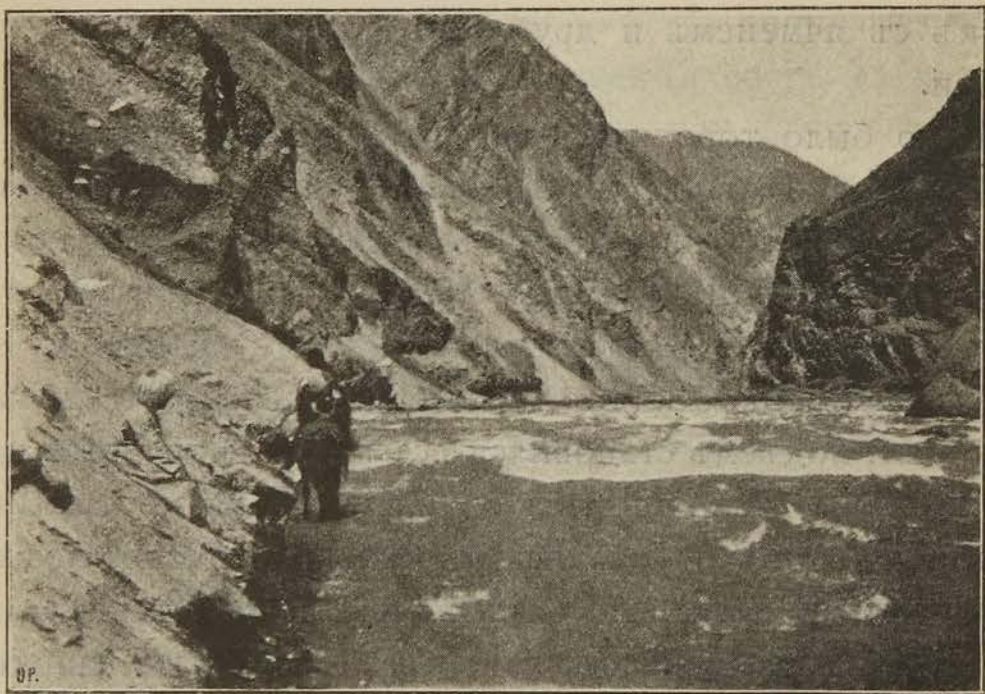

Рис. 55. Конечный пунктъ нашего пути по р. Пшартъ.

ней стоянкѣ, — тамъ хорошая вода и травы въ волю. По приѣздѣ на мѣсто, мужъ отправился промыслять провизію и меньше чѣмъ въ часъ убилъ шесть зайцевъ. За послѣдніе дни пришлось сократить порціи баранины и ограничиваться однимъ мяснымъ блюдомъ въ день; супъ на время выкинуть изъ нашего меню, за утреннимъ чаемъ или завтракомъ ѣдимъ кашу.

ГЛАВА IX.

*Обратный путь на озеро Кара-Куль.—Перевалъ Акъ-Бай-
талъ.—Отъездъ М. М.—Вновь на Алайской долинь.—
Въ поискахъ за несуществующимъ кишлакомъ.—Крѣпость
Дараутъ-Курианъ.*

2 августа. Торопимся идти обратнымъ путемъ, дѣлаемъ по 40 слишкомъ верстъ въ день, чтобы попасть въ Маргеланъ не позже 16 числа, что необходимо М. М.—чу, свободное время котораго строго ограничено.

Не всегда удастся намъ выѣхать раннимъ утромъ, благодаря непробудному сну, одолеваящему нашихъ кавалеровъ: пока не удастся поднять ихъ (а на это требуется немало времени), нельзя производить въ юртѣ необходимыхъ манипуляцій по укладкѣ вещей, а слѣдовательно и навьючивать караванъ. Нѣкоторое время помогаль слѣдующій пріемъ: одна изъ насъ, нагнувшись надъ М. М., громко говорила: «каша готова»,—это дѣйствовало магически, но всего 2—3 раза. Затѣмъ на совѣтѣ, который мы держали съ Н. П., послѣдняя предложила слѣдующій весьма простой способъ: въ 6 час. утра, когда мы съ нею уже готовы, прислуга начинаетъ разбирать юрту; надъ спящими открывается небо, затѣмъ сразу снимаются всѣ боковыя кошмы и остается одинъ рѣшетчатый остовъ юрты. Въ первый разъ М. М. открылъ заспанные глаза, въ недоумѣніи посмотрѣлъ наверхъ и, когда догадался въ чемъ дѣло, нашелъ, что этотъ способъ будить

людей чрезвычайно непріятенъ, хотя и дѣйствителенъ. Во время этой операціи мы съѣдаемъ нашъ утренній завтракъ, состоящій изъ каши и чая, причемъ сверху, съ разбираемыхъ войлоковъ, цѣлый дождь волосъ и шерсти сыплется въ наши чашки и котелъ. Впрочемъ, мы успѣли уже примириться съ неизбежностью такой приправы, а сколько по сіе время этой шерсти нами проглочено, про то вѣдаютъ наши желудки, которымъ приходится ее переваривать.

Мы вновь поднимаемся: вчера утромъ видѣли послѣдніе кустарники. Непріятенъ обратный переходъ отъ тепла въ ущельяхъ Пшарта и Мургаба къ холоду и постояннымъ вѣтрамъ большихъ высотъ. Пришлось вторично пройти по тому непріятному карнизу, который испортилъ мнѣ столько крови на пути туда; должна сознаться, что чувство страха при этомъ не притупилось во мнѣ нисколько; лучше было лишь то, что карнизъ этотъ не являлся неожиданностью.

Не имѣя въ виду вновь заѣзжать на Памирскій постъ, такъ какъ пришлось бы потерять лишній день, послали вчера туда Андрея, поручивъ ему завестись хлѣбомъ, ячменемъ и, если возможно, табакомъ для прислуги, у которой онъ весь вышелъ: Мурза увѣряетъ, что по этой причинѣ у него «и глаза больше не смотрять».

4 августа. Сегодня за ночь выючныя лошади опять разбѣжались и къ 9 час. утра онѣ еще не были найдены, такъ что мы выѣхали, не дожидаясь ихъ; по дорогѣ нагналъ насъ Андрей съ провіантомъ. Табаку начальникъ поста также удѣлилъ намъ въ достаточномъ количествѣ и имъ немедленно снабдили прислугу, радости которой не было границъ: немедленно откуда-то появился кальянъ, изъ котораго всѣ по очереди тянули дымъ съ

наслаждениемъ, Мурза даже глаза закрылъ отъ восторга. Табакъ этотъ держится на Памирскомъ посту для солдатъ, стоитъ 48 коп. фунтъ и носить звучное названіе «Бафра». Судя по интересу, съ которымъ Н. П. и М. М., докурившіе вчера свои послѣднія папиросы, поглядываютъ на 48-копеечную «Бафру», думаю, что они недолго будутъ брезгать ею.

Прошли за день верстъ 40. Стемнѣло; но такъ какъ ни вьюки, ни юрта еще не появлялись, рѣшили эту ночь провести въ палаткѣ, чтобы не возиться съ позднею разстановкою юрты. Мѣста въ палаткѣ хватало какъ разъ на четверыхъ, но заснуть въ ней было трудно: когда она была закрыта наглухо, въ ней не хватало воздуха, холодная же морозная ночь не позволяла распахнуть ее.

Избаловавшись на величественныхъ картинахъ Пшарта, унылая Памирская панорама кажется намъ особенно неприглядною за сегодняшій переходъ. Верстъ 30 сдѣлали мы не сходя съ сѣдла: 20 изъ нихъ тянутся по галькѣ русла рѣки, въ настоящее время совсѣмъ пересохшей; вначалѣ виднѣлся маленькій ручеекъ, но затѣмъ исчезъ и онъ. Съ нетерпѣніемъ ждали мы перевала, за которымъ должны были остановиться на ночлегъ, но перевала все не было, а была лишь тоскливая, безконечная галька, по которой мы подымались едва замѣтнымъ уклономъ. Не только насъ, но и лошадей, кажется, давила окружающая насъ скука: идетъ, бѣдняга, развѣсивъ уши, шаркая ногами, совершенно игнорируя легкія поощренія нагайкою, даже глаза полузакроетъ; изрѣдка пріостановится, встряхнетъ головою и, увидавъ, что ничто не измѣнилось, опять опуститъ голову и продолжаетъ двигаться точно во снѣ.

Долго плелись мы такимъ образомъ, тоскливо посматривая на окружающую насъ картину: сѣрая круглая галька

подъ ногами, желтыя горы кругомъ, да синее-синее небо наверху. Наконецъ блеснулъ вдали ручеекъ, мы оживились: онъ означалъ часовой отдыхъ, возможность размять затекшія отъ долгой ѣзды ноги и выпить кружку чая. Послѣ отдыха мы скоро были на перевалѣ Акъ-Байталъ. Дорога къ нему разработана зигзагами (мѣстами она систематически размывается дождями и заваливается глиною и камнями) и подъемъ совершается легко, хотя высота перевала довольно значительна (15.070 ф.). Спускъ съ него кончается у р. Чанъ-Су, возлѣ которой находится почтовая станція, состоящая изъ двухъ юртъ; въ нихъ мы и водворились, чтобы не возиться съ разстановкою своей.

5 августа. Наша экспедиція таетъ: сегодня покидаетъ насъ и М. М., которому необходимо попасть въ Маргеланъ не позже 15 августа, а желательно и ранѣе. Хотя мы и дѣлаемъ усиленные переходы, но ему придется еще увеличить ихъ, да къ тому же насъ можетъ задержать необходимость дневки. Теперь мы остаемся втроемъ, въ томъ же составѣ, въ какомъ выѣхали изъ Москвы. Мы такъ было привыкли къ нашему милому, всегда добродушному и остроумному спутнику, что отпускаемъ его отъ себя съ грустью. Пообѣдали сегодня въ послѣдній разъ вмѣстѣ, снабдили его необходимою посудой и провизіей до Маргелана и сняли на конѣ, во главѣ его собственной экспедиціи, состоящей изъ Андрея и вьючной лошади. Кто-то теперь по утрамъ будетъ будить его? Андрей не рѣшится конечно пускать въ ходъ наши энергичные приемы.

6 августа. Прошли сегодня 45 верстъ, не сходя съ лошадей. Въ Музь-Қолъ близъ юрты собралось цѣлое

общество: это были киргизы съ волостнымъ старшиною, ѣздившіе встрѣчать губернатора. Старшина подошелъ пригласить насъ выпить чаю, отъ котораго пришлось отказаться, такъ какъ мы потеряли бы при этомъ много времени. Купивъ предложеннаго намъ барана и взявъ джигита-проводника, мы отправились дальше.

За поворотомъ, по лощинѣ ведущей къ озеру, задулъ свойственный Кара-Кулю вѣтеръ, отъ котораго свистить въ ушахъ и захватываетъ дыханіе; для завтрака уже не стоило терять времени, такъ какъ до ночевки оставалось пройти не болѣе 5 верстъ. Возлѣ юрты мы еще издали запримѣтили лошадей, изъ чего заключили, что она кѣмъ-то занята, и не ошиблись: на коврѣ важно возлежалъ нашъ М. М. Изъ разспросовъ выяснилось, что керекешъ выбралъ для его багажа самую скверную изъ своихъ лошадей и движенія ея были таковы, что М. М. съ Андреемъ ежеминутно ожидали ея паденія на землю. Въ навьюченныхъ на нее яхтанахъ находятся всѣ драгоцѣнныя коллекціи М. М., понятны поэтому будутъ его опасенія на этотъ счетъ; ноги у лошади подгибались, какъ у параличной и, хотя Андрей въ упоръ тащилъ ее за арканъ, а М. М., уподобясь керекешу, свистѣлъ и тыкалъ ее кнутомъ сзади, она рѣшительно отказывалась идти. Андрей находилъ это шествіе позорнымъ и ужасно боялся, что мы ихъ нагонимъ въ пути и увидимъ при такой мало геройской обстановкѣ. Вслѣдствіе этого они вчера добрались въ Музь-Коль лишь къ 10 часамъ вечера, а сегодня на озеро Кара-Куль въ 4 часа дня. Несмотря на протесты керекеша, у него выбрали другую лошадь взамѣнъ негодной, и было уже совсѣмъ темно, когда М. М. вновь тронулся въ путь, чтобы проѣхать до сѣвернаго берега озера. Завтра онъ рассчитываетъ сдѣлать верстъ 50.

Нашихъ туристовъ-осликовъ продали: намъ они давно уже не нужны и перестали даже, вотъ уже недѣли двѣ, развлекать насъ своими серенадами. Богъ вѣсть, что тому причиною, вѣроятно тоска по родинѣ; купилъ ихъ сартъ за 18 р. пару. Въ нашемъ караванѣ остались однѣ лошади и верблюды также замѣнены ими, такъ какъ на Пшартѣ они сильно попортили себѣ ноги, стеревъ подошвы до крови.

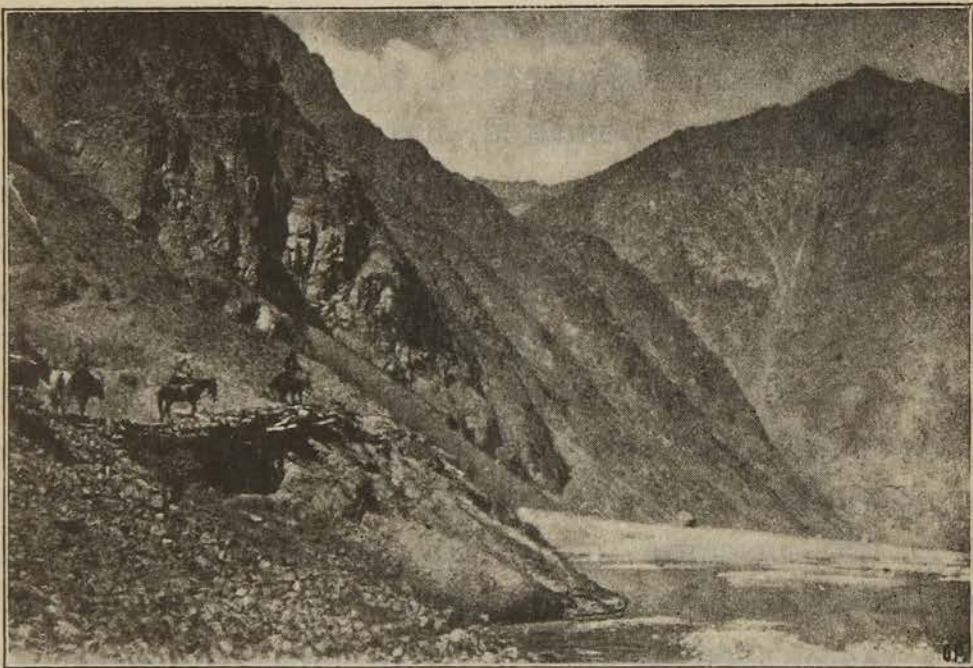

Рис. 56. Искусственный карнизъ.

Съ моимъ Рыжкомъ что-то приключилось: онъ сегодня въ такомъ нервномъ состоянїи, что хорошій прїемъ брома былъ бы ему вѣроятно не лишнимъ. Онъ пугался всего: пролетавшей птички, собственной тѣни и гладкаго мѣста; отъ выстрѣла вертѣлся व्यюномъ на мѣстѣ и при каждомъ поворотѣ, вытянувъ шею, съ ужасомъ заглядывалъ за углы, словно тамъ должно сидѣть страшилище. Пугаясь, онъ дѣлаетъ прыжокъ въ сторону всѣми четырьмя ногами, и будь я на дамскомъ сѣдлѣ,

отъ этихъ акробатическихъ упражненій давно уже лежала бы на землѣ. Вообще же это удивительно милое и послушное животное; онъ привыкъ ѣсть хлѣбъ изъ рукъ, толкаетъ меня мордою прося еще, обнюхиваетъ карманъ и шею, надѣясь раздобыться кусочкомъ.

Н. П., мужъ и киргизъ отправились пострѣлять гусей, чтобы затѣмъ всѣмъ съѣхаться для ночевки уже на сѣверномъ берегу; я предпочла ограничиться этимъ маленькимъ переходомъ, чтобы отдохнуть основательно.

Моими спутниками на этотъ разъ были лишь Мурза и Ташметъ. Послѣдній необыкновенно трогателенъ тою заботливостью, которую онъ проявляетъ по отношенію къ намъ съ Н. П. Онъ, не сводя глазъ, слѣдитъ за нами и вырастаетъ словно изъ-подъ земли именно тогда, когда намъ почему-либо нужна помощь. По-русски онъ знаетъ лишь нѣсколько словъ, слѣдовательно объясненія наши съ нимъ бываютъ преимущественно мимическими и звуко-подражательными, но его простая, совсѣмъ дѣтская душа какимъ-то чутьемъ понимаетъ, чѣмъ онъ можетъ быть полезенъ. За все время пути на Ташмета можно было положиться съ увѣренностью, что все порученное ему будетъ исполнено въ точности и добросовѣстно.

Дышется тяжело—это единственное теперь у всѣхъ насъ проявленіе горной болѣзни; задыхаешься при малѣйшемъ усилии. Воздухъ до того сухъ и чистъ, что, несмотря на высокую температуру днемъ, молоко въ бутылкѣ не прокисло у насъ въ теченіи трехъ сутокъ (достать его было негдѣ и мы берегли его, какъ зѣницу ока, употребляя его лишь съ чаемъ); сырое мясо не портится очень долго и выброшенные негодные куски его сохнуть, не разлагаясь. Мѣховыя и шерстяныя вещи при прикосновеніи издають трескъ и цѣлые снопы искръ. Каждую ночь бываютъ легкіе морозы въ—2 или—3° Ц.

Затихшій было съ вечера вѣтеръ, задулъ опять съ полудня; онъ поднимаетъ тучи песку и мгlistою дымкою затягиваетъ и безоблачное небо, и горы, и синѣющее вдали озеро; передъ глазами желтая, бугристая песчаная почва, покрытая бѣлымъ налетомъ солончаковъ; коегдѣ растетъ чахлая травка. Забилась я въ юрту, въ которой тепло и уютно, хотя въ кошмахъ ея такъ и свиститъ вѣтеръ, приняла удобную позу и, въ ожиданіи охотниковъ, принялась за неразрѣзанный еще томъ «Ragis» Золя—занятіе, вѣроятно рѣдко практикуемое на Памирахъ.

Мужъ убилъ 13 гусей.

8 и 9 августа. Вчера мы сдѣлали неожиданно для себя молодецкій переходъ въ 52 версты. Выѣхавъ съ озера Кара-Куль съ намѣреніемъ пройти до Кокъ-сай верстъ 25, намъ вторично пришлось убѣдиться, что для остановки это мѣсто плохое: дулъ холодный безостановочный вѣтеръ, близкій къ урагану, дровъ нѣтъ, терескена также; рѣка пересохла совсѣмъ, но чай намъ все же вскипятили. Когда я потомъ подошла къ тому водовмѣстилищу, изъ котораго взяли необходимую для этого воду, я поспѣшно отвернулась: это была небольшая лужа стоячей воды, покрытая густымъ радужнымъ налетомъ; киргизы, находящіеся при юртѣ, въ этой лужѣ умываются (если они вообще когда-нибудь умываются), въ ней же и полоскаютъ свой хозяйственный скарбъ. Намъ такъ мало улыбалась мысль переночевать здѣсь, что мы вновь сѣли на лошадей и помчались дальше отъ негостепріимной стоянки. Мы скакали, точно спасаясь отъ преслѣдованія, лошади также сочувствовали намъ, и съ необыкновенною прытью бѣжали отъ этого вѣтра и тучъ песка, который онъ гналъ намъ вслѣдъ.

По пути встрѣтили почтоваго киргиза, который ѣхалъ степенно и тихо, слѣдовательно, «безъ пера». Чтобы понять это выраженіе, надо знать, что для почтовыхъ джигитовъ, конечно, незнакомыхъ съ русскою грамотою, установились особые условные знаки: если пакетъ адресованъ въ Лангаръ, то къ нему привязывается палочка; если палки нѣтъ, онъ везется на Памирскій постъ; если письмо спѣшное, въ него втыкается перо, и тогда джигитъ несетъ сломя голову. Итакъ, если почтовый джигитъ скачетъ мимо, даже не останавливаясь поболтать съ проѣзжими, что при нормальныхъ условіяхъ ему совершенно несвойственно, это значить, что онъ «съ перомъ».

Вѣтеръ сопровождалъ насъ все время и затихъ лишь, когда мы подѣзжали къ Бардабѣ, въ шестомъ часу вечера. Здѣсь мы застали полковника М—го, достраивавшаго рабать и дорогу. По вновь пролагаемой дорогѣ вплоть до Памирскаго поста, на каждахъ 30—50 верстахъ ставится рабать: это довольно большое каменное (изъ мѣстнаго камня), на гипсовомъ растворѣ сводчатое зданіе, обнесенное каменнымъ же заборомъ и состоящее изъ 4—5 просторныхъ комнатъ съ большими печами; во дворѣ конюшни; дерево постройки—исключительно арчевое *). Къ обѣду М—скій принесъ рѣдкое угощеніе—дыню, присланную ему изъ Гульчи, и бутылку отличнаго самаркандскаго вина; за разговорами просидѣли до поздняго вечера:

*) Арча—хвойное дерево, весьма похожее на кипарисъ и очень разнообразное по формамъ: одни изъ нихъ напоминаютъ сосну, другія имѣютъ витой и перекрученный стволъ, попадаютъ и ползучія. Оно незамѣнимо для построекъ и стоитъ чуть не сотни лѣтъ, не портится въ водѣ, даже и червь его не точитъ. Благодаря своей смолистости, оно также даетъ прекрасное топливо.

Переночевавъ въ Бардабѣ, направились сегодня вдоль Алайской долины къ крѣпости Дараутъ-Курганъ. Остановиться на ночевку мы должны были въ кишлакѣ, находящемся, по словамъ М—го, верстахъ въ 30; тамъ говорилъ онъ, зимовка полуосѣдлыхъ киргизъ, занимающихся также и посѣвами. Отправляясь на лѣтнее кочевье, они будто бы оставляютъ въ кишлакѣ сторожей, на попеченіи которыхъ остаются даже куры и кое-какой скотъ, и мы радовались заранѣе возможности достать яицъ и курицу. Ввиду предстоящаго небольшо-го перехода, мужъ поѣхалъ съ киргизомъ поохотиться въ послѣдній разъ и напалъ на стадо кѣйковъ головъ въ 40, изъ которыхъ убилъ одного козла: экспрессная пуля положила его на мѣстѣ, не давъ ему даже времени встать съ лежки. Мѣстный мясникъ снялъ съ него для чучела шкуру слѣдующимъ, весьма простымъ приѣмомъ: въ сдѣланное ножомъ въ задней ногѣ отверстіе, онъ ртомъ вдуваетъ воздухъ, пока вся туша не надуется, какъ бурдюкъ; кожа послѣ этого отдѣляется отъ мяса совершенно свободно. Каковы для этого должны быть легкія, предоставляю судить читателю.

Выступить намъ удалось лишь въ 3 часа дня, въ сопровожденіи даннаго намъ М—мъ десятника-киргиза, который будто бы одинъ зналъ, какъ проѣхать въ вышеупомянутый кишлакъ. Поднявшись тотчасъ же изъ Бардабы на холмы Заалайскаго предгорья, мы вновь увидели Алайскую долину, окаймленную справа Алайскимъ хребтомъ, теперь уже безснѣжнымъ, и слѣва Заалайскимъ хребтомъ, покрытымъ до самыхъ почти предгорій ослѣпительнымъ, вѣчнымъ снѣгомъ. Въ безконечную даль уходили обѣ эти параллельныя другъ другу горныя цѣпи—одна бѣлая, другая темная, почти черная. Отсюда виденъ пикъ Кауфмана (23.000 ф.),

но съ этого мѣста онъ не производитъ большого впечатлѣнія, благодаря дальности растоянія; къ тому же и смотрѣли мы на него съ такого пьедестала, какъ Алайская долина, которая сама возвышается надъ уровнемъ моря на 10.000—8.000 футъ.

Каждый шагъ нашего пути напоминаетъ о томъ, что мы покинули Памиры: мы шли по сплошному волнистому лугу съ котловинками и углубленіями, въ каждомъ изъ которыхъ находится озерцо или болотце, заросшее зеленью. Мы пересѣкали предгорья вкось, по направленію къ долинѣ; солнце уже скрылось за горы, когда мы выѣхали на нее, наступали короткія сумерки.

Едва успѣли мы перебраться черезъ р. Кизилъ-Су, какъ стемнѣло совсѣмъ, а впереди не было и признаковъ близости жилья, проводникъ же на разспросы неувѣренно отвѣчалъ, что «теперь скоро». Въ полной темнотѣ шли мы крупною ходою по какимъ-то кочкамъ, болотамъ, ручьямъ и, наконецъ, увидали костеръ и лошадей: это былъ нашъ караванъ, такъ и не дошедшій до обѣщаннаго кишлака. И напрасно мы искали бы его: какъ узнали на слѣдующій день, никакого кишлака въ этихъ мѣстахъ нѣтъ; есть дѣйствительно верстахъ въ 18 отъ того мѣста, гдѣ мы остановились (слѣдовательно, верстахъ въ 50 отъ Бардабы), киргизское зимовье, но тамъ никогда не остается, не только куръ и скота, но и ни одного человѣка.

Подѣхавъ къ каравану, мы съ удивленіемъ увидали, что юрта еще не разставлена, и что намъ долго еще придется сидѣть въ темнотѣ на холодномъ вѣтру, прежде чѣмъ попасть подъ кровлю: это было тѣмъ болѣе странно, что караванъ вышелъ въ 9 час. утра. Когда юрта была готова, она снаружи поразила насъ своими малень-

кими размѣрами, внутри же весь верхъ былъ установленъ неправильно и криво: ясно было, что верхній кругъ юрты не прежній и по размѣрамъ не подходитъ къ ней, отчего палки, поддерживающія его, вываливались внутрь. Долго не могли мы добиться правды, но видя бесполезность отнѣживаній, Алимъ-бай наконецъ разсказалъ слѣдующее: зная, что мы выѣзжаемъ изъ Бардабы, а слѣдовательно и будемъ на мѣстѣ довольно поздно, караванъ останавливался варить обѣдь *); отправившись послѣ трехчасовой остановки въ дальнѣйшій путь, караванъ сбился съ дороги, причемъ лошадь, везшая кругъ отъ юрты, свалилась подъ откосъ; «сама, дрянь, цѣла осталась», негодовалъ Алимъ-бай, а кругъ разбился вдребезги. Надѣясь скрыть все это отъ насъ, послѣдній въ одномъ изъ ауловъ купилъ другой кругъ, который и оказался не подходящимъ. Ночевать однако подъ открытымъ небомъ при здѣшнихъ климатическихъ условіяхъ совсѣмъ неудобно, и мы все же рѣшаемся провести ночь въ юртѣ, несмотря на то, что она грозитъ ежеминутнымъ паденіемъ: порывъ вѣтра, или толчокъ подошедшей лошади могутъ повалить ее на насъ: при этомъ она, конечно, не убьетъ находящихся въ ней, но нанести серьезныя поврежденія все же можетъ. Неужели Ташметъ будетъ завтра утромъ имѣть поводъ, всплеснувъ руками, произнести свое безнадежное: «кунчалъ» **)? Въ этомъ возгласѣ у него всегда столько трагизма, что жутко становится за тотъ предметъ, который, по его мнѣнію, «кунчалъ».

*) Это не разрѣшалось прислугѣ каравана, такъ какъ она употребляла на это не менѣе 3—4 часовъ времени. По той же причинѣ, и сами мы ограничивались чаемъ и холодной закуской.

**) Погибъ, пропалъ.

10 августа. Нѣтъ, мы еще не «кунчалъ»: вѣтеръ за-
тихъ, лошади противъ обыкновенія объ юрту не тер-
лись, и она устояла. Утромъ увидали невдалекѣ нѣ-
сколько громадныхъ ауловъ, къ которымъ послали кир-
гиза обмѣнить кругъ юрты и добыть проводника.

Путь нашъ лежалъ сегодня вдоль Алайской долины,
вблизи подножья Алайскаго хребта. Посрединѣ ее про-
рѣзываетъ р. Кизиль-Су *), принимающая въ себя рѣки,
текущія съ горъ (Талдыкъ, Джиптыкъ и другія). Свое
названіе она оправдываетъ въ полной мѣрѣ: размытыя
ею красныя глины Заалайскаго хребта, она несетъ съ
собою на громадномъ протяженіи, окрашиваясь ими въ
цвѣтъ сурика. Теченіе очень быстро, бурно и, благода-
ря своему цвѣту, вода производитъ впечатлѣніе клоко-
чущей масляной краски; пить ее можно лишь послѣ
продолжительнаго отстаиванія.

«Алай» по-киргизски значить рай; сюда, въ эту обѣ-
тованную область, изъ-за сотенъ верстъ сходятся ко-
чевники. Алайская долина представляетъ собою необо-
зримую степь, на сотни верстъ сплошь поросшую ковы-
ломъ; безчисленные аулы, иногда въ сотни юртъ, раз-
бросаны по ней; громадныя стада овецъ, лошадей, вер-
блюдовъ пасутся здѣсь—скотъ жиренъ, выхоленъ; намъ
говорили, что въ нѣсколько дней заморенное, изголо-
давшееся животное поправляется здѣсь неузнаваемо; шу-
митъ чистая снѣговая вода горныхъ рѣкъ, въ воздухѣ
пахнетъ чаборомъ, полынью, степью.

Верстъ черезъ 30, во второй половинѣ перехода, кар-
тина нѣсколько измѣнилась къ худшему: грунтъ сталъ
песчанымъ съ примѣсью мелкаго камня, трава—рѣже и
грубѣе, о ковылѣ уже не было помину, кочевья попа-

*) Кизиль-Су—красная вода.

дались рѣдко; р. Кизиль-Су точно зарылась въ землю, размывъ себѣ среди степи широкое и глубокое русло съ обрывистыми берегами. Довольно долго ѣхали мы, ожидая подходящаго для ночевки мѣста, пока не набрали, наконецъ, на маленькую рѣчонку, густо поросшую сочною травою.

Первою необходимостью при остановкѣ является топливо, такъ какъ аппетитъ у насъ волчій, горячимъ же кушаньемъ приходится баловать себя лишь одинъ разъ въ день. Здѣсь *еще* нѣтъ дровъ, *уже* нѣтъ терескена, зато есть кизякъ — драгоценный горючій матеріалъ: это высухшій пометъ скота, который горитъ ярко, даетъ много жара и долго сохраняетъ тепло. Ночь была довольно теплая, но за-то очень сырая, а потому въ юртѣ скоро запылалъ костеръ, при свѣтѣ котораго мы не торопясь пили чай, приводя въ порядокъ свои наблюденія, замѣтки, фотографическія принадлежности — каждый по своей специальности.

11 августа. До Дараутъ-Кургана намъ оставалось пройти всего верстъ 25. Заалайскій хребетъ, такъ же какъ и самая долина, нѣсколько понизился и горы его значительно очистились отъ снѣга; оба хребта замѣтно между собою сблизились. По предгорьямъ довольно много киргизскихъ зимовокъ: онѣ состоятъ изъ продолговатыхъ глиняныхъ сакль съ плоскими крышами. Кое-гдѣ, клочками, виднѣются посѣвы ячменя, мѣста для котораго выбираютъ, повидимому, безъ всякой системы и совершенно не руководствуясь близостью кочевья или зимовки.

Дараутъ-Курганъ представляетъ собою крѣпость, построенную, по словамъ киргизовъ, Худояръ-ханомъ въ защиту отъ воинственныхъ афганцевъ. Зубчатая стѣна

ея—глинобитныя съ примѣсю мелкой гальки; онѣ довольно тонки и по угламъ заканчиваются круглыми башнями. Внутри наружныхъ стѣнъ есть еще и внутреннія со слѣдами поперечныхъ раздѣленій, служившихъ, по видимому, жильемъ и конюшнями. Крѣпость окружена снаружи широкимъ рвомъ. Мы размѣстились во вну-

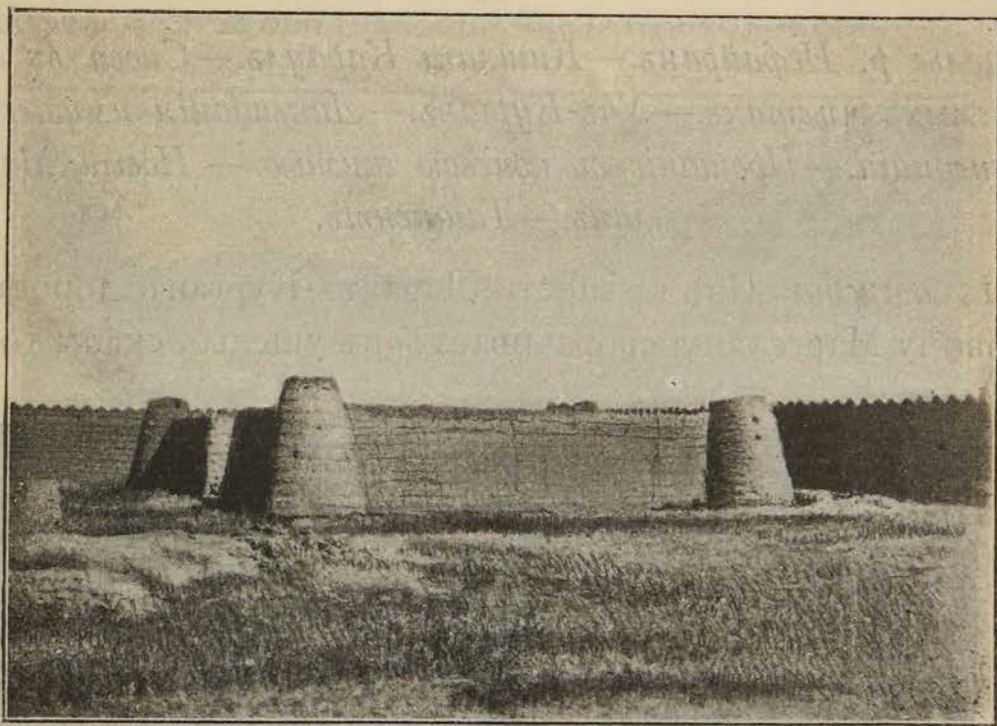

Рис. 57. Во дворѣ крѣпости Дараутъ-Курганъ.

треннемъ дворѣ, частью засѣянномъ ячменемъ. Одну изъ башенъ отвели для кухни, въ другой мы съ Н. П. устроили себѣ будуаръ—роскошь, которая со времени отъѣзда М. М. намъ недоступна, такъ какъ мы отдали ему свою палатку. На завтра назначена дневка, чтобы дать передохнуть лошадямъ.

X.

Ущелье р. Исфайранъ.—Кишлакъ Караулъ.—Снова въ обитаемыхъ мѣстахъ.—Учъ-Курганъ.—Ликвидация имущества экспедиціи.—Прощаніе съ кочевою жизнью.—Новый Маргеланъ.—Ташкентъ.

13 августа. Изъ крѣпости Дараутъ-Курганъ дорога къ Новому Маргелану сворачиваетъ въ ущелье, скалы точно

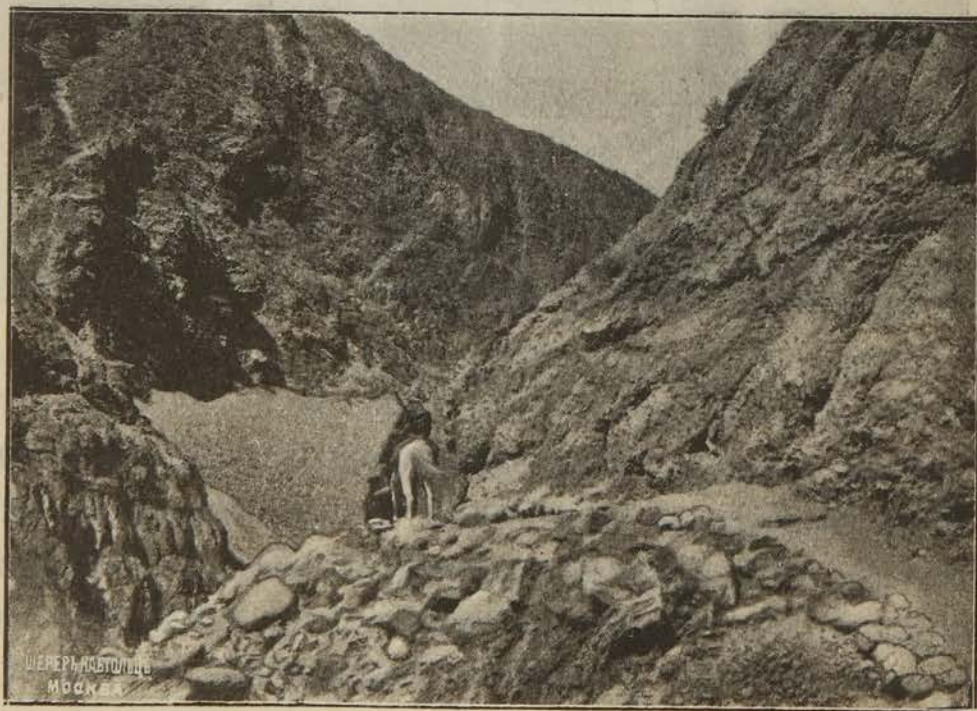

Рис. 58. Горная тропа по р. Исфайранъ.

разсѣлись, образовавъ глубокую трещину, на днѣ которой вьется р. Дараутъ. Она узка, неглубока и ее по-

стоянно приходится переходить то въ бродъ, то по мостикамъ; тропинка ведетъ легкимъ подъемомъ къ перевалу Тенгизъ-бай (11.000 ф.), верстахъ въ 12 отъ крѣпости. Передъ самымъ переваломъ подъемъ крутъ, и лошади останавливаются ежеминутно, чтобы перевести дыханіе.

Съ перевала беретъ начало р. Исфайранъ; вначалѣ неширокая и мелководная, она какъ-то неожиданно стано-

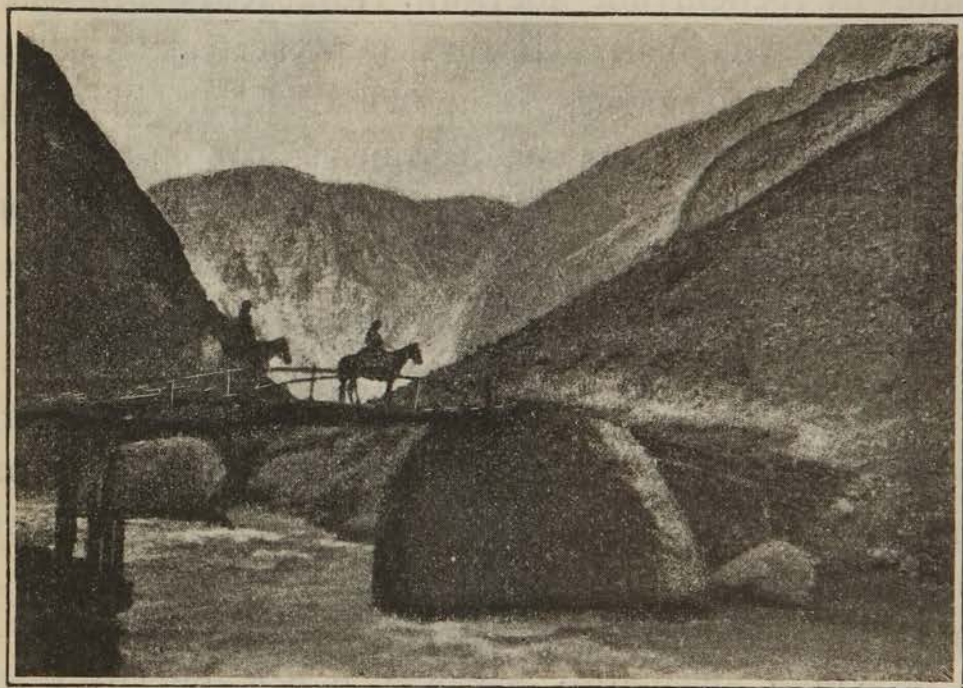

Рис. 59. Мостъ на р. Исфайранъ.

вится чрезвычайно внушительною; ущелье, хотя и остающееся очень глубокимъ, нѣсколько расширяется вверху, дно его идетъ крутымъ уклономъ внизъ; рѣка же, принимая въ себя съ горъ много маленькихъ притоковъ, захватываетъ все больше мѣста, течетъ быстрѣе и, наконецъ, превращается въ непрерывный рядъ водопадовъ. Берега и скалы поросли арчею, зеленая вода рѣки бурлитъ, реветъ и, падая съ уступа на уступъ, кипитъ бѣлою пыльною, которая водяною пылью поднимается кверху. Для

лошадей дорога представляет нѣкоторыя затрудненія, хотя по сравненію съ тѣмъ, что было на р. Пшартѣ, теперь имъ жаловаться не приходится. За переваломъ, каменная тропинка спускается внизъ крутою лѣстницею съ высокими и неровными ступенями. Впрочемъ, объ этой дорогѣ, видимо заботятся и, хотя она не разбита, но тропинка достаточно широка, въ мѣстахъ напоминающихъ карнизы обложена камнемъ, а черезъ рѣку перекинута трепещущіе мостики. По красотѣ это ущелье не уступаетъ ущельямъ Пшарта и Мургаба.

Мы замѣтно спускаемся и, кромѣ арчи, появились уже береза, рябина, тальникъ и наконецъ, тополь. Какъ наслаждается и отдыхаетъ на этой зелени глазъ, пойметъ лишь тотъ, кому подобно намъ, довелось пожить въ пустынныхъ мѣстахъ, лишенныхъ растительности.

Послѣ впаденія въ Исфайранъ р. Кичикъ-Алай *), вода въ ней теряетъ свой прозрачный зеленый цвѣтъ и становится мутною. Рѣка на время успокаивается, течетъ ровнѣе, спокойнѣе: уклонъ сталъ менѣе крутъ.

Проводникомъ намъ служить «илликъ-баши» съ лицомъ большой обезьяны; взглядъ и вся фигура у него до того испуганы, что сразу замѣтно, какъ онъ привыкъ бояться «проѣзжающихъ»; глупъ онъ невообразимо, а о разстояніи имѣетъ самыя смутныя понятія. Мы имѣли въ виду пройти сегодня до урочища Лангаръ, и онъ завѣрялъ насъ, что отъ того мѣста, гдѣ мы остановились закусить, до Лангаръ 15 верстъ, что хотя трава тамъ и не растетъ, зато всегда имѣется клеверъ для проѣзжающихъ. На самомъ же дѣлѣ мы проѣхали 20 верстъ, а до Лангаръ, по его же словамъ, оставалось все еще верстъ

*) Малый Алай.

8; клевера тамъ не оказалось, хотя его и можно заранѣе заказать волостному старшинѣ.

Мы ѣдемъ теперь уже, такъ сказать инкогнито, такъ какъ съ нашею экскурсіею въ необитаемыя ущелья Пшарта, благодѣтельные волостные утеряли нашъ слѣдъ, да и сами мы не могли заранѣе точно опредѣлить, ни времени, ни направленія нашего пути. Страдать намъ отъ этого

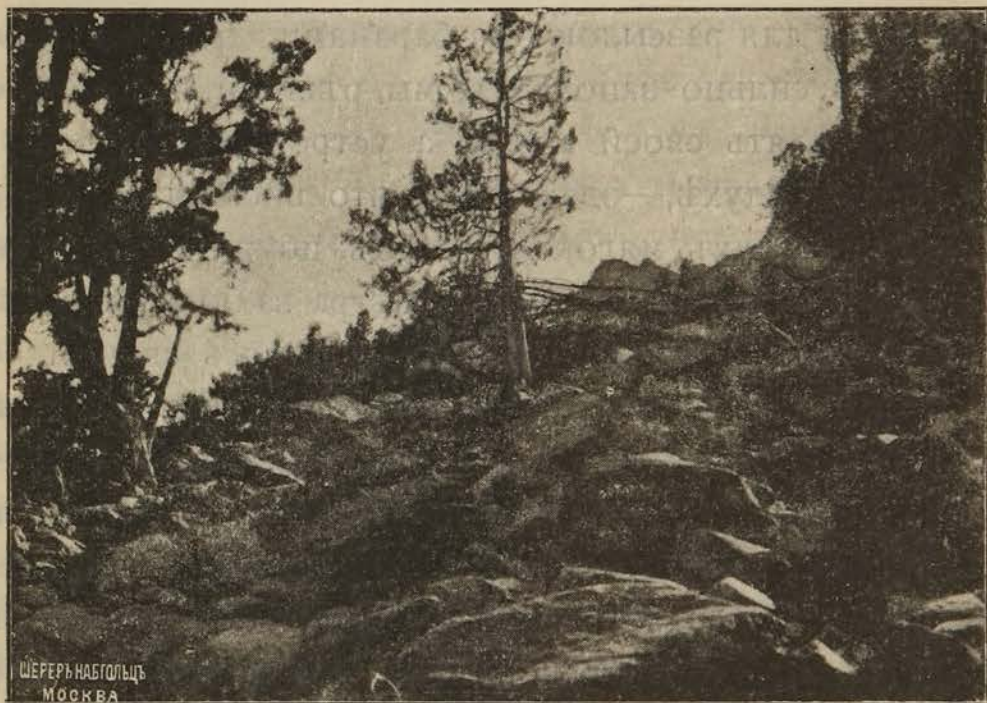

Рис. 60. Рѣка Исфайранъ вверху.

приходится однако немного, такъ какъ барановъ мы до сихъ поръ находили. Не всегда достаемъ молоко, нѣтъ также и почетныхъ встрѣчъ, но безъ этого обойтись можно. Проводниковъ наша прислуга схватываетъ въ первомъ попавшемся аулѣ, приказываетъ имъ садиться на лошадь и ѣхать съ нами; ѣдутъ они безропотно, но обыкновенно верстъ черезъ 20, похищенный такимъ образомъ проводникъ сходитъ съ лошади, просительно складываетъ руки на желудкѣ и ждетъ «таксыра», т.-е. мужа; дождавшись,

онъ начинаетъ бормотать что-то по-своему: это онъ просить отпустить его домой. Тѣмъ не менѣе его убѣждаютъ ѣхать дальше; онъ опять влѣзаетъ на свою клячонку и трусить за нами. Наиболеѣ сообразительные изъ нихъ обыкновенно удирають ночью со стоянки, хотя тѣмъ самымъ, конечно, лишаются платы за свой трудъ. Какъ проводники, они намъ не нужны, такъ какъ сбиться съ дороги въ этой мѣстности нельзя, но они являются необходимыми для разсылокъ за баранами, дровами и проч.

Караванъ сильно запоздалъ; мы рѣшили не ждать его и не разставлять своей юрты, а устроиться на ночь на открытомъ воздухѣ,—здѣсь уже это вполне возможно, такъ какъ воздухъ мягокъ и теплъ; поужинавъ, мы легли спать, укрывшись отъ легкаго вѣтра за большимъ камнемъ. Спустилась въ ущелье ночь, искрясь своими безчисленными звѣздами; невидимый еще намъ молодой мѣсяцъ серебрить верхушки скалъ; рѣка совсѣмъ близко шумить, перебрасываясь черезъ камни; изрѣдка позвякиваетъ колоколъ передового верблюда въ проходящемъ мимо караванѣ, раздается лошадиный топотъ и опять все затихаетъ; только потрескиваетъ догорающій костеръ, да пофыркиваютъ наши лошади. Вспоминая «Братьевъ разбойниковъ» и сцену изъ «Демона» передъ смертью князя, я заснула мертвымъ сномъ и проснулась позднимъ утромъ, когда солнце уже ярко свѣтило.

14 августа. Слѣдующая ночевка намѣчена въ 40 верстахъ отсюда, въ кишлакѣ Караулъ; обитатели его—полукочевые киргизы. По дорогѣ мужъ охотился на кекликовъ *), которые въ изобиліи встрѣчаются въ этой мѣстности. Они издали даютъ знать о себѣ своеобразнымъ клохтаніемъ, но найти ихъ нелегко: они такъ искусно при-

*) Красная горная куропатка.

таиваются за камнями и кустами, опереніе ихъ такъ подходитъ къ окружающей обстановкѣ, что проѣзжаешь иногда совсѣмъ близко, не замѣчая ихъ; изрѣдка намъ удавалось видѣть цѣлые табунки, бѣгающіе по дорогѣ и, какъ куры, роющіеся въ пыли и навозѣ. Убить изъ нихъ удалось три штуки.

Сегодня Мурза безпрепятственно даетъ волю своей затаенной страсти къ охотѣ, т. е. даже не къ охотѣ собственно, а къ процессу стрѣльбы: онъ обыкновенно совершенно неожиданно схватывается съ мѣста, несется въ карьеръ куда-то въ сторону и тамъ выпускаетъ нѣсколько выстрѣловъ въ различныхъ направленіяхъ. Возвращаясь, онъ радостно сообщаетъ, что «ѣздилъ стрѣлить птичку» (пулей изъ берданки); все это однако совершенно безобидно, и до сихъ поръ на его совѣсти не лежитъ ни одной птичьей души.

Встрѣчаемъ довольно много таджиковъ, бѣдующихъ изъ Маргелана. Это племя родственное Персамъ; типъ ихъ нѣсколько напоминаетъ древне-еврейскій.

Исфайранъ, затихшій было послѣ впаденія въ него р. Кичи-Алай, за Лангаромъ опять начинаетъ волноваться, опять мчится круче внизъ, перебрасываясь черезъ громадные камни, и вновь превращаясь въ рядъ водопадовъ, kloчущихъ пѣною и отливающихъ всѣми цвѣтами радуги въ поднимаемой ими водяной пыли; надежные, но живописные мостики перекинуты черезъ эти водопады. Н. П. извела весь свой запасъ фотографическихъ пластинокъ и если бы ихъ было втрое больше, ихъ все-таки не хватило бы: до того хороша и разнообразна была нетолько вся картина, но и каждый поворотъ, каждый отдѣльный уголокъ ея*). Арча и бе-

*) Къ сожалѣнію, большая часть этихъ снимковъ погибла.

реза исчезли, ихъ замѣнили тополь и абрикосы; пахнуло югомъ, тепломъ, влажнымъ и душистымъ воздухомъ теплицъ. Кожа лица и рукъ теперь уже не пересыхаетъ, какъ прежде, носы меньше лупятся: если красоты нашей еще не прибавляется, зато и не убавляется болѣе.

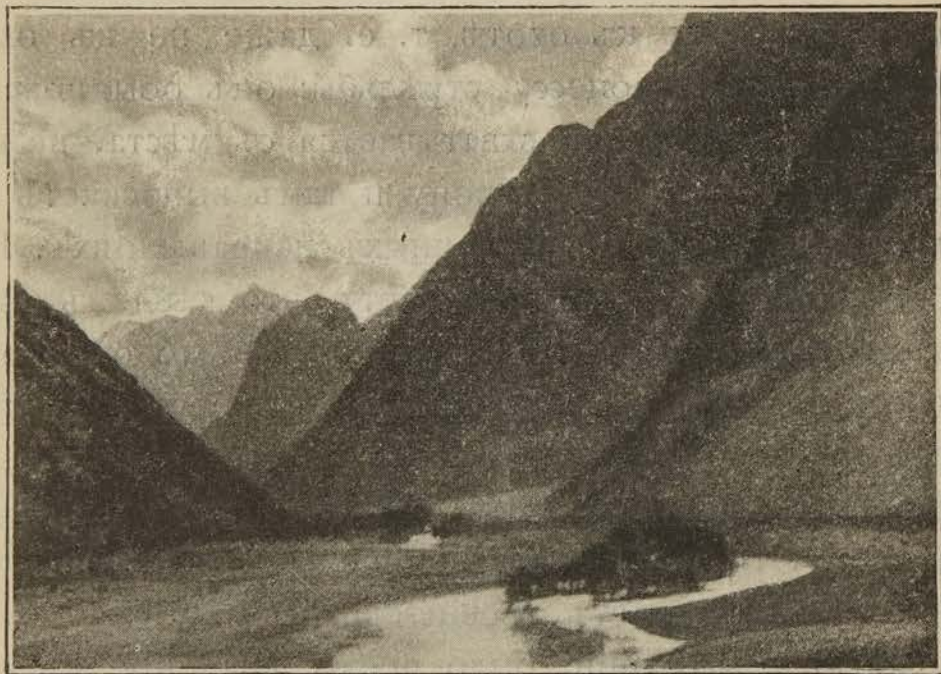

Рис. 61. Ущелье р. Исфайранъ близъ уроч. Лангаръ.

Мы приближались къ кишлаку и шли вдоль участковъ, засѣянныхъ клеверомъ, ячменемъ и кукурузою. Юрту свою раскинули въ фруктовомъ саду киргиза-лавочника, у котораго, впрочемъ, купить было рѣшительно нечего, зато травы и тѣни было вдоволь. Почти все населеніе кишлака въ это время года кочуетъ, оставивъ свое жилище и посѣвы на попеченіи нѣсколькихъ чело-вѣкъ, и съ большимъ трудомъ поэтому намъ удалось добыть молока и 4 яйца.

16 августа. Вчера пришлось, сверхъ расчета, сдѣлать дневку: нездоровилось и мнѣ, и мужу, Мурза объѣлся зеленою дынею и также прихворнулъ.

Сегодня предпоследній переходъ: до Учъ-Кургана остается всего верстъ 20. Ущелье за кишлакомъ сразу раздается вширь, горы рѣзко мѣняютъ свой скалистый неприступный характеръ, принявъ мягкія, округлыя очертанія. Исфайранъ спокойнѣе течетъ въ своемъ пологомъ руслѣ и лишь мѣстами бурлитъ и сердится—тамъ, гдѣ скалы сдавили его съ обѣихъ сторонъ и не даютъ размыть себѣ русла пошире и поспокойнѣе. Потянулись сплошные засѣянные участки, заботливо обнесенные глинобитными стѣнами; нерѣдко обсаженные пирамидальными и серебристыми тополями, грецкими орѣхами, персиками; кое гдѣ виднѣются фруктовые сады и жилье. Журчитъ вода въ арыкахъ, бороздящихъ поля во всѣхъ направленіяхъ. Но всюду пусто, людей почти не видно: хозяева кочуютъ, оставляя свое добро на попеченіи немногихъ остающихся: ни покражъ, ни потравъ здѣсь очевидно бояться не привыкли. Человѣка четыре въ разныхъ мѣстахъ, самымъ примитивнымъ способомъ убираютъ поспѣвшій ячмень: сидящій верхомъ на лошади человѣкъ, держитъ въ поводу крошечнаго ослика и вмѣстѣ съ нимъ крутится и топчется на мѣстѣ—они молотятъ.

Солнце печетъ немилосердно, но вдали уже показалась густая, сплошная зелень, съ торчащими изъ нея темными метелками пирамидальныхъ тополей. Приблизился Учъ-Курганъ, къ которому стремились мечты и помыслы нашей прислуги, затосковавшей по людямъ: «тамъ все можно достать, что угодно», говорили намъ Алимъ-бай и Мурза съ блестящими восторгомъ глазами. Черезъ часъ мы подъѣзжали къ кишлаку; про-

водникъ нашъ кинулся впередъ и исчезъ, очевидно съ цѣлю предупредить кого слѣдуетъ о нашемъ прибытіи. Нѣсколько времени спустя онъ появился вновь, а вслѣдъ за нимъ прибылъ и волостной старшина; встрѣтивъ насъ обычнымъ церемоніаломъ, онъ предложилъ слѣдовать за нимъ къ помѣщенію, въ которомъ «останавливаются всѣ генералы».

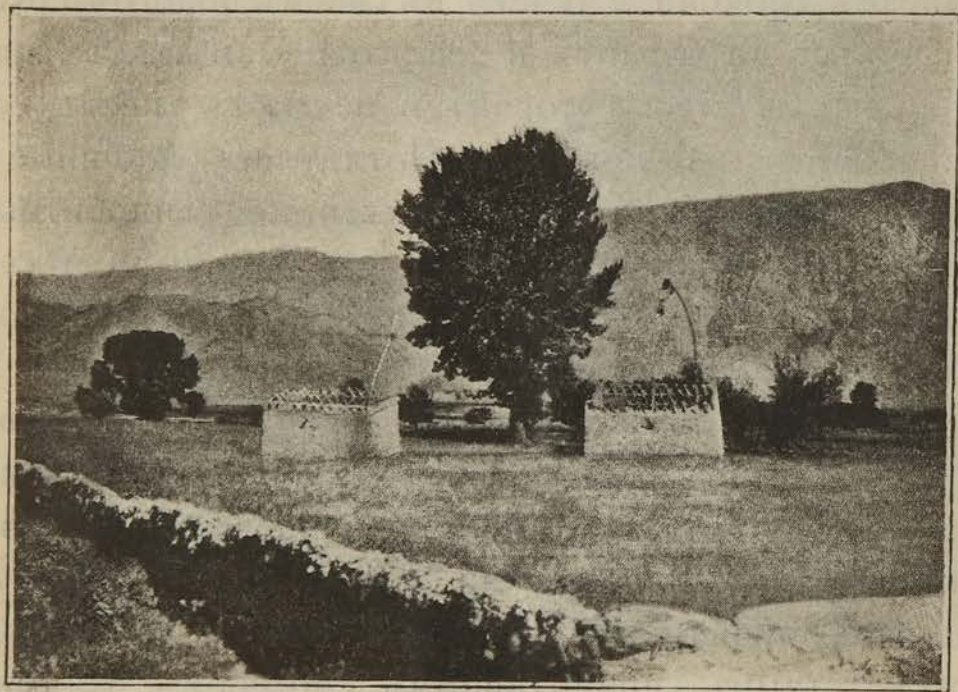

Рис. 62. Мазары (киргизскія могилы).

Помѣщеніе это оказалась высокою, открытою со всѣхъ сторонъ верандою, возвышавшеюся по самой срединѣ крытаго базара. На ней уже успѣли приготовить постели и разостлать ковры. Мы расположились, какъ «всѣ генералы», хотя отсутствіе стѣнъ не могло не смутить насъ своею чрезмѣрною откровенностью; но не успѣли мы подумать объ этомъ, какъ появились пестрыя ширмы, которыми насъ со всѣхъ сторонъ оградили отъ любопытныхъ взглядовъ. За симъ явился чай и обычный достарханъ. Наша прислуга немедленно устроила внизу

«томашу» *) и дала наконецъ волю, душившимъ ее потокамъ краснорѣчія, мы же расположились у балюстрады нашей веранды, любуясь на базаръ и его движеніе.

Судя по тому, что намъ видно отсюда, Учъ-Курганъ — цѣлый маленькій городокъ, обыкновеннаго восточнаго типа; населеніе его — сарты, кажущіеся намъ теперь по сравненію съ киргизами, необыкновенно красивыми. Если бы такая ночевка въ открытомъ помѣщеніи, посерединѣ сартскаго базара, гдѣ нѣтъ крещеной души, предстояла намъ вначалѣ нашего путешествія, мы быть можетъ и не рѣшились бы на нее; теперь же находимъ, что опасаться, вѣроятно, нечего. Несмотря однако на насмѣшки мужа, мы съ Н. П. приготовились доблестно встрѣтить врага, въ случаѣ ночного нападенія: около постелей положили револьверы, а вдоль балюстрады и такъ, чтобы это было видно публикѣ извнѣ, установили все имѣющееся у насъ огнестрѣльное оружіе, а также патронташи, кинжалы — вообще все, что нужно для устрашенія непріятеля.

Сегодня мы простились съ нашею кочевою жизнью и поручили Алимъ-баю распродать здѣсь, начиная съ юрты, весь нашъ дорожный скарбъ. Внизу, около веранды образовалась поэтому толкучка; сваливъ въ кучу войлока, пустые мѣшки, куржумы, Алимъ-бай дѣятельно рылся въ нихъ и потрясалъ въ воздухѣ то кошмой, то вертеломъ для шашлыка, предлагая ихъ окружающимъ. Въ какой-нибудь часъ все было распродано и послѣдній доходъ, торжественно врученный мнѣ, какъ кассиру экспедиі, былъ гривенникъ, вырученный Алимъ-баемъ за сломанную желѣзную печурку. Остались на рукахъ однѣ лошади; съ ними мы разстанемся въ Новомъ Марге-

*) Празднество, развлеченіе.

ланѣ. Жаль мнѣ моего «Рыжка»; вѣрой-правдой пронесъ онъ меня 1200 верстъ, не устроивъ ни одной каверзы, ни разу не захромавъ и не свалившись.

Базарная жизнь затихаетъ поздно; съ рано наступающими сумерками нѣкоторыя лавки запираются, въ другихъ зажигаются лампочки, хотя продолжаютъ торговать лишь въ чай-хане. Меня пріятно изумляетъ собственное этому народу благообразіе внѣшности и уличной жизни: улицы базара чисты, объѣдковъ на нихъ не валяется, въ лавкахъ и чай-хане на полу разостланы кошмы, на которыя хозяева и посѣтители становятся не иначе, какъ сбросивъ туфли. Одежда сартовъ также поражаетъ своею опрятностью: свѣтлые ситцевые халаты безукоризненны, чалмы правовѣрныхъ ослѣпительной бѣлизны; чисто одѣты даже люди бѣдные, носящіе лишь бѣлые штаны да длинную бѣлую рубашку. Вѣжливость въ обращеніи другъ съ другомъ чрезвычайная: если старшій проходя или стоя заговариваетъ съ младшимъ, послѣдній встаетъ немедленно; здороваются они, подавая другъ другу обѣ руки, пьяныхъ не видно нигдѣ. И вѣдь это простой, такъ называемый «черный народъ»; если его сравнить по внѣшнему виду съ нашимъ мужикомъ, боюсь, что сравненіе выйдетъ не въ пользу послѣдняго.

Движеніе постепенно затихало, закрылись послѣднія лавки, проходили послѣднія нищія и цыганки, заканчивающія свой промыселъ. Снизу, изъ мясной лавки долго еще доносилась музыка—импровизировалъ мясникъ, дудя въ какой-то странный инструментъ, подъ звуки котораго мы и заснули.

17 августа. Враги не нападали, защищаться не приходилось, однако ночь прошла для насъ все же непріятно. Когда поздно вечеромъ умолкло движеніе на базарѣ,

началась собачья «томаша»: онѣ рыскали, ища что-нибудь съѣдобное, и это конечно вызывало между ними недоразумѣнія, разрѣшавшіяся неистовою грызнею. Грызлись онѣ всю ночь напролетъ; одна изъ нихъ явилась въ наше помѣщеніе и принялась наводить справки на столѣ, при чемъ нашла куриную кость, да кстати опрокинула чашку съ молокомъ. Вооружившись хворостиною, мужъ вышелъ было разогнать стаю, собравшуюся у нашего входа, но собаки такъ рѣшительно кинулись на него, что ему пришлось отступить. Часа въ 4 просыпается базаръ, зажужжали мухи, а за ними показалось и солнце, заглянувшее намъ прямо въ глаза: приходилось вставать (на этотъ разъ будуаръ нашъ помѣщался въ одномъ изъ свободныхъ стойлъ конюшни). Собрать нашу прислугу оказалось дѣломъ нелегкимъ: она уже сидѣла по разнымъ чай-хане, лошади были еще не накормлены и посуда не убрана, такъ что выѣхать удалось только въ девять часовъ утра, въ самый жаръ.

За Учъ-Курганомъ идетъ цѣлый рядъ сартскихъ поселковъ; постройки въ нихъ глиняныя, всѣ застѣянные участки обнесены глиняными же стѣнами. Славное впечатлѣніе производятъ эти кишлаки тою массою зелени, въ которой они ютятся: около каждой сакли есть фруктовые деревья, ветлы, тополи, карагачи, всюду журчитъ вода, отведенная арыками, вездѣ обиліе фруктовъ, въ каждомъ кишлакѣ есть чай-хане, играющій роль мѣстнаго клуба; все уютно, чисто (на видъ по крайней мѣрѣ) и красиво. И опять лѣзутъ въ голову докучливыя сравненія съ нашимъ мужикомъ, его жильемъ и видомъ нашей русской деревни.

Дни очень жарки и ѣзда верхомъ по солнпеку утомительна. Около 11 часовъ сидѣли привалъ на берегу арыка, подъ громаднымъ карагачомъ, — это послѣдній

нашъ привалъ. Съ горами мы также простились; за Учъ-Курганомъ, оглядываясь назадъ, мы еще видѣли нѣсколько горныхъ кулиссъ, скрывавшихся въ голубой дымкѣ; дальняя, снѣжная едва рисовалась на блѣдномъ небѣ. Теперь горы превратились въ низкіе, некрасивые холмы. Дальше мѣстность становится однообразною: тамъ, гдѣ лѣсовая почва не орошена, она превращается въ голую, выжженную пустыню, по которой изрѣдка, порывами налетѣвшаго вѣтра, поднимаются пыльные смерчи; мельчайшія частицы лѣсовой глины затягиваютъ дымкою горизонтъ; яркій солнечный свѣтъ, отражаясь на почти бѣлой поверхности почвы, слѣпитъ глаза; душно, мухи назойливо лѣзутъ въ глаза и ротъ, лошади идутъ вяло.

Вдали, наконецъ, показалась сплошная масса зелени, точно лѣсъ, растянувшійся на много верстъ въ длину; это Маргеланъ, потонувшій въ этой зелени такъ, что и признаковъ города не видно. Проѣхавъ еще нѣсколько верстъ, мы миновали стрѣльбище, казармы, «пьяный базаръ» (во всѣхъ нашихъ азіатскихъ городахъ есть почему-то «пьяный» базаръ), а городъ еще не чувствуется, — ѣдешь паркомъ: дома, даже на главной улицѣ, прячутся въ глубинѣ садовъ. Вотъ мы, наконецъ, въ довольно опрятной комнатѣ мѣстной гостиницы, гдѣ намъ тотчасъ же подали такъ называемый «домашній обѣдъ», но наши кочевые обѣды изъ баранины были куда вкуснѣе. Пришлось привести въ порядокъ свой туалетъ, а намъ съ Н. П. замѣнить черкески европейскимъ платьемъ: очень оно показалось намъ неудобнымъ, юбки путались по ногамъ, стѣсняя движенія, и карманы оказывались не тамъ, гдѣ мы привыкли находить ихъ.

Въ этой просвѣщенной странѣ поѣзда отходятъ одинъ разъ въ недѣлю, причемъ здѣшніе поѣзда не согласо-

ваны съ ташкентскими, и въ Ховастѣ приходится ждать дня по два и болѣе *). Мы имѣли несчастіе пріѣхать сюда въ понедѣльникъ, тогда какъ поѣздъ изъ Маргелана отправляется лишь въ ночь съ пятницы на субботу. Если мужу не удастся выхлопотать разрѣшенія проѣхать съ однимъ изъ товарныхъ поѣздовъ, мы потеряемъ здѣсь массу времени.

Немедленно послѣ пріѣзда, мужъ побывалъ у вице-губернатора г. Васильева съ тѣмъ, чтобы поблагодарить его за оказанную имъ намъ любезность по храненію нашихъ вещей у себя за время нашего отсутствія. Вечеромъ того же дня, г. Васильевъ пріѣхалъ къ намъ, чтобы, по его словамъ, «привѣтствовать героинь-путешественницъ», и при этомъ настойчиво приглашалъ насъ на завтра обѣдать къ себѣ безъ предварительнаго визита его супругѣ; мы пробовали было отговариваться слишкомъ незатѣйливымъ дорожнымъ костюмомъ, но онъ указалъ намъ на примѣръ М. М., который обѣдалъ у нихъ въ своей верблюжьей курткѣ.

Въ тотъ же вечеръ мужъ съѣздилъ къ мѣстному желѣзнодорожному начальству съ просьбою доставить насъ какимъ-либо скорѣйшимъ путемъ въ Ташкентъ; начальникъ участка телеграммою запросилъ о разрѣшеніи на это и обѣщалъ увѣдомить о результатѣ. Въ два часа ночи, когда мы уже спали сномъ праведниковъ, раздался неистовый стукъ въ наружную дверь, затѣмъ въ окно съ улицы всунулась голова, которая заявила, что ей нуженъ инженеръ Г., которому она имѣетъ передать телеграмму: это было разрѣшеніе дать намъ вагонъ и прицепить его къ паровозу, идущему въ Ташкентъ; по

*) Дорога не была еще въ то время офиціально открыта, а потому правильнаго движенія еще установлено не было.

объясненію обладателя головы, паровозъ уже готовъ и отправляется немедленно. Но лошади наши еще не проданы, вещи не собраны, а потому воспользоваться этимъ случаемъ намъ не пришлось.

19 августа. Городъ имѣетъ сегодня праздничный видъ по случаю пріѣзда генерала-губернатора. Такъ какъ окна нашихъ комнатъ выходятъ на улицу, мы имѣли возмож-

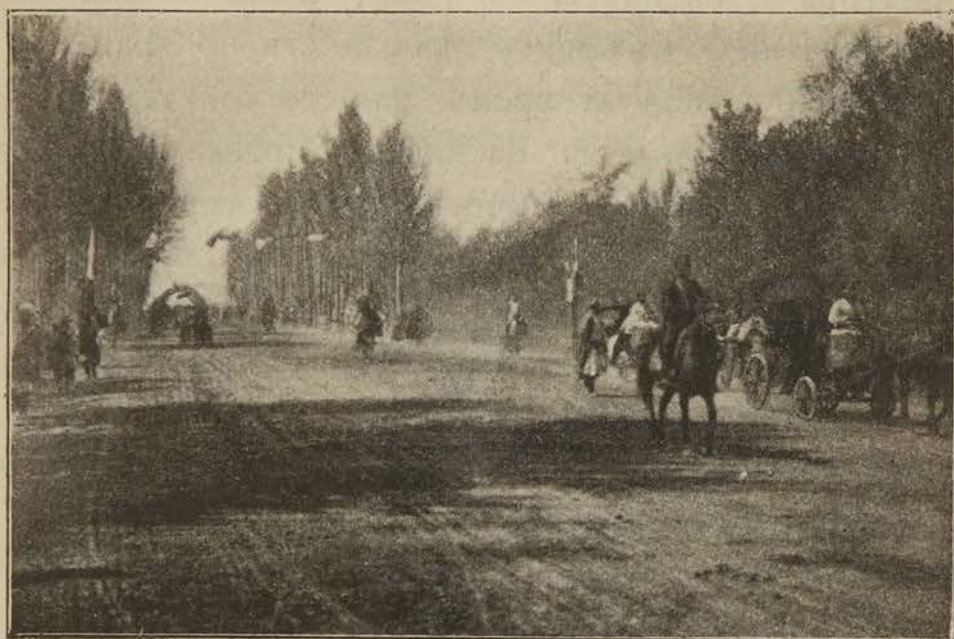

Рис. 63. Улица въ новомъ Маргеланѣ.

ность, не трогаясь съ мѣста, любоваться на процессію, которая продефилировала мимо насъ. Вдоль фронта выстроившихся войскъ прошелъ генералъ-губернаторъ въ сопровожденіи губернатора; ѣхавшую сзади коляску окружали красавцы-джигиты на бѣлыхъ коняхъ, въ бѣлыхъ папахъ, ярко-красныхъ кафтановъ и желтыхъ киргизскихъ расшитыхъ чамбарахъ. За ними, въ парадныхъ костюмахъ, слѣдовали верхами мѣстные депутаты и представители, а въ хвостѣ процессіи тянулся всякій сбродъ, оборванный и босой; нерѣдко сидѣло по-двое на одной

лошади, покрытой рогожною попоною. Флаги развѣваются, пушки палятъ, дамы машутъ платками. По прибытіи на вокзалъ ген.-губернаторъ былъ встрѣченъ сартскою депутаціей, поднесшую ему хлѣбъ-соль, отъ которой онъ отказался, заявивъ депутаціи, что согласится принять ее лишь впослѣдствіи, когда сарты своимъ дальнѣйшимъ поведеніемъ докажутъ, что раскаиваются въ происшедшихъ безпорядкахъ *).

Вечеромъ обѣдали у вице-губернатора, жена котораго, совсѣмъ еще молодая и очень красивая женщина, приняла насъ съ такимъ радушіемъ и простотою, которыя совсѣмъ очаровали насъ; проведя у любезныхъ хозяевъ нѣсколько пріятныхъ часовъ, мы всѣмъ обществомъ отправились смотрѣть иллюминированный городъ.

20 августа. Н. П. и мнѣ хотѣлось пріобрѣсти здѣсь нѣсколько ковровъ киргизскаго издѣлія: они довольно красивы, безконечно прочны и весьма доступны по цѣнѣ; съ этою цѣлью мы направились съ нею сегодня вдвоемъ въ азіатскую часть города. Почувявъ поживу, насъ немедленно же изловилъ мѣстный маклеръ, предлагая свои услуги, которыми мы и сочли за лучшее воспользоваться, такъ какъ по незнанію языка часто становились въ затруднительное положеніе. Къ огорченію нашему однако мы узнали, что киргизы привозятъ свои ковры для продажи лишь осенью; теперь же изрѣдка попадаются подержанные и пообѣщавъ найти для насъ таковыя, нашъ чичероне вызвался свести насъ къ «покупальному человѣку» (отъ глагола покупать), оказавшемуся владѣльцемъ довольно обширныхъ бань. Лишь подъ конецъ нашего визита мы догадались, что находимся въ этомъ гигиеническомъ за-

*) Нов. Маргеланъ былъ гнѣздомъ возстанія.

веденіи: по стѣнамъ на гвоздикахъ чинно висѣли чалмы, а подъ ними лежало акуратно сложенное платье — ни пара, ни специфическаго баннаго запаха не было. Ковровъ мы не купили: они оказались не подходящими, но проголодались страшно и направились къ первой встрѣтившейся туземной кухмистерской, въ которой подкрѣпились порціей пельменей изъ баранины съ ужасающимъ количествомъ перца и лука; за пять копеекъ каждая изъ насъ была сыта по горло.

Вечеромъ мужъ отправился на балъ, даваемый городомъ ген.-губернатору, чтобы имѣть случай, вернувшись изъ путешествія, поблагодарить ген.-губернатора и ген. Ионовъ за оказанное намъ содѣйствіе. Съ бала онъ попалъ прямо въ товарный вагонъ, который ждалъ насъ эти дни, и въ которомъ мы расположились на ночлегъ съ вечера. Часа въ два ночи насъ прицѣпили къ отправлявшемуся поѣзду и мы покинули Маргеланъ.

Удачно миновавъ всякія задержки и препятствія, грозившія намъ долгимъ ожиданіемъ на станціи Ховасть, 23 августа, ровно въ полночь мы подошли къ Ташкенту и, не желая своимъ позднимъ пріѣздомъ беспокоить кого-либо у Н. И. Королькова, снова предложившаго намъ свое любезное гостепріимство, мужъ выпросилъ у начальника станціи разрѣшеніе переночевать въ вагонѣ, для чего насъ и отправили на запасный путь.

И вотъ мы опять въ Ташкентѣ, на дачѣ у неизмѣнно милаго и радушнаго Н. И.; мы въ тѣхъ же высокихъ свѣтлыхъ комнатахъ уютнаго флигеля, тотъ же безукоризненный мажордомъ Михайло и молчаливый Юнусъ періодически появляются въ нихъ, насъ встрѣтила та же предупредительная заботливость о насъ словно невидимой феи, какъ и въ первый нашъ пріѣздъ сюда. И чудится мнѣ, что заснула я тогда въ этомъ флигелѣ, и

привидѣлся мнѣ долгій, фантастическій сонъ путешествія къ киргизамъ съ ихъ юртами и верблюдами, Памиры съ ихъ озерами, горами и пустынями, и вотъ теперь опять проснулась я здѣсь, во флигелѣ, въ саду.

Въ этотъ нашъ прїѣздъ мы застали у Н. И. Королькова новое лицо: это былъ Николай Александровичъ Ивановъ, вновь назначенный помощникъ генераль-губернатора. Не говоря о личномъ, въ высшей степени хорошемъ впечатлѣніи, произведенномъ имъ на насъ, отзывы, которые приходится слышать о немъ отъ всѣхъ окружающихъ, заставляютъ искренно порадоваться этому назначенію. Много лѣтъ прослужилъ онъ въ краѣ, изучилъ его всесторонне и вся прежняя дѣятельность его показала въ немъ человѣка съ выдающимися способностями, гуманнаго и энергичнаго *).

На слѣдующій день мы окончательно распрощались съ нашею прислугою, дѣлившею съ нами за эти два мѣсяца всѣ путевыя приключенія и невзгоды. Пришедшій для полученія расчета Мурза меня поразилъ своимъ великолѣпіемъ: въ нарядномъ, съ иголки, халатѣ и расшитой шелками тюбетейкѣ подошелъ онъ ко мнѣ, держа въ одной рукѣ букетъ цвѣтовъ, а въ другой тарелку съ виноградомъ и колоссальными персиками. Необычная торжественность его появленія вскорѣ объяснилась: передъ нами былъ не просто шалопай Мурза, а Мурза-женихъ. За время его отсутствія родители его нашли, что пора бы молодца усадить на мѣсто и, подыскавъ съ этою цѣлью подходящую невѣсту, не только просватали упомянутаго молодца, но и выплатили родителямъ невѣсты значительную часть калыма. Мурза былъ очевидно весьма польщенъ фактомъ, что вотъ и онъ

*) Какъ извѣстно, въ началѣ текущаго 1901 г. Н. А. Ивановъ назначенъ генераль-губернаторомъ края.

будетъ теперь серьезнымъ человѣкомъ и, указывая на свою новую тюбетейку, съ гордостью объяснялъ, что она специально для него вышита его невѣстою (въ то время, когда онъ и не подозрѣвалъ о ея существованіи).

Получивъ причитающееся ему жалованье и подарокъ въ видѣ суконнаго халата, Мурза сталъ въ позу и произнесъ спичъ, въ которомъ очень одобрялъ и насъ самихъ, и путешествіе съ нами. Такого рода прощальныя привѣтствія здѣсь очевидно въ обычаѣ, такъ какъ и Алимъ-бай, и Ташметъ, прощаясь съ нами, также обращались къ намъ съ рѣчью, въ которой просили извинить ихъ, если они чѣмъ не угодили намъ, при чемъ неизмѣнно прибавляли, что они «мало служили, много денегъ получили». «Прибавочки» и «на чаекъ» съ нашей милости никто изъ нихъ не просилъ.

Извлекъ пользу изъ путешествія съ нами и нашъ любимецъ Ташметъ: онъ уже давно женатъ, но супруга его обладаетъ столь воинственнымъ нравомъ, что вступаетъ въ ежедневныя боевыя схватки, какъ съ мужемъ, такъ и съ матерью послѣдняго. Отъ этихъ схватокъ страдаютъ не только косы почтенной матроны, но и домашняя посуда. Заработавъ у насъ довольно значительную для бѣдняка сумму, Ташметъ нашелъ способъ помочь своей бѣдѣ и, опираясь на правило «клинь клиномъ вышибай», рѣшилъ взять въ домъ вторую жену: этотъ дальновидный человѣкъ надѣется подставить ярости своей прекрасной половины новый объектъ, и тѣмъ самымъ отвлечь ее отъ себя и своей родительницы *).

Мужу удалось осмотрѣть оросительныя работы Великаго Князя Николая Константиновича въ Голодной Степи. Въ настоящее время тамъ уже проведенъ отводящій

*) Дорого бы я дала, чтобы узнать теперь, черезъ три года, насколько ему удалась эта военная диверсія.

воду изъ Сыръ-Дарьи громаднѣйшій арыкъ, которымъ предполагается оросить значительныя пространства земли. Если припомнить, что грунтъ пустынной Голодной Степи состоитъ изъ лёса и что, будучи орошаемъ, онъ образуетъ плодороднѣйшую почву,—значеніе этой грандіозной работы станетъ очевиднымъ.

Передъ отъѣздомъ мы побывали у всѣхъ нашихъ ташкентскихъ знакомыхъ, изъ которыхъ семьи Ис—хъ и Ош—хъ оставили въ насъ особенно хорошее впечатлѣніе; В. Ф. Ошанина къ тому же мы считали долгомъ поблагодарить за тѣ цѣнныя совѣты и указанія, которыми онъ снабдилъ насъ въ первый нашъ пріѣздъ.

Приходится всюду подробно рассказывать о всемъ съ нами бывшемъ; впрочемъ, одна встрѣченная мною у знакомыхъ дама прервала мое краснорѣчіе вопросомъ:

— «Ну, а скажите, не случилось ли съ вами чего-нибудь необыкновеннаго? Не падали ли вы въ пропасти, не тонули ли?»

Я должна была сознаться, что, къ сожалѣнію, ничего такого съ нами не произошло—интересъ ея къ намъ упалъ тогда сразу.

5 сентября мы наконецъ покинули гостепріимный кровъ Николая Ивановича. Снабдивъ насъ провизіей, конфетами и лучшими пожеланіями, онъ проводилъ насъ на станцію, гдѣ мы и разстались, вѣроятно, надолго. Для меня было бы истиннымъ огорченіемъ думать, что мнѣ никогда болѣе не доведется встрѣтиться съ этимъ, въ широкомъ смыслѣ хорошимъ человѣкомъ, такъ легко и просто завоевавшимъ не только симпатіи, но и искреннюю привязанность нашу.

ГЛАВА XI.

Мургабское Государево имѣніе. — Красноводскъ. — Домой въ Европу.

По совѣту одного знакомаго инженера, увѣрившаго насъ въ радушіи и любезности полковника Н. А. К—скаго, управлявшаго Мургабскимъ Государевымъ имѣніемъ, мы рѣшились воспользоваться случаемъ осмотрѣть послѣднее, и намъ не пришлось раскаяться въ этомъ, такъ какъ гостепріимство Н. А. превзошло наши ожиданія. Полковникъ К—скій—личность не заурядная. Жизнь этого, далеко еще не стараго человѣка до сихъ поръ была посвящена военнымъ подвигамъ, о которыхъ свидѣтельствуется обиліе орденовъ, украшающихъ его грудь: воевалъ онъ и въ сербскую войну, воевалъ и въ Азіи со Скобелевымъ, былъ, какъ думали, смертельно раненъ въ грудь на вылетъ и остался живъ, несмотря на пробитое легкое; воевать наконецъ стало не съ кѣмъ и онъ принялся за болѣе мирныя занятія. Человѣкъ безукоризненной честности, съ большими и разносторонними познаніями, онъ вотъ уже 9 лѣтъ управляетъ Мургабскимъ имѣніемъ, причемъ требовавшіяся до него ежегодныя значительныя субсидіи стали замѣняться доходами, сперва небольшими, и достигшими, наконецъ, въ 1898 году повидимому почтенной цифры.

Пока мужъ на слѣдующее утро ѣздилъ съ помощникомъ управляющаго верстъ за 25, чтобы осмотрѣть го-

ловную часть оросительнаго канала, самъ Н. А. показывалъ намъ свое любимое дѣтище: питомники и посадки. Площадь виноградныхъ, миндальныхъ и лѣсныхъ посадокъ увеличивается имъ ежегодно въ значительныхъ размѣрахъ. Всѣ они содержатся въ образцовомъ порядкѣ, обильно орошаются и прорѣзаны шоссированными дорогами (что является здѣсь почти необходимостью въ виду того, что въ періодъ дождей лѣсовая почва образуетъ вязкую, невылазную грязь). Кромѣ самыхъ разнообразныхъ улучшеній, за послѣдніе годы въ имѣніи выстроены хлопкоочистительный заводъ.

Часовъ въ 11 вечера нашъ вагонъ былъ прицѣпленъ къ поѣзду и 13 сентября, около 8 час. утра, мы были въ Красноводскѣ, тотчасъ же перебравшись на отходящій пароходъ. Не успѣли мы размѣстить вещи по каютамъ и расположиться на палубѣ, какъ «Адмиралъ Корниловъ» далъ третій свистокъ, завертѣлъ колесами и, дрогнувъ, отвалилъ отъ пристани. Послѣднія привѣтствія провожающихъ, гулъ людскихъ голосовъ, благовѣстъ маленькой деревянной церковки постепенно замираютъ; пестрая толпа сливается съ пристанью, городъ тускнѣетъ, сливаясь съ берегомъ, все заволакивается голубою дымкою: кругомъ насъ великая ширь и покой гладкаго, какъ зеркало, моря. Позади насъ осталась Азія съ ея яркими красками и горячимъ солнцемъ; наше путешествіе, ожидаемая опасности — все прошло и съ каждымъ поворотомъ колеса мы приближаемся къ Европѣ.

Наши пароходные знакомые нами интересуются, насъ спрашиваютъ и стараются увѣрить, что мы съ Н. П. совершили подвигъ. Это льститъ нашему самолюбію; но приходится сознаться, что дешево дались намъ эти лавры. И съ какой стороны ни смотрю я на наше пу-

тешествіе, никакого, къ сожалѣнію, геройства не выходитъ: все обошлось такъ ужасно просто.

Нельзя, впрочемъ, не признать, что обошлось оно просто вслѣдствіе особенно благопріятныхъ условій, которыми было обставлено наше путешествіе. По всѣмъ волостямъ о насъ были даны распоряженія, предписывающія выставять для насъ на остановкахъ юрты, барановъ и провожатыхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, на мѣстное начальство возлагалась отвѣтственность за нашу безопасность. Не будь этого, мы часто были бы поставлены въ весьма критическое положеніе, такъ какъ аулы въ большинствѣ случаевъ ютятся въ горныхъ ущельяхъ и переходахъ, совершенно неизвѣстныхъ пришлому человеку; необходимость доставать барановъ, часто и топливо являлась бы слѣдовательно почти неисполнимою задачею. Считаю также не лишнимъ упомянуть о значительномъ удобствѣ имѣть, прибывая на мѣсто, готовый кровъ уже поставленной юрты, въ то время, какъ каравана приходилось ждать, иногда въ ненастье, по нѣскольکو часовъ. Хотя охотничья команда, прикомандированная къ намъ любезнымъ распоряженіемъ генерала Іонова, какъ выяснилось впослѣдствіи, и оказалась ненужною въ смыслѣ охраны собственно, но безъ нея, особенно въ началѣ пути, мы вѣроятно чувствовали бы себя неспокойно.

Этими удобствами мы всецѣло обязаны Н. И. Королькову. Онъ первый заронилъ въ насъ мысль о возможности этого путешествія, обѣщая всяческое содѣйствіе, — и сдѣлалъ больше, чѣмъ обѣщалъ. Ему обязаны мы тѣми совершенно необычными и огромными впечатлѣніями, которые вынесли за эти нѣскольکو мѣсяцевъ. На всю жизнь останутся они и всегда, при воспоминаніи о нихъ, впечатлѣнія эти будутъ для насъ связаны съ именемъ

Николая Ивановича. Вотъ почему, не умѣя иначе выразить своей признательности, я рѣшаюсь посвятить ему мой настоящій трудъ.

Не претендуя въ этомъ первомъ и, вѣроятно, послѣднемъ писательскомъ опытѣ на литературныя достоинства, особенно старательно слѣдила я за тѣмъ, чтобы строго придерживаться въ немъ истины, дабы не впасть въ иногда свойственный досужимъ туристамъ грѣхъ фантастическихъ прикрашиваній, и я была бы счастлива, если бы мнѣ удалась эта скромная задача.

Географическій очеркъ Памировъ.

Мѣстонахожденіе Памировъ и политическое ихъ значеніе.

Въ центральной Азіи, между 37° и $39\frac{1}{2}^{\circ}$ сѣверн. широты и 72° и $75\frac{1}{2}^{\circ}$ вост. долготы Гринвическаго меридіана, тамъ, гдѣ сходятся одни изъ высочайшихъ горныхъ хребтовъ міра: Гималаи, Куэнь-Лунь, Гиндукушъ и Тянь-Шань, находится возвышенная горная страна, носящая въ географической литературѣ названіе «Памирскаго плоскогорья», или «Памировъ». Слово «Памиры», по изслѣдованіямъ филологовъ, имѣетъ нѣсколько значеній и между прочимъ—«Крыша міра», которое чаще всего и примѣняется въ литературѣ.

Эта пустынная и трудно доступная страна не могла никогда играть выдающейся политической роли; однако за послѣднія четверть вѣка, благодаря поступательному движенію Россіи вглубь Азіи, интересы Россіи и Англіи столкнулись именно на Памирахъ. Страхъ Англіи передъ этимъ настойчивымъ движеніемъ впередъ, и по направленію къ Индіи, заставляетъ ее зорко слѣдить за каждымъ шагомъ этого движенія, тормозя его всѣми доступными ей средствами *). Она не можетъ не созна-

*) Особенно интересны въ этомъ отношеніи книги: Curzon «The Pamirs and the source of the Oxus», London 1896 и «Russia's March towards India, by an Indian Officer», London 1894; послѣдняя написана съ цѣлью убѣдить англійскую публику въ томъ, что почти исключительною цѣлью всѣхъ операцій и завоеваній Россіи въ централь-

вать, какого страшнаго сосѣда она получила бы въ случаѣ захвата Россіею афганскихъ владѣній, служащихъ въ настоящее время буферомъ между Памирами и Индіей. Въ виду этого Англія всячески старалась оттѣснить Россію отъ Памировъ, подѣливъ эту область между Китаемъ и Афганистаномъ, и захвативъ въ свои руки бассейны Ваханъ-Дарьи, составляющей южную границу Памирскаго нагорья.

Англо-русскимъ соглашеніемъ 1872 — 1873 гг. впервые опредѣлены границы вліянія Россіи и Англіи. Съ завоеваніемъ Кокандскаго ханства въ 1876 г., все пространство Памировъ, принадлежавшее ханству, было закрѣплено за Россіею, но въ виду бѣдности и малой доступности нагорья, Россія фактически заняла его лишь послѣ 1891 г.; между тѣмъ Англія не покидала мечты о раздѣлѣ Памировъ между Афганистаномъ и Китаемъ и усиленно работала въ этомъ направленіи, побуждая обѣ эти страны занять Памиры, что по имѣвшимся свѣдѣніямъ и должно было произойти вскорѣ. Отвѣтомъ на это съ русской стороны явился военный отрядъ подъ начальствомъ полковника Іонова (нынѣ генерала-майора), посланный на Памиры въ первый разъ въ 1891 г. и вторично въ 1892 г. *); при этомъ произошло вооруженное

ной Азіи является будто бы Индія и стремленіе проложить себѣ къ ней кратчайшій путь. Сомнѣнія по этому поводу со стороны нѣкоторой части публицистики и литературы авторъ объясняетъ продажною ихъ.

*) Съ крайнимъ раздраженіемъ упоминаетъ объ этой рекогносцировкѣ Кёрсонъ: «Уже много лѣтъ, — говоритъ онъ, — Аличуръ и Яшиль-Куль были спорнымъ рубежомъ сферъ вліянія Афганистана и Китая, и вотъ раннимъ лѣтомъ 1891 г. полковникъ Іоновъ былъ посланъ русскимъ правительствомъ съ военнымъ отрядомъ, вѣроятно въ шутку названнымъ «охотничьей командой», въ цѣляхъ якобы охоты за архарами и упражненій въ стрѣльбѣ (во всемъ мірѣ не

столкновеніе съ афганцами, отрядъ которыхъ и былъ уничтоженъ на берегахъ оз. Яшилъ-Куль. Осенью впервые туда отправленъ русскій отрядъ на зимовку, учрежденіе же въ слѣдующемъ 1892 г. постоянного русскаго укрѣпленія на р. Мургабъ (при сліяніи Акъ-су съ Акъ-Байталомъ) подъ названіемъ Памирскаго Поста, окончательно упрочило наше положеніе.

Въ 1895 г., по настоянію Англіи, была назначена новая разграничительная коммиссія, окончательно установившая границы владѣній русскихъ, китайскихъ и афганскихъ; при этомъ Ваханъ и часть Дарваза подчинены Афганистану, а Шугнанъ и Рошанъ переданы Бухарѣ (т.-е. оказались въ сферѣ вліянія Россіи). Границы эти въ настоящее время являются въ такомъ видѣ: на востокѣ русскіе Памиры граничатъ съ Кашгаромъ, подвластнымъ Китаю (эта линія, впрочемъ, точно не установлена и проводится лишь приблизительно отъ перевала Узъ-Бель на сѣверѣ до перевала Бейкъ на югѣ, въ восточной оконечности Гиндукушъ), на югѣ и юго-западѣ — съ афганскими владѣніями, находящимися въ сферѣ вліянія Англіи, съ запада — бухарскими владѣніями: Шугнаномъ, Рошаномъ и Дарвазомъ, а съ сѣвера — Алайскою долиною, принадлежащей Россіи по всему своему протяженію.

Въ административномъ отношеніи Русскіе Памиры, въ видѣ Памирской волости, входятъ въ составъ Ошскаго уѣзда, Ферганской области, Туркестанскаго генералъ-губернаторства.

нашлось для этого болѣе подходящаго мѣста!), на самомъ же дѣлѣ для того, чтобы произвести демонстрацію передъ всею страной, выгнать афганскихъ или китайскихъ солдатъ, если бы таковые встрѣтились и, присоединивъ эту область насильственно, предварить рѣшеніе спора дипломатическимъ путемъ».

Изслѣдованія Памировъ.

Въ географіи Птолемея, еще до Р. Х. впервые появилось литературное изданіе, упоминавшее о торговой дорогѣ черезъ Памиры и сообщавшее довольно обширныя свѣдѣнія объ этой странѣ.

Затѣмъ о посѣщеніи Памировъ появляется сообщеніе китайскаго путешественника Сюань-Дзань, которому въ VII вѣкѣ по Р. Х. удалось пройти съ запада на востокъ черезъ южную часть нагорья. Въ XIII вѣкѣ знаменитый Марко Поло, во время своего путешествія по Азіи, первымъ изъ европейцевъ прошелъ черезъ Памиры и сообщилъ много свѣдѣній объ этой странѣ (онъ впервые описалъ горнаго барана, который въ честь его названъ *Ovis Poli*). Спустя 300 лѣтъ, черезъ Памиры прошелъ іезуитъ Бенедиктъ Гоэсъ. Послѣ 200 лѣтняго промежутка Памиры посѣтилъ англичанинъ Вудъ, путешествіе котораго составило эпоху въ изслѣдованіяхъ Памировъ: имъ открыто оз. Сары-Куль, названное имъ оз. Викторія, и впервые сообщены точныя и опредѣленные данныя о нѣкоторыхъ частяхъ южныхъ Памировъ.

Изъ иностранцевъ наиболѣе послужили дѣлу изученія Памировъ англичане, оказавшіе, впрочемъ, болѣе услугъ по знакомству съ путями страны; естественно же историческихъ свѣдѣній ими доставлено весьма мало. Съ 1860 г. по 1870 г. ими добыты важныя данныя черезъ пандитовъ (туземцы, обученные съемкѣ), а въ 1873—74 гг. цѣнныя изслѣдованія произведены экспедиціею Форсайта. Съ 1885 г. посѣтилъ Памиры цѣлый рядъ путешественниковъ: въ 1885—Эллиасъ, въ 1886—Локгардъ, въ 1887 г. черезъ всѣ Памиры, съ сѣвера на югъ, отъ Кизиль-Арта до Гиндукуша, прошли французскіе путешественники, Бонвало, Капюсъ и Пепенъ.

Въ 1888—1889 г. путешествовалъ англичанинъ Литльдэль съ супругою, въ 1889—1891 г. — Юнгхесбандъ и Макартней, въ 1892—графъ Денморъ, въ 1893—французъ баронъ де Понсенъ, въ 1894—Керзонъ, въ 1894—1895 г.—шведъ Свенъ-Гединъ *), занимавшійся изслѣдованіями горнаго массива Музь-Тагъ-Ата и глубины памирскихъ озеръ, наконецъ въ 1896 г.—датскіе путешественники Филипсенъ и Олуфсенъ.

Еще Петръ Великій указалъ своимъ наслѣдникамъ на Азію, какъ на страну, заслуживающую особаго интереса и вниманія, но лишь около половины XIX вѣка начала осуществляться мечта великаго преобразователя, и въ 50-хъ годахъ Россія сдѣлала первый шагъ въ этомъ направленіи: въ Оренбургскомъ краю, въ Киргизской степи, на р. Иргизъ, съ одной стороны, и на азіатскомъ берегу Каспійскаго моря, съ другой, появились первыя русскія укрѣпленія; съ этого времени Россія постепенно, но неуклонно подвигалась вглубь страны, подчиняя своему владычеству находившіяся на ея пути свободныя до тѣхъ поръ народности.

Послѣ военной экспедиціи Циммермана въ 1860 г. весь бассейнъ оз. Иссыкъ-Куля (Семирѣченской области) былъ присоединенъ къ Россіи, причемъ черезъ два года разграничительная комиссія опредѣлила границы, отдѣляющія эти новыя владѣнія отъ Китая. Нѣсколько ранѣ этого времени (въ 1856 г.) Семеновъ, а позднѣ Струве, Сѣверцовъ и Потанинъ изслѣдовали предгорья, долины и ледники Тянь-Шаня, бассейнъ Иссыкъ-Куля и горной системы Кара-Тау; обширный матеріалъ наблюденій астрономическихъ, метеорологическихъ, а также богатая коллекція (у Семенова болѣе 1.000 видовъ

*) Авторъ извѣстной книги „Въ сердцѣ Азіи“.

растений альпійской флоры Тянь-Шаня) явились результатомъ этихъ изслѣдованій.

Взятіе Ташкента въ 1864 г., Ходжента въ 1867 г. и обезсиленіе Кокандскаго ханства значительно облегчили изслѣдованія въ области Тянь-Шаня, чѣмъ и воспользовался Сѣверцовъ, вскорѣ посѣтившій г. Вѣрный и верховья р. Нарына.

Съ этого времени цѣлый рядъ путешественниковъ (Федченко, генералъ-майоръ Абрамовъ, Потанинъ, Пѣвцовъ), не останавливаясь передъ величайшими трудностями и опасностями пути въ то время, перебивалъ въ этихъ далекихъ и неизвѣданныхъ странахъ. Китайская имперія была ранѣе совершенно недоступна для европейскихъ изслѣдователей; затѣмъ, немногіе путешественники стали пробираться въ ближайшіе къ русской границѣ китайскіе города: Кашгаръ, Кульджу и др. Пытавшіеся проникнуть далѣе къ Манджуріи и Тибету (Де-ла-Брюнетьеръ и Шлагинтвейтъ) заплатили жизнью за свою любознательность. Пржевальскій первый удачно привелъ такую попытку въ исполненіе, предпринявъ въ періодъ съ 1870 по 1883 г. четыре экспедиціи въ Тибетъ, пустыню Гоби, Монголію и бассейнъ Лобъ-Нора. Онъ является первымъ путешественникомъ, избороздившимъ всю внутренность азіатскаго материка; имъ пройдено около 30.000 верстъ пути, сдѣланы съемки, гипсо-метрическія опредѣленія, метеорологическія наблюденія. Самыя же крупныя заслуги его относятся къ изученію органической жизни, какъ животнаго, такъ и растительнаго царства. Въ Тибетскомъ нагорьѣ онъ первый добылъ экземпляръ горнаго барана (*Ovis Polii*), впервые описанный Марко Поло, а также дикаго верблюда и дикую лошадь, названную въ честь его *Equus Prze-walskii*.

Въ 1876 г. подъ начальствомъ М. Д. Скобелева была снаряжена военно-научная экспедиція, доходившая до оз. Рангъ-Куля; въ ней принимали участіе капитанъ Костенко, В. Ф. Ошанинъ, полковникъ Лебедевъ и друг.

Въ 1871 г. Федченко совершилъ со своею супругою въ Кокандское ханство путешествіе, имѣвшее огромное научное значеніе; онъ открылъ хребты Алайскій и Заалайскій, изслѣдовалъ Алайскую долину (высота ея надъ уровнемъ моря около 8.000 фут. на западномъ, и около 12.000 фут. на восточномъ концѣ), при чемъ особенно обратилъ вниманіе на рѣзко выраженный степной характеръ ея, какъ въ растительномъ, такъ и въ животномъ царствахъ: ящерицы (*Abberpharus*), саджи (*Surgartes Tibetana*) и т. п., обычно встрѣчающіяся въ степи, изобилуютъ и на Алайской долині. Мушкетовъ, посѣтившій Алай въ 1877 г., высказалъ увѣренность, что нѣкогда долина эта служила замкнутомъ нагорнымъ водоемомъ, впослѣдствіи осушившимся.

Въ томъ же 1877 и слѣдующихъ годахъ, Мушкетовымъ совершены на Алай и Памиры два путешествія, результатомъ которыхъ явились, помимо съемки пути и опредѣленія новыхъ астрономическихъ пунктовъ, также и данныя о геогностическомъ строеніи весьма сложной и интересной восточной части Алайскаго хребта. Имъ найдено также, что оз. Б. Кара-Куль представляетъ собою совершенно замкнутый бассейнъ, не имѣющій стока, хотя и принимающій въ себя нѣсколько небольшихъ рѣчекъ. Оно значительно усыхаетъ и въ еще недавнее прошлое было гораздо больше, составляя съ уже высохшими въ настоящее время озерами Кокъ-Кумъ и Кара-Кумъ одинъ обширный водоемъ. Озеро вмѣстѣ съ окрестностями покоится на гранитѣ, къ югу при-

крывающимся толщами метаморфического сланца и триасомъ; острова, выступающіе на немъ, также гранитные. Мушкетовъ же выяснилъ вопросъ объ отсутствіи предполагавшагося до тѣхъ поръ на Памирахъ меридіональнаго хребта Болоръ, упоминаемаго Гумбольтомъ.

Выводы Мушкетова были пополнены Сѣверцовымъ въ тѣхъ же 1877—1878 гг., посѣтившимъ Алай, озера Кара-Куль и Рангъ-Куль. Онъ нашелъ, что оз. Кара-Куль, заполнявшее прежде всю долину, имѣло стоки въ обѣ стороны: на сѣв.-вост. къ р. Кокъ-Сай (притокъ р. Кашгаръ-Дарьи) и на ю.-зап. къ р. Акъ-Су (притокъ или начало Аму-Дарьи). Теперь озеро усохло, и сѣв.-восточный стокъ прекратился окончательно, къ юго-западу же существуетъ, но не ежегодно и лишь въ большое половодье.

Изслѣдованія Сѣверцова совершенно измѣнили предполагаемую внутреннюю географію Памировъ, о которой существовали еще весьма скудныя свѣдѣнія. Имъ собраны обширныя палеонтологическія и минеральныя коллекціи. Ботаническія коллекціи, собранныя въ Ферганѣ и Памирахъ, заключали въ себѣ до 1.000 видовъ. По части изученія памирской фауны, имъ сдѣланъ громадный шагъ впередъ: вмѣсто извѣстныхъ дотолѣ 10 видовъ звѣрей въ Ферганѣ, Сѣверцовъ нашелъ 60 видовъ; птицъ добыто (въ Ферганѣ и Памирахъ) до 350 видовъ; рыбъ—болѣе 20 (изъ нихъ 6 на Памирахъ).

Въ 1878 г. экспедиція подъ руководствомъ извѣстнаго естествоиспытателя и путешественника В. Ф. Ошанина, посѣтила Гиссарскій край, Каратегинъ и Алай.

Въ 1882 г. экспедиція Регеля направилась въ бассейнъ верховьевъ Аму-Дарьи и западныя окраины Памировъ: Рошанъ и Шугнанъ; изслѣдована площадь оз. Шива; интересно нахожденіе въ дикомъ состояніи нѣ-

которыхъ нашихъ культурныхъ растений, родина которыхъ была еще неизвѣстна *).

Въ 1883 г. образовалась первая большая Памирская экспедиція, въ составъ которой входили капитанъ Путята, геологъ Ивановъ и топографъ Бендерскій. Произведена съемка всего пройденнаго пути въ 5-тиверстномъ масштабѣ, опредѣлены высоты, собраны геологическія коллекціи, гербарій, рисунки. Въ своемъ сообщеніи географическому обществу Ивановъ высказалъ, согласно съ Федченко и Мушкетовымъ, убѣжденіе, что никакого меридіональнаго хребта на Памирахъ не существуетъ.

Въ 1883 г. Громбчевскій со своей экспедиціей проникъ черезъ Памиры въ независимое тогда владѣніе Канджуть на верховьяхъ рѣчной системы Инда.

Особенно цѣнный зоологическій матеріалъ дали три экспедиціи Грумъ-Гржимайло; двѣ первыя въ 1884 — 1887 гг. на Алай и Памиры, имѣли результатомъ зоологическіе сборы и наблюденія (преимущественно безпозвоночныхъ). Связывая эти результаты съ ранѣе добытыми Сѣверцовымъ, Федченко и Ошанинымъ, получалась точная и полная фаунистическая картина этого дотолѣ совершенно незнакомаго уголка Азіи. Третья экспедиція Грумъ-Гржимайло съ братомъ въ 1887 г. дала съемку пути въ 5-тиверстномъ масштабѣ на протяженіи 2.000 верстъ и выяснила направленіе горныхъ хребтовъ въ западной части Каракорумской горной системы, произведены также наблюденія, относящіяся до характеристики климата Памировъ, метеорологическія наблюденія и полученъ богатый распросный матеріалъ о населеніи, ко-

*) Напримѣръ, царскіе кудри (*Fritillaria imperialis*), тюльпанъ (*Tulipa suaveolens*), тацетъ (*Narcissus Tazetta*), родина которыхъ оказывается на Памирахъ.

личествъ скота и пр.; по этнографіи и антропологіи имъ сдѣлано до 150 фотографій типовъ народностей и памятниковъ архитектуры. По зоологіи составлены значительныя коллекціи позвоночныхъ.

Въ 1889 г. предполагалась экспедиція Пржевальскаго, не состоявшаяся за смертью своего руководителя: онъ скончался близъ оз. Иссыкъ-Куль, не успѣвъ привести своего намѣренія въ исполненіе. Взамѣнъ ея были снаряжены три экспедиціи: 1-я, подъ руководствомъ Пѣвцова, направилась къ горнымъ хребтамъ Куэнь-Лунь и сѣверной окраинѣ Тибетскаго нагорья, 2-я, подъ руководствомъ Громбчевскаго, изслѣдовала Кафиристанъ, пройдя черезъ Памиры, и 3-я, подъ руководствомъ братьевъ Грумъ-Гржимайло, пройдя черезъ Кульджу, направилась въ центральную Джунгарію. Здѣсь было добыто 4 великолѣпныхъ экземпляра дикой лошади.

Въ 1891—1894 гг. происходили военныя развѣдки подъ начальствомъ генерала Іонова, обслѣдовавшаго нѣкоторые Гиндукушскіе перевалы.

Изъ женщинъ-путешественницъ, посѣтившихъ Памиры, можно, кажется, назвать одну г-жу Литльдэль, англичанку, сопровождавшую своего мужа въ 1889 г. Что же касается русскихъ женщинъ, то нашей спутницѣ Н. П. Бартеневой и мнѣ, первымъ удалось быть въ этой странѣ.

Орографія и рельефъ Памировъ.

Названіе «плоскогорья», примѣняемое къ Памирамъ до настоящаго времени, не передаетъ истиннаго характера рельефа страны. Точнѣе назвать Памиры нагорной страной. Она обнимаетъ площадь приблизительно въ 60.000 кв. верстъ, приподнятую на высоту 10.000—14.000 футъ надъ уровнемъ моря, и состоитъ изъ обширной системы

горныхъ хребтовъ, достигающихъ общей высоты 17.000—20.000 ф., съ отдѣльными пиками до 23.000 ф. высотой, отдѣляющихся другъ отъ друга рѣчными долинами и озерными бассейнами.

Внутренній Памиръ представляетъ собою область, лишенную стока: горные рѣчки и ручьи впадаютъ въ мѣстныя озера, или исчезаютъ въ песчаномъ и галечномъ грунтѣ. Продукты разрушенія мѣстныхъ горъ, еще болѣе ускоряющагося подъ вліяніемъ рѣзкихъ колебаній температуры и непрерывныхъ сильныхъ вѣтровъ, остаются здѣсь же, лишь перемѣщаясь съ мѣста на мѣсто дѣятельностью воды и воздуха. При своихъ перемѣщеніяхъ эти продукты заполняютъ шероховатости, углубленія, и такимъ образомъ стремятся къ нивелированію мѣстности (рис. 47). Поэтому на Памирахъ нѣтъ рѣзкихъ очертаній; лишь кое-гдѣ изъ горной вершины выдается скалистый гребень еще не разрушившейся, особенно твердой породы; почти же повсемѣстно, горы представляютъ своими вершинами совершенно округлыя и мягкія очертанія, пологими склонами и осыпями спускающіяся къ долинамъ (рис. 38). Мелкія частицы въ видѣ щебня, крупнаго и мелкаго песка, осыпавшіяся или смытыя водою и покоющіяся на твердомъ основаніи (кристаллическій сланецъ, гранитъ, порфиръ), образовали плотный, твердый грунтъ, на которомъ копыто лошади часто не оставляетъ никакого слѣда. Относительная высота Памирскихъ горъ здѣсь не велика, благодаря чему область эта проходима безъ значительныхъ затрудненій почти во всѣхъ направленіяхъ. На рельефѣ нагорья значительно отразилась также дѣятельность ледниковъ, нѣкогда развитыхъ гораздо шире, нынѣ же значительно отступившихъ, а мѣстами и вовсе исчезшихъ. О бывшемъ существованіи ихъ свидѣлствуютъ отложенія морен-

наго характера, отличнаго отъ осыпей современнаго разрушенія горныхъ породъ подъ вліяніемъ атмосферныхъ агентовъ.

Наружная или окраинная область Памировъ, съ западной стороны рѣзко отличается отъ только что описанной *): рѣки ея и озера уже имѣютъ стокъ и, хотя въ области, примыкающей непосредственно къ неимѣющей стока, эти рѣки еще незначительны, теченіе ихъ слабо, однако по мѣрѣ приближенія къ периферіи нагорья, онѣ становятся болѣе многоводными, стремительными, размываютъ себѣ глубокія русла, горы отдѣляются здѣсь другъ отъ друга ущельями, иногда принимающими видъ глубокихъ трещинъ, и страна становится, наконецъ, характерно горною.

При взглядѣ на карту Памировъ не трудно видѣть, что преимущественное направленіе горныхъ кряжей почти совпадаетъ съ широтами, слегка лишь уклоняясь къ сѣверо-востоку или юго-западу. Таковы наиболѣе значительные хребты: Алайскій, Заалайскій, Аличурскій, горы Большого и Малаго Памира, а также и Гиндукушъ. Сбѣгающія съ Памировъ рѣки текутъ въ общемъ по тѣмъ же направленіямъ, пробираясь въ промежуткахъ между кряжами.

Въ серединѣ Памировъ находятся два внутреннихъ бассейна: оз. Большого Кара-Куля и озеръ Рангъ-Куля съ Шоръ-Кулемъ; эти бассейны не имѣютъ стока, такъ что всѣ воды, собирающіяся съ горъ въ эти озера, частью испаряются, частью просачиваются вглубь. Прочіе ручьи и рѣки, имѣющіе стокъ къ западу, принадле-

*) Свенъ-Гединъ дѣлитъ Памиры и прилегающія къ нимъ мѣстности на три области: 1) лишенную стока, или плоскогорье, 2) переходную между плоскогорьемъ и типичною горною страню и 3) периферическую, или горную страну.

жать бассейну р. Аму-Дарьи; рѣки же, направляющія свои воды къ востоку, принадлежатъ бассейну р. Тарима. Аму-Дарья и Таримъ, въ свою очередь, принадлежатъ къ замкнутымъ бассейнамъ Аральскаго озера и оз. Лобь-Норъ.

Водораздѣлъ между бассейнами обѣихъ рѣкъ на Памирахъ слѣдуетъ по зигзагообразной линіи, начинающейся еще въ Тянь-Шаньскомъ хребтѣ и проходящей въ верхней части Алайской долины черезъ перевалъ Таунъ-Мурунъ къ перевалу Кизиль-Артъ; отсюда водораздѣльная линія огибаетъ оз. Бол. Кара-Куль и его бассейнъ съ востока, поднимается къ перевалу Кизиль-Джіикъ, круто поворачиваетъ на востокъ, огибая бассейнъ оз. Рангъ-Куль, и далѣе принимаетъ общее юго-восточное направленіе до пересѣченія съ водораздѣльной линіей между бассейнами рѣкъ Аму-Дарьи и Инда въ предѣлахъ Гиндукуша. По картѣ видно, что эта водораздѣльная линія принята за границу между русскими Памирами и Кашгаромъ.

Такое направленіе водораздѣльной линіи между бассейнами р. Аму-Дарьи и р. Тарима, почти совпадающее въ общемъ съ направленіемъ меридіана, дѣлаетъ достаточно понятнымъ предположеніе Гумбольда о существованіи меридіональнаго хребта на Памирахъ (гипотетическаго Болора). Составленная въ настоящее время точная карта Памировъ *) съ нанесенными высотами, устраняетъ необходимость въ какихъ бы то ни было предположеніяхъ объ орографіи страны, давая точную и наглядную картину характера ея поверхности. Только немногіе участки, изъ числа наименѣе доступныхъ, остаются еще не снятыми точною геодезическою съемкою.

*) Изданіе Туркестанскаго военно-топографическаго отдѣла генеральнаго штаба 1892—1893 гг., исправленное и дополненное въ 1898 г.

Съ сѣвера водораздѣлъ между бассейнами рр. Аму-Дарьи и Тарима пересѣкается съ водораздѣльной линіей между бассейнами рр. Аму-Дарьи и Сыръ-Дарьи, проходящей по Алайскому хребту.

Всѣ рѣки, текущія въ предѣлахъ Памировъ, принадлежатъ бассейну р. Аму-Дарьи и составляютъ ея верховье, за исключеніемъ немногихъ ничтожныхъ водныхъ потоковъ, какъ, напримѣръ, р. Кокъ-Сай, принадлежащихъ къ бассейну р. Тарима, и ручейковъ, стекающихъ въ замкнутые бассейны озеръ Кара-Куля и Рангъ-Куля.

Всѣ же остальные потоки Памировъ суть правые притоки р. Пянджа и частью р. Вакша, служащихъ верховьями р. Аму-Дарьи: такъ, р. Акъ-Су вытекаетъ изъ оз. Чакмактынъ-Куль, лежащаго въ Ваханѣ, и вскорѣ вступаетъ въ русскіе Памиры, гдѣ, направляясь на востокъ и затѣмъ на сѣверо-западъ, сливается съ р. Акъ-Байталомъ, послѣ чего получаетъ названіе Мургаба. Послѣдній принимаетъ справа рр. Пшартъ и Кокуй-Бель и около Ташъ-Кургана получаетъ названіе Бортанга, который близъ Қалай-Вамара впадаетъ въ р. Пянджъ.

Слѣдующій потокъ, р. Аличуръ, пройдя оз. Яшилъ-Куль, получаетъ названіе Гунтъ-Дара и недалеко отъ Қалай-Баръ-Пянджа сливается съ р. Тагъ-Дара, послѣ чего впадаетъ также въ Пянджъ.

Наконецъ самый южный потокъ, берущій начало въ ледникахъ Гиндукуша и текущій въ предѣлахъ Вахана подъ названіемъ Ваханъ-Дарьи, слившись съ р. Памиръ, получаетъ названіе Пянджа близъ Қалай-Пянджа.

Въ р. Вакшъ направляются потоки сѣверо-западнаго угла русскихъ Памировъ, изъ которыхъ наибольшимъ является р. Баляндъ-Кіикъ; р. Кизиль-Су со своими притоками есть также притокъ, или, лучше сказать, верховье р. Вакша.

Изъ озеръ наибольшую величину имѣетъ Кара-Куль (площадь болѣе 300 кв. верстъ), представляющій собою самостоятельную внутреннюю водную систему, не имѣющую стока, также какъ и оз. Рангъ-Куль и Шоръ-Куль. Далѣе значительны, оз. Зоръ-Куль, или Викторія, служащее истокомъ р. Памиръ, оз. Яшилъ-Куль, принимающее р. Аличуръ и выпускающее р. Гунтъ.

Изъ болѣе мелкихъ озеръ отмѣтимъ Чакмактынъ-Куль на истокахъ р. Акъ-Су, оз. Малый Кара-Куль въ верховьяхъ р. Гезъ, принадлежащій къ бассейну Тарима, и оз. Сасыкъ-Куль на р. Пшартъ вблизи впаденія въ р. Мургабъ, а также группу мелкихъ озеръ близъ ранѣе поименованныхъ озеръ Викторіи и Яшилъ-Куль.

Геологическое строеніе Памировъ изучено еще мало. Тѣмъ не менѣе можно считать выясненнымъ, согласно геологической картѣ Мушкетова *), что массивъ Памировъ состоитъ изъ первозданныхъ кристаллическихъ породъ, выступающихъ на поверхность въ вершинахъ кряжей, частью метаморфизированныхъ въ кристаллическіе и другіе сланцы. Склоны же кряжей мѣстами прикрыты породами тріасоваго періода. Къ этимъ породамъ относятся, напримѣръ, известняки, образующіе характерныя по своему внѣшнему виду скалы около оз. Рангъ-Куль. Полезныхъ ископаемыхъ, на Памирахъ собственно, пока не найдено.

Въ общемъ, памирскій ландшафтъ представляетъ превосходную иллюстрацію результата дѣятельности атмосферныхъ агентовъ на горный рельефъ, ничѣмъ не маскированный и не осложненный видоизмѣненіями, вносимыми развитіемъ органической жизни, или сознательной культурой дѣятельности человѣка. Здѣсь наглядно высту-

*) Мушкетовъ, «Туркестанъ». С.-Петербургъ, 1896.

пасть картина нивеллирующаго вліянія атмосферныхъ агентовъ и притомъ въ грандіозномъ масштабѣ.

Заслуживаетъ вниманія фактъ, поразившій насъ при посѣщеніи оз. Кара-Куля—я говорю о толстомъ слоѣ подпочвеннаго льда. Насколько мнѣ извѣстно, въ литературѣ описанія его еще не появлялось, а вмѣстѣ съ тѣмъ трудно допустить мысль, чтобы никому изъ научныхъ изслѣдователей, или хотя бы туристовъ, не пришлось до сего времени обратить на него вниманія. Кажется, лишь впервые говоритъ объ этомъ явленіи участникъ нашей экспедиціи, зоологъ М. М. Воскобойниковъ, въ своей статьѣ «Изъ наблюденій на Памирѣ» *).

Особенно наглядно ледъ этотъ виденъ на довольно высокомъ юго-восточномъ берегу, гдѣ обвалы обнаруживаютъ толстый пластъ его, начинающійся метровъ на 6 выше уровня воды, продолжающійся повидимому и ниже этого уровня, и прикрытый сверху 1—1½ метр. слоистой осадочной породы.

Есть вѣроятіе предполагать, что въ котловинѣ озера Кара-Куль находится обширное поле сплошного льда. Наблюденія, произведенныя на большихъ и малыхъ озерцахъ, въ изобиліи группирующихся вблизи главнаго водоема, всюду обнаруживали присутствіе льда на днѣ ихъ и въ обвалахъ береговъ. На нѣкоторыхъ изъ нихъ, подъ слоемъ льда около 2 метровъ толщиною, замѣчались пещеры вслѣдствіе подтаиванія его; на днѣ послѣднихъ, подъ тонкимъ слоемъ воды и ила, ощущалось

*) М. М. Воскобойниковъ. «Изъ наблюденій на Памирѣ», статья, напечатанная въ 3-й книжкѣ журнала «Землевѣдѣніе». (Періодическое изданіе Географическаго Отдѣла Импер. Общ. Любителей Естествозн., Антроп. и Этнограф., подъ редакціей Д. П. Анучина. 1899 г.).

опять что-то очень твердое, по всей вѣроятности, также ледъ.

Въ пользу вышепомянутаго предположенія говоритъ еще и то, что во всѣхъ озерцахъ и болотцахъ, разбросанныхъ на довольно обширномъ пространствѣ, температура воды чрезвычайно быстро понижалась по мѣрѣ приближенія ко дну, и особенно послѣ погруженія термометра въ слой ила, лежащаго на днѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, вслѣдствіе малой глубины, вода имѣетъ довольно высокую температуру. Такъ, по изслѣдованіямъ Воскобойникова, при температурѣ у дна лужи около четверти глубиною въ 14°Ц., въ илѣ дна на глубинѣ $1\frac{1}{2}$ арш. термометръ показывалъ уже 10°Ц. Всѣ озерца и болотца, окружающія Кара-Куль, содержатъ прѣсную воду, хотя почва кругомъ озера покрыта солончаками и въ самомъ озерѣ вода горько-соленая.

Слой льда былъ обнаруженъ Воскобойниковымъ также и на обвалахъ береговъ оз. Шоръ-Куль; по его же наблюденіямъ, островъ на оз. Рангъ-Куль по формѣ своихъ береговъ и цвѣту образующей его породы, сильно напоминаетъ берега Кара-Куля и Шоръ-Куля съ ледяными слоями, но присутствіе льда на этомъ островѣ остается недоказаннымъ, такъ какъ, за неимѣніемъ лодки, пробраться туда было невозможно.

Нельзя не выразить пожеланія, чтобы послѣдующіе путешественники занялись изслѣдованіемъ этого почвеннаго, быть можетъ, такъ называемаго «ископаемаго льда».

Климатъ Памировъ.

Климатъ Памировъ отличается суровостью и чрезвычайно сухостью. Мѣстныя испаренія совершенно ничтожны; западные вѣтры, дующіе съ Персіи, такъ же какъ

и восточные съ Тибета и Китая, содержатъ незначи-
 тельныя количества влаги; влага же, приносимая извнѣ,
 осаждается въ видѣ снѣга на окружающихъ нагорье хреб-
 тахъ: такъ, съ сѣвера она задерживается Алайскимъ и
 особенно Заалайскимъ хребтомъ, который вслѣдствіе
 этого заваленъ снѣгомъ до самыхъ предгорій, а съ юга,
 съ Индійскаго океана, она осаждается на Гиндукушѣ,
 и на долю нагорья остается лишь незначительное ко-
 личество атмосферныхъ осадковъ въ видѣ случайнаго
 дождя лѣтомъ, а преимущественно снѣга, крупы и гра-
 да; снѣгомъ обильно засыпаются лишь наиболѣе узкія,
 углубленныя лощины, съ ровныхъ же и обширныхъ
 котловинъ онъ сдувается вѣтромъ почти цѣликомъ.
 Годовое количество осадковъ поразительно мало: на
 Памирскомъ посту тахіт. осадковъ въ сутки 6,9 мм.
 Въ 1894—1895 гг. въ теченіе 7 мѣсяцевъ въ году было
 не болѣе 1 мм. осадковъ въ мѣсяць, причемъ въ ян-
 варѣ, октябрѣ и ноябрѣ 1895 г. ихъ вовсе не было.

Расположенные на широтѣ южной Греціи и Сициліи,
 Памиры по средней своей температурѣ, равняются Колѣ
 и Мезени; постоянные вѣтра *), рѣзкія перемены темпе-
 ратуры, страшная сухость и разрѣженность воздуха, мо-
 розы въ теченіе почти круглаго года—вотъ отличитель-
 ныя свойства этого климата. Сколько нибудь опредѣлен-
 ныя данныя получены лишь послѣ организаціи правиль-
 ныхъ наблюденій на Памирскомъ посту. Въ прилагаемыхъ
 таблицахъ сгруппированы средніе выводы изъ наблюденій
 за 1894—1895 гг.

*) Намъ нерѣдко приходилось видѣть камни съ круглыми, иногда
 сквозными углубленіями: это дѣйствіе тѣхъ тучъ песка, несомыхъ
 вѣтромъ, которыя, ударяясь въ препятствіе, обтачиваютъ камни и
 какъ бы отшлифовываютъ ихъ, мѣстами выдалбливая углубленія въ
 видѣ пещеръ.

	Барометр.	Сред. темп. года.	Наиб.	Наим.	Абс. влажн.	Относ. влажн.
1894 г.	486,7	— 1,9° С.	+ 27° 3	— 46° 7	—	—
1895 г.	—	— 0,8° С.	+ 25° 8	— 35° 2	2,5	51

	Осадки.	Число дн. съ дож.	Облачн.	Мѣс. съ наиб. осадк.	Преоблад. вѣтра.
1894 г.	51,0	41	3,7	Май, июль.	с.-в., ю.-в., ю.
1895 г.	37,4	23	3,8	Июнь, сент.	ю.-з., ю., с.

Средняя температура шести мѣсяцевъ сентябрь-мартъ, ниже 0°; самый холодный мѣсяцъ январь—25° 4; самый теплый июль и августъ, имѣютъ въ среднемъ +12° 7 и +16° 4. Разница между средними температурами самыхъ жаркихъ и самыхъ холодныхъ мѣсяцевъ 41° 8; между крайними наибольшими и наименьшими 74° 0. Суточные колебанія измѣняются до нѣсколькихъ десятковъ градусовъ въ сутки. Разница температуръ въ тѣни и на солнцѣ очень велика: Бонвало наблюдалъ въ мартѣ на оз. Кара-Куль — 15° въ тѣни и +23° на солнцѣ. Въ болѣе высокихъ мѣстностяхъ Памировъ, эти разности еще больше. Высота снѣговой линіи колеблется въ предѣлахъ высоты отъ 14.000 до 15.000 футъ, такъ что многія вершины и даже цѣпи горъ покрыты вѣчнымъ снѣгомъ; однако ледники развиты сравнительно слабо, вслѣдствіе недостатка атмосферныхъ осадковъ.

Иллюстраціей метеорологическихъ явленій, совершающихся на Памирахъ, можетъ служить прилагаемый графикъ, составленный на основаніи метеорологическаго журнала, который былъ веденъ мною во время нашей экспедиціи.

Для наблюдений служили слѣдующіе инструменты: 1) три барометра-анероида фабрики Ноде, вывѣренные передъ путешествіемъ въ главной физической обсерваторіи; показанія ихъ затѣмъ были провѣрены еще въ ташкент-

ской обсерваторіи передъ отъѣздомъ на Памиры и по возвращеніи оттуда. 2) Термометръ Цельсія maximum-minimum. 3) Простой термометръ Цельсія приспособленный для путешествія. 4) Психрометръ, и 5) портативный ручной анемометръ съ манометромъ. Всѣ инструменты за исключеніемъ anerоидовъ, выписаны отъ фирмы Cassella изъ Лондона, и передъ отъѣздомъ вывѣрены были на метеорологической обсерваторіи московскаго Сельско-Хозяйственнаго Института. Самыя наблюденія производились по возможности въ часы, назначенные для того инструкціями главной физической обсерваторіи, т.-е. три раза въ день: въ 7 час. утра, въ 1 ч. дня и въ 9 час. вечера.

На графикъ нанесены данныя, исправленные отъ погрѣшностей инструментовъ для каждаго наблюденнаго момента: 1) барометрическія высоты, 2) температура воздуха, 3) облачность, 4) отмѣчено выпаденіе атмосферныхъ осадковъ и помѣщены вычисленные величины: 5) абсолютной и 6) относительной влажности воздуха.

Эти данныя наглядно иллюстрируютъ многія интересныя особенности климата Памировъ и нѣкоторыя другія особенности условій пути. Такъ, барометрическая кривая, на которой нанесены въ нѣкоторомъ масштабѣ высоты ртутнаго столба, приведенная къ нолю градусовъ температуры, можетъ служить для приблизительнаго представленія о вертикальной профили пройденнаго пути. Такъ, напримѣръ, изъ графика видно, что съ 11 іюля, когда экспедиція перешла черезъ перевалъ Кизиль-Артъ, т.-е. вступила въ область носящую, названіе Памировъ, отмѣтки барометра не спускаются ниже 500 mm. и держатся для наиболѣе пониженныхъ мѣстъ пути около отмѣтки 480 mm. что соотвѣтствуетъ абсолютной высотѣ мѣста надъ уровнемъ моря около 12.000 фут. Болѣе

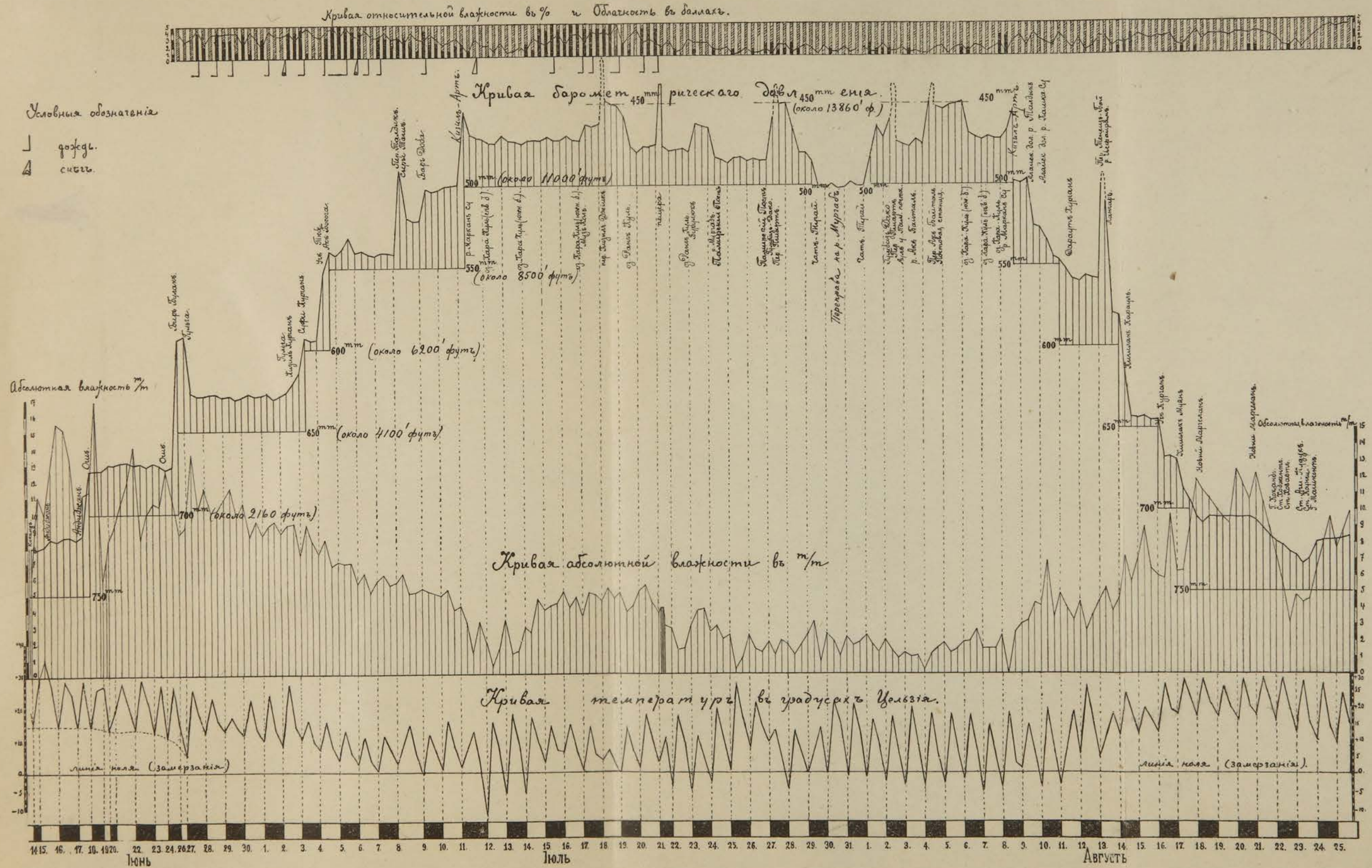
низкія отмѣтки барометра, между 29 іюля и 2 августа, соотвѣтствуютъ спуску по долинѣ р. Пшарта и р. Мургаба на абсолютную высоту около 11.000 фут. Такимъ образомъ, графикъ наглядно показываетъ, что Памиры, на которыхъ экспедиція пробыла съ 11 іюля по 8 августа, дѣйствительно представляютъ въ орографическомъ отношеніи обособленную область, характеризующуюся абсолютною высотой свыше 12.000 футъ.

Далѣе, изъ того же графика видно, что наиболѣе значительные перевалы пути, какъ-то: Кизиль-Джіикъ (18 іюля), перевалъ Пшартъ (27 іюля и 2 августа), перевалъ Акъ-Байталъ (4 августа) характеризуются отмѣтками барометра ниже 450 мм., что соотвѣтствуетъ абсолютной высотѣ ихъ около и свыше 14.000 футъ.

Графикъ вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ наглядно, что высоты переваловъ Алайскаго хребта, каковы перевалы Талдыкъ (8 іюля) и Тенгизъ-Бай (13 августа), едва достигаютъ абсолютной высоты долины Памировъ. Если бы, слѣдовательно, можно было провести горизонтальную площадку черезъ наиболѣе пониженныя точки долины Памировъ, весь Алайскій хребетъ (за исключеніемъ развѣ отдѣльных пиковъ) оказался бы *подъ* этой площадкой.

Насколько барометрическія отмѣтки явственно рисуютъ общій рельефъ пройденнаго пути, несмотря на мѣстные колебанія барометра, видно изъ разсмотрѣнія барометрической линіи, соотвѣтствующей болѣе или менѣе продолжительной стоянкѣ, какъ на прим., на оз. Кара-Куль (съ 12 по 17 іюля и съ 6 по 8 августа), на Памирскомъ Посту (съ 24 по 27 августа), на р. Мургабъ вблизи Чать-тугая (съ 29 іюля по 1 августа), въ Акъ Басагъ (съ 4 по 8 іюля), въ Гульчѣ (съ 27 іюня по 2 іюля) и въ г. Ошѣ (съ 18 по 24 іюня).

Метеорологическій графикъ памирскаго путешествія 1898 г.

Хотя вслѣдствіе мѣстнаго колебанія барометрическаго давленія, барометрическая линія и представляется ломаной, а не горизонтальной прямой, однако, для общей картины рельефа мѣстности замѣченныя отклоненія отъ горизонтальной линіи совершенно несущественны.

Термометрическая кривая особыхъ поясненій не требуетъ; наименьшая температура соотвѣтствуетъ минимальной температурѣ ночи, отмѣчавшейся утромъ по минимальному термометру.

Какъ видно изъ графика, на Памирахъ даже въ іюлѣ и августѣ нерѣдко ночью случаются морозы, какъ то было съ 11 по 15 іюля на берегахъ оз. Кара-Куля, причемъ въ ночь съ 11 на 12 въ урочищѣ Марканъ-Су, или иначе Кокъ-Сай, температура упала до -12° по Цельсію. Подобные же морозы, но меньшей силы, наблюдались и съ 22 по 25 іюля на берегахъ оз. Рангъ-Куль, а затѣмъ съ 27 іюля по 12 августа морозы наблюдались каждую ночь, несмотря на значительныя различія абсолютныхъ высотъ мѣстъ наблюденій.

Суточные колебанія температуры, какъ оказывается по графику, временами составляютъ почти 30° Цел. Понятно, что наивысшія температуры, нанесенныя на графикъ, соотвѣтствуютъ температурѣ воздуха въ тѣни. На солнцѣ термометръ показывалъ бы значительно большія температуры, такъ какъ на 39-й параллели, т.-е. средней широтѣ Памировъ, солнце въ іюлѣ стоитъ въ полдень весьма высоко.

Явленіе рѣзкихъ суточныхъ колебаній температуры становится совершенно понятнымъ при взглядѣ на линію абсолютной влажности, указывающую на чрезвычайную сухость воздуха.

Дѣйствительно, начиная съ Ферганы (съ 14 по 24 іюня), гдѣ абсолютная влажность въ общемъ была наибольшей,

достигая временами 17 мм. давленія, выраженного въ высотѣ ртутнаго столба (18 іюня), абсолютная влажность, по мѣрѣ поднятія экспедиціи въ Алайскомъ хребтѣ, постепенно падаетъ, а на Памирахъ собственно въ среднемъ оказывается меньше 3 мм., достигая лишь въ періодъ отъ 14 по 22 іюля 5 мм. На обратномъ пути за переваломъ Кизилъ-Артъ, съ 9 августа, абсолютная влажность по мѣрѣ пониженія мѣстности постепенно снова повышается до 12 мм. въ Новомъ Маргеланѣ (съ 18 по 22 августа) и 10 мм. въ Ташкентѣ (24 и 25 августа). Замѣтное пониженіе абсолютной влажности 22 августа до 3 мм. соотвѣтствуетъ станціи Ховастъ въ Голодной Степи между Кокандомъ и Ташкентомъ.

Дальнѣйшія данныя доставляетъ линія относительной влажности, выраженной въ процентахъ отъ полного насыщенія воздуха водяными парами, при данной температурѣ и давленіи. Эта кривая также указываетъ на чрезвычайную сухость воздуха и малое вѣроятіе осадковъ на Памирахъ.

Только въ ранѣе уже отмѣченный періодъ съ 14 по 22 іюля, относительная влажность повышается, причемъ этому періоду соотвѣтствуетъ увеличеніе облачности и выпаденія осадковъ. Послѣдніе же обусловливаютъ и повышеніе абсолютной влажности, на которое было указано выше.

Это повышеніе абсолютной влажности замѣтно повліяло на повышеніе минимальныхъ ночныхъ температуръ воздуха, т.-е. повліяло смягчающимъ образомъ на рѣзкость суточныхъ колебаній температуры воздуха. Этотъ случай представляетъ хорошій примѣръ, показывающій значеніе бѣльшого или меньшого содержанія паровъ воды въ воздухѣ для рѣзкости климата.

Ранѣе сказанное, между прочимъ, даетъ наглядное обь-

ясненіе малому количеству осадковъ на Памирахъ. Скудость же осадковъ обуславливаетъ и ранѣе отмѣченную особенность Памировъ, а именно крайне слабое развитіе ледниковъ, несмотря на громадную высоту ихъ надъ уровнемъ моря. Причина, очевидно, состоитъ въ томъ, что матеріала для образованія ледниковъ недостаточно, — выпадающій же зимою снѣгъ частью испаряется, частью успѣваетъ стоять подъ дѣйствіемъ жгучаго лѣтняго солнца.

Что касается вѣтровъ, то направленіе ихъ главнѣйше опредѣляется въ горныхъ долинахъ направленіемъ этихъ послѣднихъ, и никакой болѣе общей законосообразности подмѣтить не удалось.

Въ заключеніе добавлю, что метеорологическія наблюденія во время путешествія чрезвычайно освѣщаютъ, не только явленія, свидѣтелями которыхъ бываетъ наблюдатель, но и разъясняютъ иногда болѣе глубокія причины природныхъ особенностей страны, ея рельефа, характера флоры и фауны, а между тѣмъ наблюденія эти не требуютъ сложной научной подготовки, не представляютъ значительныхъ затрудненій во время пути, а потому являются весьма доступнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ интереснымъ и поучительнымъ матеріаломъ путевыхъ коллекцій. Сопоставленіе же наблюденій, произведенныхъ различными путешественниками разновременно, можетъ иногда указать на обстоятельства, ранѣе ускользавшія отъ вниманія, однако дающія ключъ къ объясненію явленій, до того остававшихся невыясненными. Въ виду этого нельзя не пожелать, чтобы даже во время путешествій, не преслѣдующихъ спеціальныхъ научныхъ цѣлей, метеорологическія наблюденія производились по-

путно, и по возможности правильно, особенно въ мало извѣстныхъ странахъ.

Флора, фауна, населеніе.

Вслѣдствіе описанныхъ климатическихъ условій, растительность Памировъ крайне бѣдна формами и количествомъ. Склоны горъ, галечныя и песчаная пространства обыкновенно совершенно лишены ея, и лишь около рѣкъ, ручьевъ и озеръ можно встрѣтить лужайки, поросшія альпійскими травами. Ни деревьевъ, ни кустарниковъ собственно на Памирахъ нѣтъ, такъ какъ даже въ этихъ низкихъ широтахъ древесная растительность не поднимается выше 12.000 футовъ. Поэтому кустарники встрѣчаются лишь на западной окраинѣ Памировъ, тамъ, гдѣ рѣки прорыли себѣ глубокія русла, гдѣ слѣдовательно дно рѣчныхъ долинъ и ущелій лежитъ уже значительно ниже надъ уровнемъ моря. Кромѣ тала и тамариска, на высотѣ 12.000 ф. начинается встрѣчаться арча, шиповникъ, древовидный можжевельникъ, затѣмъ береза (11.500 ф.), тополь (10.000 ф.) и рябина (9.000 ф.); на послѣдней высотѣ встрѣчаются и первыя поселенія, а также посѣвы ячменя, гороха и пшеницы.

Въ противность растительному, животное царство на Памирахъ довольно богато и крайне своеобразно. Здѣсь встрѣчаются довольно разнообразныя хищники: медвѣдь (*Ursus Leuconyx*) небольшого роста съ некрасивою, грязновато-сѣрою шерстью, родомъ съ Тянь-Шаня; красныя альпійскіе волки (*Canis Alpinus*), которые меньше русскихъ; лисицы, мало отличающіяся отъ нашихъ, и барсъ (*Felis Irbis*). Послѣдній, повидимому, попадаетъ довольно рѣдко.

Изъ числа травоядныхъ животныхъ обращаютъ на себя вниманіе еще до сихъ поръ многочисленныя ста-

Чаще другихъ звѣрей путешественнику попадаются на глаза зайцы и сурки, особенно послѣдніе. Здѣшніе сурки (*Arctomys Longicauda*) имѣютъ чрезвычайно яркій красновато-рыжій окрасъ и отличаются довольно длиннымъ хвостомъ. Памирскіе зайцы (*Lepus Lhemani*) по росту и цвѣту представляютъ нѣчто среднее между обыкновеннымъ зайцемъ и кроликомъ. Мѣстами, какъ на примѣръ, въ устьяхъ р. Пшартъ, гдѣ растутъ уже деревья, зайцы попадаютъ въ огромномъ количествѣ. Болѣе мелкіе грызуны и вообще животныя встрѣчаются въ гораздо меньшихъ количествахъ.

Изъ числа птицъ на Памирахъ также не мало хищниковъ, къ числу которыхъ принадлежатъ одни изъ наибольшихъ извѣстныхъ намъ, напримѣръ, орелъ-ягнятникъ или бородачъ (*Hypaëtus Barbatus*), различные грифы (*Gyps Nivicola*) и другіе. Пернатая дичь собственно довольно многочисленна на Памирахъ. Въ горахъ встрѣчается горная индѣйка (*Megaloperdix Himalaica*), по мѣстному «улларъ» и особый видъ саджи (*Syrrhaptes Tibetana*?) исключительно держащаяся на днѣ долинъ по галечнымъ розсыпямъ. Оба вида осѣдлы. На озерахъ водится въ большихъ количествахъ водоплавающая дичь:

небольшіе гуси особаго вида (*Anser Hymalaensis*), разнообразныя породы утокъ, бакланы, кулики и чайки. Всѣ водяныя птицы на зиму улетаютъ, хотя и выводятъ здѣсь дѣтей.

Изъ числа домашнихъ животныхъ на Памирахъ преимущественно разводятся овцы, а также и козы; обыкновенный рогатый скотъ не выживаетъ на этихъ высотахъ и его замѣняетъ якъ (*Bos gruniens*), доставляющій не только молоко, шкуру и мясо, но и служащій въ качествѣ вьючнаго и верхового животнаго. Лошади и верблюды встрѣчаются въ небольшомъ количествѣ.

Пресмыкающихся и амфибій на Памирахъ нѣтъ; онѣ найдены лишь на ступени къ Памирамъ, Алайской долины, гдѣ извѣстенъ лишь одинъ видъ ящерицы и лягушки (*Bufo variabilis* и *Rana temporaria*). Насѣкомыхъ чрезвычайно мало; ни комаровъ, ни мошкаръ не встрѣчается.

Рыбы на Памирахъ также мало и, повидимому, держится она только въ ручьяхъ и рѣчкахъ. Хотя М. М. Воскобойникову и удалось поймать мелкихъ рыбъ въ оз. Кара-Кулѣ, гдѣ по свѣдѣніямъ другихъ путешественниковъ ея совсѣмъ нѣтъ, однако рыбы эти, повидимому, представляютъ собою мальковъ той мелкой породы рыбъ, которая найдена въ взросломъ состояніи въ ручьяхъ, текущихъ въ озеро. Всего вѣроятно, что рыба входитъ въ озеро лишь для метанья икры, мальки же послѣ вывода также направляются въ прѣсные ручьи; такой порядокъ свойственъ, какъ извѣстно, многимъ прѣсноводнымъ рыбамъ, мечущимъ икру въ морѣ.

Изъ числа беспозвоночныхъ М. М. Воскобойниковымъ была собрана довольно большая коллекція, изъ которой интересны виды рачковъ, въ огромныхъ количествахъ населяющіе воды Кара-Куля и Рангъ-Куля,

и служащіе главною пищею ихъ пернатымъ обитателямъ.

Коренное населеніе Памировъ состоитъ почти исключительно изъ кочевыхъ кара-киргизовъ, численность которыхъ въ русскихъ предѣлахъ нагорья не превышаетъ 1.000—1.200 душъ обоого пола. Сходный по типу съ алайскимъ киргизомъ, памирскій кара-киргизъ отличается отъ него болѣе слабымъ сложеніемъ, нѣкоторою болѣзненностью и вялостью. Между туземцами распространены преимущественно ревматизмы и другія простудныя заболѣванія, а также болѣзни глазъ и цынга. Единственное занятіе населенія—скотоводство въ самой примитивной формѣ; скотъ круглый годъ пасется подъ открытымъ небомъ и заготовка корма на зиму почти не практикуется. Населеніе бѣдно и находится на низкой ступени развитія.

Примѣч. Для составленія географическаго очерка, помимо собственныхъ свѣдѣній и наблюденій, я пользовалась слѣдующими источниками: *Мушкетовъ «Туркестанъ»*. Спб., 1886. *«Исторія полуувѣковой дѣятельности» Имп. Рус. Геог. Общ.* 1845—1895 гг. М. М. *Воскобойниковъ «Изъ наблюденій на Памиръ»*. (Журн. «Землевѣдѣніе»). *By «An Indian Officer» «Russia's March towards India»*. Lond., 1894. *Curzon «The Pamirs and the source of the Oxus»*. Lond., 1896. Энциклопедическій словарь *Брокгауза и Эфрона*.

ПРИБАВЛЕНІЕ.

Считаю нелишнимъ сказать нѣсколько словъ объ экипировкѣ нашей экспедиціи, стоимости ея и одеждѣ, необходимой при мѣстныхъ условіяхъ.

Къ выступленію въ горы мы окончательно подготовились въ г. Ошѣ, гдѣ и сдѣлали всѣ необходимыя закупки. Наиболѣе крупными изъ нихъ являются юрта и лошади.

Юрта (средняго качества), которая ввиду довольно значительнаго количества лицъ, имѣющихъ помѣщаться въ ней (6 человѣкъ) являлась для насъ весьма полезной, стоила намъ 76 р.; для 2—3 человѣкъ палатка можетъ быть достаточною тѣмъ болѣе, что во многихъ болѣе заселенныхъ мѣстностяхъ, какова, напримѣръ, Алайская долина, можно всегда добыть наемную юрту поденно или помѣсячно (рублей 15—20 въ мѣсяцъ). Притомъ выстроенные уже теперь рабаты (станціи) на протяженіи каждаго 30—50 верстъ избавляютъ даже и отъ этой необходимости.

Заплоченныя нами цѣны за лошадей являются, конечно, довольно высокими, ввиду спѣшности закупки, такъ что нормальная ихъ стоимость представляется нѣсколько болѣе низкою. Нами было приобретено 8 лошадей, изъ которыхъ самая дорогая, сѣрый меринъ мужа, уже пожилая, но очень дѣльная и выносливая ло-

шадь, стоила 90 р.; гнѣдой меринъ, котораго выбрала для себя Н. П. Бартенева, довольно горячій и съ громаднымъ ходомъ—85 р.; гнѣдой меринъ для гр. Б.—80 р.; рыжій меринъ, служившій мнѣ, карабахскаго типа—70 р.; 2 гнѣдыхъ мерина для доктора и М. М. Воскобойникова—57 и 50 руб.; двѣ лошади для прислуги—35 и 50 р.; два осла были куплены за 25 р.

Въ г. Ошѣ же закупили ячмень, запасъ котораго пришлось пополнить на Памирскомъ посту, при чемъ пудъ стоилъ около 73 к.

Намъ приходилось запасаться количествомъ ячменя, потребнымъ на все наше путешествіе ввиду уже упомянутаго мною обстоятельства, что покупка его для насъ въ пути являлась невозможною, такъ какъ запасы его у киргизовъ истощились, новый же созрѣваетъ лишь во второй половинѣ августа. Количество взятаго съ собою ячменя былъ рассчитано на ежедневную дачу въ 5—6 фунтовъ (раздѣленную на двѣ порціи) на лошадь, что оказалось совершенно достаточнымъ ввиду пополненія корма вблизи селеній покупкою клевера (собственно люцерны), а далѣе, гдѣ возможно, подножнымъ кормомъ.

Этотъ клеверъ (люцерну) мы покупали пучками по 1—2 коп.

Караванъ нашъ состоялъ изъ двухъ верблюдовъ и 8 вьючныхъ лошадей, которыя были нами наняты поденно на все время пути: верблюды въ день по 2 р., лошади—по 1 р.

Состоящіе при нихъ керекеші (погонщики) въ числѣ трехъ человѣкъ, на обязанности которыхъ лежали также хлопоты по навьючиванію и развьючиванію животныхъ, съ ходившими подъ ними лошадьми, продовольствіе лошадей и находившихся при нихъ людей, а так-

же замѣна негодныхъ животныхъ свѣжими, входили въ эту же плату и насъ не касались.

Количество необходимыхъ для насъ животныхъ опредѣлялось расчетомъ вѣса груза, нормального для каждаго изъ нихъ: верблюдъ несетъ 12 пуд., лошадь отъ 6 до 8 пуд., оселъ отъ 4 до 5 пуд.

Яхтаны, въ которыхъ помѣщалась большая часть нашего багажа, имѣли соотвѣтственно этому три размѣра: наибольшіе для верблюдовъ $16 \times 14 \times 30\frac{1}{2}$ дюйма, средніе для лошадей $13\frac{3}{4} \times 12 \times 26$ дюйм., маленькіе для ословъ $10\frac{3}{4} \times 9 \times 19\frac{3}{4}$ дюйм.; вѣсъ ихъ по заполненіи багажемъ былъ отъ 2 до $3\frac{1}{2}$ пуд. Недостатокъ его до полной нагрузки добавлялся другими вещами—ячменемъ, сухарями и пр.

Первоначально юрта была нагружена на одного верблюда, впоследствии же пришлось этотъ порядокъ измѣнить, такъ какъ она оказалась для него слишкомъ тяжелою, а главное—громоздкою.

Наша личная прислуга состояла изъ трехъ человѣкъ, которые были наняты на слѣдующихъ условіяхъ:

Алимъ-бай, караванъ-баши, состоявшій при караванѣ, завѣдывавшій манипуляціями по навьючиванію и развьючиванію его, цѣлости въ пути, а также фуражемъ и правильною раздачею его нашимъ лошадямъ, получалъ въ мѣсяцъ 35 р. на нашихъ харчахъ, но съ обязательствомъ имѣть свою лошадь и прокармливать ее на собственный счетъ, что, конечно, оказалось неудобнымъ въ виду того, что весь нашъ ячмень находился въ его рукахъ. Онъ же былъ и переводчикомъ. Поваръ Мурза получалъ въ мѣсяцъ по 30 р. на полномъ нашемъ содержаніи и съ нашею лошадью. Конюхъ Ташметъ получалъ въ мѣсяцъ по 25 р. на нашихъ харчахъ, но съ своею лошадью и прокормомъ ее на свой счетъ.

Не упоминаю объ Андрѣ, который ѣхалъ на нашъ счетъ, на нашей лошади, но безъ опредѣленнаго вознагражденія и въ концѣ концовъ, ничѣмъ не будучи полезенъ намъ, стоилъ довольно дорого.

Если мужу приходилось въ послѣдствіи для своихъ охотничьихъ экскурсій нанимать у киргизовъ лошадь, то плата за нее въ день была 1 р. Для ѣзды верхомъ мы купили обыкновенныя сартскія сѣдла, которыя оказались чрезвычайно удобными для сѣдока и для лошади. Они состоятъ изъ деревяннаго остова формы англійскихъ сѣделъ, покрытаго тонкой подушкой, и съ полнымъ наборомъ, уздою, арканомъ и ремнями для притарачиванія куржумовъ, стоили каждое по 10 руб.; добавочныя къ нимъ подушки, набитыя верблюжьей шерстью—по 2 руб., 2 сѣдла для прислуги съ полнымъ наборомъ, по 8 р., 2 вьючныхъ сѣдла для ословъ каждое по 1 р., попоны, необходимыя для каждой верховой лошади, каждая по 80—90 к.

Считаю нелишнимъ напомнить о необходимости запасныхъ подковъ, ремешковъ, подпругъ къ сѣдламъ, нитокъ изъ жилъ, иглъ, веревокъ, гвоздей и прочихъ мелочей, которыхъ достать въ пути, конечно, невозможно.

Помимо тѣхъ кошмъ (войлоковъ), которыя являлись принадлежностью юрты, разстилаясь на полу ея, каждый изъ насъ и изъ прислуги имѣлъ по одной спальной кошмѣ—довольно толстой, грубой и столь обширной, что будучи сложена въ нѣсколько разъ представляла довольно удобную постель. Другія кошмы, по-нѣжнѣе, бѣлыя и менѣе обширныя служили вмѣсто или въ добавленіе къ одѣяламъ: надо все время имѣть въ виду, что ночи на Памирахъ холодныя, морозныя даже и въ разгарѣ лѣта. Большія кошмы стоили за

штуку отъ 5 до 6 р., меньшія бѣлыя отъ 2 р. до 2 р. 50 к. Необходимо имѣть нѣсколько запасныхъ небольшихъ кошмъ, чтобы прикрывать въ пути багажъ на случай дождя или снѣга.

Весьма удобнымъ подспорьемъ при укладкѣ вещей негромоздкихъ и необходимыхъ подъ рукою, являются куржумы (переметныя сумы, приблизительно въ квадратный аршинъ каждая), которыя притарачиваются къ сѣдлу сзади; ихъ стоимость зависитъ отъ матеріала, изъ котораго они сдѣланы, и колеблется отъ 60 к. до 1 р. 60 к. Такіе куржумы имѣлись также у всей прислуги, они же служили для перевозки части ячменя.

Изъ провизіи, которою пришлось запастись заранѣе для нашего продовольствія, упомяну о слѣдующихъ предметахъ: сушеная зелень для заправки суповъ (закуплена еще въ Россіи), бульонъ въ желатиновыхъ капсуляхъ, чай для насъ, а также для прислуги и подарковъ; для послѣднихъ двухъ случаевъ вполне пригоденъ зеленый чай, такъ называемый «кокъ-чай», стоящій, кажется, около 70 к. фунтъ и развѣшанный по $\frac{1}{8}$ и $\frac{1}{4}$ фунта. Сахаръ для насъ и прислуги, какао, свѣчи, мука и крупы, изъ которыхъ первое мѣсто занимаетъ рисъ, такъ какъ прислуга питалась исключительно имъ и бараниной въ формѣ «палау»; да и въ нашемъ меню онъ игралъ выдающуюся роль—все это закуплено въ г. Ошѣ. Весьма порядочный мѣстный рисъ стоитъ за пудъ 2 р. 10 коп. Черные ржаные сухари, которые лишь изрѣдка въ видѣ лакомства замѣнялись свѣжими лепешками, были заранѣе заказаны въ булочной въ Ошѣ и съ мѣшками обошлись за пудъ по 2 р. 30 к. въ расчетѣ по 1 фун. на человѣка въ день. Остальная провизія добывалась нами на мѣстѣ у киргизовъ, при чемъ кувшинъ молока (вмѣстимостью около 3 бутылокъ) стоилъ 10—15 к.

Масло тамъ, гдѣ въ рѣдкихъ случаяхъ удавалось его достать, стоило за фунтъ примѣрно 20—30 к. Баранъ, въ зависимости отъ его размѣровъ, вѣса и обширности его курдюка, а также обилія скота въ данной мѣстности, стоилъ отъ 2 до 3 р. 50 к.

Для нашего пользованія всегда слѣдовала за нами корзина-погребецъ, въ которой помѣщались эмалированные тарелки, ножи, вилки, ложки, двѣ небольшія кострюли, походный складной таганъ, кухонные ножи, чайники для воды и чая, чайныя кружки, небольшое количество чая, сахара, сушеной зелени въ мѣшечкахъ и кухонныя полотенца. Чугунный котелокъ для приготовленія жидкой пищи и каши и другой для «палàу» и мясныхъ кушаній привязывались отдѣльно къ сѣдламъ, особый котелъ для прислуги также; стоимость такого котла—90 коп. Роль самовара исполнялъ описанный уже мною кунганъ, вмѣстимостью въ 9 стакановъ и стоимостью 5 руб. Необходимо также ведро для воды, или большой мѣдный кувшинъ съ крышкою—4 р. 50 к. За выставляемые для насъ заранее киргизами юрты, въ которыхъ обыкновенно помѣщалась прислуга, а также сухари и ячмень (во избѣжаніе порчи отъ дождя), платилось по 1 р., при чемъ принималось во вниманіе не столько количество дней пользованія ею, сколько самый фактъ разстановки ея. Дрова (терескенъ), заготовленные для насъ заранее на каждой остановкѣ, оплачивались 30—40 к. Услуги случайныхъ киргизовъ, которыхъ приходилось послать куда-либо поблизости, оплачивались 20—30 коп. Джигитамъ же проводникамъ, сопровождавшихъ насъ 1, 2 и 3 сутокъ и исполнявшимъ разнаго рода порученія по покупкѣ барановъ, молока и пр., платилось или деньгами 1 р., или 8 аршинами недорогой ситцевой матеріи на халать, иногда съ доба-

влениемъ небольшой пачки табаку или восьмушки чаю, что ими очень цѣнится въ виду невозможности поблизости приобрести такія вещи.

Запасъ матерій для подарковъ мы сдѣлали еще въ Ташкентѣ.

Что касается одежды, приспособленной къ памирскому климату, для насъ прежде всего и съ первыхъ же дней выяснилась необходимость въ прочной, по возможности непромокаемой и достаточно теплой обуви: обыкновенные охотничьи сапоги, могущіе надѣваться на толстые шерстяные или войлочные чулки, представляются наиболѣе пригодными, предохраняя ногу отъ холода и сырости; при частыхъ переправахъ черезъ ручьи и рѣчонки лошадь часто забрызгиваетъ водою ноги своего сѣдока выше колѣнъ; при ходьбѣ по камнямъ и лазаніи по горамъ такіе сапоги достаточно устойчивы.

Мужской персоналъ нашей экспедиціи запасся еще въ Ташкентѣ кожаными брюками, которыми обмундированы наши войска въ Туркестанѣ; они дѣлаются изъ кожи козловъ, или кіиковъ, ярко-краснаго или желтаго цвѣта. Прочны они очень и выдержали безпорочно два мѣсяца усиленныхъ, необычайныхъ трудовъ. Цѣна ихъ при этомъ весьма невысока: 2—3 рубля за пару; сдѣланные по особому заказу мужа, обошлись ему въ 5 рублей. Ситцевая или вообще цвѣтная рубашка и широкій поясъ дополняли ихъ костюмъ; по мѣрѣ подъема нашего въ горы пришлось, даже и для ходьбы, ситцевую рубашку замѣнить суконными охотничьими куртками. Изъ Оша нами были взяты съ собою мѣховые «бешметы» — это нѣчто въ родѣ подрясника, крытаго довольно грубою бумажною матеріею, на очень легкомъ бѣломъ барашкѣ: мѣхъ этотъ сильно пачкается, издаетъ довольно непріятный запахъ, но чрезвычайно пріятенъ

на ошупь. Такой бешметъ стоилъ 13 р.; Н. П. и М. М. часто пользовались имъ въ холодную погоду.

Мужъ и я особенно дорожили взятыми изъ Россіи архалуками (или чапаны) изъ толстаго драпа-бобрика; это широкое, просторное одѣяніе съ длинными рукавами, поясомъ и капюшономъ. Надѣвая этотъ архалукъ сверхъ остального платья, подпоясавъ его, и нахлобучивъ на голову капюшонъ, я чувствовала себя на сѣдлѣ неуязвимою ни въ дождь, ни въ снѣжную пургу. Длинные рукава его защищаютъ и руки, несмотря на необходимость держать въ нихъ поводья. Запаслись мы было и теплыми мѣховыми перчатками, но онѣ оказались излишними.

Головные уборы были у насъ весьма разнообразными: были и шлемы, и папахи, и войлочные киргизскія шляпы; вообще же при выборѣ его надо руководствоваться соображеніями о чрезвычайно яркомъ свѣтѣ, сильномъ припекѣ на солнцѣ и рѣзкомъ холодномъ вѣтрѣ въ тѣни и ущельяхъ. Мужъ носилъ шлемъ (легкій, англійскій) и находилъ его удовлетворительнымъ; я же, сверхъ сартской тюбетейки, не снимавшейся мною ни днемъ, ни ночью, надѣвала войлочную пуховую шляпу съ большими полями, и на всякій случай всегда имѣла башлыкъ на плечахъ.

Людямъ со слабыми глазами, не переносящими яркаго свѣта, не мѣшаетъ запастись такъ называемыми горными очками-консервами (съ боковыми сѣтками). Кто изъ насъ купилъ на Алайской долинѣ киргизскіе чамбары—широкіе штаны изъ кожи или шерстяной верблюжьей матеріи; противъ холода и сырости они дѣйствительно могутъ на сѣдлѣ оказаться пріятными, зато для ходьбы и лазанія чрезвычайно неудобны, такъ какъ своею обширностью стѣсняютъ движенія,

Считаю нелишнимъ напомнить о необходимости шерстяной фуфайки, надѣваемой прямо на тѣло: при рѣзкихъ переменахъ температуры, иногда при каждомъ поворотѣ дороги, она способствуетъ болѣе медленному охлажденію тѣла.

Быть можетъ, читатель улыбнется, если я коснусь вопроса о стиркѣ бѣлья, но такая, повидимому, мелочь можетъ быть поводомъ къ крупному затрудненію. Такъ какъ личный багажъ путешественника долженъ быть сокращенъ до возможнаго минимума, да и значительный даже запасъ бѣлья никоимъ образомъ не сможетъ избавить отъ необходимости стирать его въ пути, мы запаслись еще въ Москвѣ (въ аптекарскомъ магазинѣ Келлера) нѣсколькими жестянками жидкаго мыла для стирки въ холодной водѣ: оно уже приготовлено съ синькой и при посредствѣ его наше бѣлье стиралось въ первой попавшейся рѣчонкѣ; чистота его при этомъ оказывалась вполне удовлетворительной.

Каждый почти членъ нашей экспедиціи былъ вооруженъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, въ цѣляхъ охотничьихъ и оборонительныхъ (последнія оказались излишними, но надо помнить, что путешествіе наше совершалось въ нѣсколько тревожное время). Охотничья команда была вооружена трехлинейками новаго образца; наша прислуга—берданками; у мужа былъ тройникъ съ двумя гладкими стволами 12 калибра и экспресснымъ стволомъ 500 калибра. У меня неизмѣнно находился при сѣдлѣ карабинъ Маузера: онъ собственно состоитъ изъ револьвера, вложеннаго въ деревянный кобуръ; при желаніи послѣдній однимъ движеніемъ руки прикрѣпляется къ револьверу и образуетъ весьма удобное и прикладистое ложе карабина. Пули его (6) летятъ далеко, сила боя до 1.000 шаговъ; къ счастью, мнѣ пришлось испытать ихъ дѣйствіе лишь при стрѣльбѣ въ цѣль.

Прибавлю, что, какъ всякій знаетъ, весьма желательно имѣть съ собою хорошій бинокль и совершенно необходимо имѣть компасъ и карту (мы пользовались всегда 10-верстной картой, изданія генеральнаго штаба), чтобы не быть въ зависимости отъ тѣхъ въ большинствѣ случаевъ сбивчивыхъ и неточныхъ свѣдѣній о продолжительности и направленіи того или иного пути, которыя приходится получать отъ мѣстныхъ жителей.

По прибытіи нашемъ въ Новый Маргеланъ, мы ликвидировали все имущество экспедиціи, причемъ за юрту и лошадей было выручено нѣсколько болѣе половины ихъ первоначальной стоимости, за сѣдла же, кошмы, посуду и прочую мелочь—лишь около трети.

Считая наше совмѣстное путешествіе начавшимся съ 12 іюня еще въ Ташкентѣ и закончившимся 23 августа по возвращеніи въ Ташкентъ, и за вычетомъ полученной суммы отъ продажи вещей и лошадей при ихъ ликвидаціи, всѣ путевые расходы выразились для каждаго изъ четырехъ участниковъ въ суммѣ 250 руб.; для доктора и гр. Б., покинувшихъ экспедицію ранѣе,—нѣсколько менѣе.

Этимъ, кажется, исчерпывается запасъ опытныхъ свѣдѣній, которыми мнѣ хотѣлось подѣлиться съ читателемъ тѣмъ болѣе, что насколько мнѣ извѣстно, ни въ одномъ изъ многочисленныхъ уже и, конечно несравненно болѣе цѣнныхъ описаній путешествій на Памиры такихъ свѣдѣній, мелочныхъ, но необходимыхъ каждому путешественнику, не имѣется. Если настоящая книга попадется на глаза человѣку, имѣющему въ виду предпринять такую поѣздку, и облегчить ему сколько-нибудь его сборы въ путь, выяснивъ заранѣе тѣ нужды, которыя онъ встрѣтитъ, и условія, при которыхъ ему придется удовлетворять имъ, я сочту свою задачу выполненною.

Литература о Памирахъ.

Литература о Памирахъ до 1879 г. (русская и иностранная) указана болѣе подробно въ книгѣ И. Минаева: «Свѣдѣнія о странахъ по верховьямъ Аму-Дарьи». Изд. Импер. Рус. Геогр. Общ.

Humboldt «Asie Centrale».

Л. Ф. Костенко. «Туркестанскій край». Спб. 1850, т. I.
Proceedings of the R. G. S. 1870—1871—1892.

Capt. J. Wood. «A journey to the Source of the River Oxus». London. 1872.

Journal of R. G. S. 1840. 1872. 1876. 1878.

Н. А. Свѣрцовъ. «Вертикальное и горизонтальное распределение Туркестанскихъ животныхъ». Москва, 1873.
Извѣст. Общ. Люб. Естествозн.

T. E. Gordon. «The Roof of the World». London, 1876.

«Centralasiatische Studien. Pamir Dialecte» Wien, 1880.

Д. Л. Ивановъ. «Путешествіе на Памиры» и «Орографическій характеръ Памировъ». Извѣст. Имп. Рус. Геогр. Общ. 1884. Вып. 3.

Его же. «Что называть Памирами?» Из. И. Р. Г. О. 1885. Вып. 2.

Его же. «Охота на Памирѣ». Отрывки изъ дневника путешественника. «Природа и Охота». 1885. Январь.

D-r Potagos. «Dix années de voyage dans l'Asie centrale». Paris, 1885.

Н. А. Сьверцовъ. «Орографическій очеркъ памирской горной системы». Записки Им. Р. Г. О. т. XIII. 1886.

Его же. «Замѣтка о фаунѣ позвоночныхъ Памировъ». Записки Турк. От. Общ. Люб. Естеств. Вып. 1.

Г. Е. Грумъ-Гржимайло. «Очеркъ при-Памирскихъ странъ». Изв. И. Р. Г. О. 1886. Вып. 11.

И. В. Мушкетовъ. «Туркестанъ». Спб. 1886.

М. А. Menzbier. Sewertzow. «Ornithologie du Turkestan et des Pays adjacents». 1888. 1889. Moscou.

Bonvalot. «Du Caucase aux Indes à travers le Pamir». Paris. 1889.

Gr. Groume-Grshimailo. «Le Pamir et sa faune lépidoptérologique» («Mémoires sur les lépidoptères», rédigés par N. M. Romanoff, t. IV 1890).

G. Capus. «Le toit du Monde» Paris., 1890.

Б. Л. Громбчевскій. «Докладъ о путешествіи 1889—1890 гг.». Изв. И. Р. Г. О. 1891. Вып. 2.

Geograph. Journal. 1893—1895.

By «An Indian Officer» «Russia's March towards India». London, 1894.

В. Остролюровъ. «Памиры и памирскій вопросъ». «Наблюдатель». Июнь, 1894.

Д-ръ К. Казанскій. «Вблизи Памировъ». Ташкентъ, 1895.

«Россія и Англія на Памирахъ». «Рус. Вѣстн.». Ноябрь, 1895.

Dunmore. «The Pamirs» London, 1895.

C. S. Cumberland. «Sport on the Pamirs». London, 1895.

Б. Громбчевскій. «Наши интересы на Памирахъ».

И. В. Мушкетовъ. «Памиры и Алай». «Живописн. Россія». Т. X.

Н. Третьяковъ. «Къ вопросу объ акклиматизаціи» (докторск. диссертация).

F. de Rocca. «L'Alaï et le Pamir d'après des données récentes». «Revue Géographique. 1896.

G. N. Curzon. «The Pamirs and the source of the Oxus». Lond. 1896.

M. Blanc. «La nouvelle frontière anglo-russe en Asie centrale». «Revue Scientifique». 1896.

«Исторія полувѣковой дѣятельности Имп. Рус. Геогр. Общ.». 1845—1895. Составленная *П. П. Семеновымъ*. Спб., 1896.

М. М. Воскобойниковъ. «Изъ наблюдений на Памирѣ». «Землевѣдѣніе». Изд. Геогр. Отд. Имп. Общ. Люб. Естеств. 1899. Кн. 3.

Свенъ-Гединъ. «Въ сердцѣ Азіи». Путешествія 1893—1897 гг. Спб., 1899.

Д. Н. Головинъ. «Очерки охоты на Памирахъ». «Природа и Охота». 1901.

Карта Памировъ.

Мѣсто, гдѣ были встрѣчены аркары.
 Мѣсто, гдѣ были встрѣчены кикчи.
 Государственная граница.
 Мѣсто, гдѣ были встрѣчены кикчи.